

*М.А. Попов
А.Н. Танчар*

*Митрополит С. Богуш-Сестренцевич:
формирование правительственной политики по отношению к
Римско-католической церкви на белорусских землях
(конец XVIII – первая четверть XIX в.)*

монография

Гродно 2012

Министерство сельского хозяйства и продовольствия
Республики Беларусь

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ГРОДНЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АГРАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

М.А. Попов
А.И. Танчар

Митрополит С. Богуш-Сестренцевич:
формирование правительственной политики по отношению к
Римско-католической церкви на белорусских землях
(конец XVIII – первая четверть XIX в.)

монография

Гродно 2012

УДК 272.(476) «18/19»

ББК 86.375 (4 Бел)

П 58

Рецензенты: доктор исторических наук, заведующий отделом народоведения Института искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы НАН Беларуси А.В. Гурко;

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени БГУ, профессор Минской Духовной Академии В.А. Теплова.

Рекомендовано Советом УО «Гродненский государственный аграрный университет» 08.09.2011 г. (протокол № 1).

Попов, М.А., Ганчар, А.И.

Митрополит С. Богуш-Сестренцевич: формирование
П 58 правительственной политики по отношению к Римско-католической церкви на белорусских землях (конец XVIII – первая четверть XIX в.) : монография / М.А. Попов, А.И. Ганчар. – Гродно : ГГАУ, 2012. – 278 с.

ISBN 978-985-6784-99-9

В монографии рассматривается становления мировоззрения и личности С. Богуша-Сестренцевича; определена степень участия митрополита С. Богуша-Сестренцевича в выработке основных направлений в политике российского правительства по отношению к Римско-католической церкви в конце XVIII – первой четверти XIX в.; исследовано российское законодательство, регламентировавшее правовую основу государственно-костельных отношений; раскрыта церковная деятельность митрополита С. Богуша-Сестренцевича в области подбора помощников по управлению Могилевским архиепископством (викарных епископов, архидьяконов, деканов и настоятелей приходов), а также в формировании архидеканальной, деканальной и приходской структуры архидиоцезии, в частности на восточно-белорусских землях.

Монография адресована специалистам в области истории римско-католического костела. Результаты исследования могут быть использованы в учебном процессе, в рамках чтения определенных курсов и спецкурсов, при подготовке соответствующих учебных, научных и научно-методических пособий по истории Беларуси и России, отечественной историографии, истории конфессий.

УДК 272.(476) «18/19»

ББК 86.375 (4 Бел)

ISBN 978-985-6784-99-9

© Попов М.А., Ганчар А.И., 2012

© УО «ГГАУ», 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1 ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ	
1.1 Историография	5
1.2 Источники	12
ГЛАВА 2 С. БОГУШ-СЕСТРЕНЦЕВИЧ И ОРГАНИЗАЦИЯ СТРУКТУРЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РИМСКО- КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	
2.1 Путь С. Богуша-Сестренцевича к епископскому сану	27
2.2 Формирование правительственной политики по отношению к Римско-католической церкви в период правления Екатерины II	39
2.3 Изменения правительственной политики при Павле I	66
2.4 Особенности правительственного курса по от- ношению к Римско-католической церкви при Алек- сандре I	82
ГЛАВА 3 С. БОГУШ-СЕСТРЕНЦЕВИЧ И ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ МОГИЛЕВСКИМ АРХИЕПИСКОПСТВОМ	
3.1 Назначение викарных епископов	99
3.2 Деятельность консистории и капитулов канони- ков	111
3.3 Формирование архидеканальной, деканальной и приходской структуры	118
3.4 Организация системы духовного образования	127
ГЛАВА 4 ЛИТЕРАТУРНАЯ И НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	133
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	148
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	153
ПРИЛОЖЕНИЕ	189

ВВЕДЕНИЕ

«Антропологический поворот» в мировой исторической науке, наметившийся в последние десятилетия, привел к персонализации истории. Белорусская историческая наука, развиваясь в рамках общемировых тенденций, демонстрирует заметный интерес к изучению роли личности в истории. Историки активно включились в процесс изучения персоналий, ранее по разным причинам незаслуженно «забытых», но внесших значительный вклад в историческое прошлое Беларуси. Одним из таких исторических деятелей является первый римско-католический митрополит на белорусских землях Станислав Богуш-Сестренцевич (1731–1826). Его государственная и церковная деятельность во многом определяли политику российского правительства по отношению к Римско-католической церкви в конце XVIII – первой четверти XIX в. Однако масштабами своей личности: политик и церковный деятель, историк, писатель, филолог, меценат, – он вышел далеко за географические границы Беларуси. Как церковный иерарх, С. Богуш-Сестренцевич должен был заниматься политикой, формирование основных направлений которой проходило не в Минске, Могилеве или Вильно, а в Санкт-Петербурге – при российском императорском дворе. Как историк интересовался историей Крыма, проблемой происхождения славян и становления у них государственности. Как филолог занимался составлением русско-литовского и русско-латышского словарей. Как меценат жертвовал средства на строительство храмов, школ, больниц, богаделен.

Хронологические рамки исследования определяются периодом с конца XVIII по первую четверть XIX в., т.е. от включения Беларуси в состав Российской империи до прихода к власти императора Николая I, с именем которого связывается новый этап во взаимоотношениях государства и костела.

Даты в исследовании приводятся по григорианскому календарю. При описании событий, касающихся истории белорусских земель в составе Российской империи, даты приводятся по юлианскому и григорианскому календарям.

ГЛАВА 1 ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

1.1. Историография

Изучение отдельных направлений формирования и проведения правительственной политики по отношению к Римско-католической церкви на белорусских землях имело место, как в отечественной, так и в зарубежной историографии. В то же время, ее осмысление сквозь призму деятельности митрополита Станислава Богуша-Сестренцевича, стоявшего в центре всех событий, связанных с историей католицизма на белорусских землях в конце XVIII – первой четверти XIX в., не получило должного рассмотрения.

Всю литературу по теме исследования условно можно разделить на биографическую и научно-исследовательскую. В биографической литературе, посвященной изучению жизни и церковной деятельности Станислава Богуша-Сестренцевича, выделяется пять периодов.

Первый период (конец 1820-х – 1830-е гг.) – «панегирический». Вышедшие в это время работы Ю. Серпинского (Шерпинского) [178], С. Парчевского [313], Я. Лашкевича [306] и Ф. Стаховского [332], А. Глаголева [43] содержат скупую информацию о жизни, взглядах и церковной деятельности могилевского митрополита. Их цель – высказывание благодарности умершему иерарху и его прославление.

Второй период (1840-е – 1890-е гг.) – период складывания «идеологических позиций» вокруг личности и сущности церковной Деятельности С. Богуша-Сестренцевича. В этот период выходят работы С. Шантыра [334] и Д.А. Толстого [191], ставших основой для двух подходов в оценке политической деятельности могилевского митрополита. Станислав Шантыр исходил из сугубо отрицательной оценки любого начинания С. Богуша-Сестренцевича, считая того причиной всех бед Римско-католической церкви на белорусских землях и инициатором всех, противоречащих каноническому праву, шагов правительства. Дмитрий Толстой считал могилевского митрополита «замечательным человеком», верным помощником трех российских

монархов, заставившего их пойти по пути установления государственного контроля над деятельностью костела в империи.

Работы, не затрагивающие вопросы церковно-государственных отношений и вышедшие в это время, мало политизированы. Правда, и задачи, которые авторы ставили перед собой, не выходили за рамки желания напомнить интеллектуальному сообществу имя могилевского митрополита. Так, на протяжении 1870–1890-х гг. свет увидели статьи Н. Мурзакевича [91], О. Пржецлавского [151] и Е. Альбовского [4], А. Ивановского [57]. Работы содержат исторические анекдоты или общие, энциклопедические факты из жизни митрополита. Отметим лишь статью А. Вериги-Даровского «Молодость Станислава Богуша-Сестренцевича» [338], которая, по существу, является пересказом одной из частей дневника С. Богуша-Сестренцевича за период с 1731 по 1753 гг.

Третий период (начало XX в.) характеризуется новым оживлением интереса к личности первого могилевского римско-католического митрополита. Заслуга в этом принадлежит М. Годлевскому и В. Криксину. Собственно ими была сделана первая попытка создания научной монографии, посвященной жизни и церковной деятельности Станислава Богуша-Сестренцевича и отхода от ранее сложившихся стереотипов. К сожалению, ей не суждено было осуществиться. Михаил Годлевский смог проработать лишь отдельные вопросы, касающиеся планов перенесения столицы митрополии из Могилева в Вильно [261], попыток С. Богуша-Сестренцевича получить кардинальский титул [254, 258], его борьбы за достижение автокефалии костела [259]. Кратким синтезом наработанных этим исследователем материалов может служить биографическая статья, опубликованная в «Краткой церковной энциклопедии» [261]. Владимир Криксин попытался понять взгляды могилевского митрополита на проблему взаимоотношений государства и церкви. Свои мысли он опубликовал в небольшой брошюре под названием «Несколько слов о дневнике Сестренцевича...» [72]. В ней он выдвинул идею идентичности конфессиональной политики российских и западноевропейских монархов.

Четвертый период (середина XX в.). Революционные события 1917 г. привели к перемещению центра исследований

истории Римско-католической церкви в восточно-европейском регионе из Санкт-Петербурга в Люблин (где в 1918 г. на основе Санкт-Петербургской римско-католической духовной академии открылся Люблинский католический университет) и в Люван (Бельгия). В 1968 г. в Люванском католическом университете состоялась защита диссертации латышского священника Арвалдиса-Андрейса Бруманиса [229]. Использование автором материалов, хранящихся в ватиканских архивах, доступ к которым является ограниченным, сделало его труд для исследователей конфессиональной истории восточно-европейского региона незаменимым. Работу А.А. Бруманиса дополнила рецензионная статья профессора Люблинского католического университета Алексы Петрани в журнале «Каноническое право» за 1970 г. [315]. Она содержит ряд ценных источниковедческих сведений, в т.ч. статистическую ведомость епархиальной, деканальной и приходской структуры Могилевского архиепископства за 1823 г.

Несмотря на идеологические препоны изучения конфессиональной истории в БССР, личность С. Богуша-Сестренцевича получила свое освещение и в белорусской советской историографии. Заслуга в этом принадлежит Г.А. Кохановскому, который в 1980 г. на страницах газеты «Голас Радзімы» опубликовал небольшой литературный очерк о молодых годах жизни могилевского митрополита [68]. В 1984 г. и 2006 г. под несколькими названиями («Зменлівая фартуна») он был вновь опубликован в сборнике литературных эссе о жизни белорусских деятелей культуры «Адчыніся таямніца часу» [66] и «Краязнаўчай газеце» [67].

Пятый период (1990-е гг. – настоящее время). В 90-е гг. XX в. неординарная судьба могилевского архиепископа заинтересовала могилевских краеведов [1, 82, 145, 150, 151]. Их статьи носят популяризаторский характер. Ряд публикаций, посвященных изучению жизни, церковной и научной деятельности С. Богуша-Сестренцевича, напечатали Е.Н. Филатова [197, 198], С.А. Ищенко [60], А.Л. Киштымов [70, 71] и А.И. Мальдис [80]. Краткие биографические сведения о могилевском митрополите появились в отечественных энциклопедических словарях [64, 65, 201]. Данные наработки белорусской историографии были сведены В.И. Оржиховским, В.А. Тепловой и Е.Н. Филатовой в

биографической статье, опубликованной в 5 томе «Православной энциклопедии» [147]. Интерес к изучению жизни и церковной деятельности могилевского митрополита в последнее время начали проявлять также российские (А.С. Ряжев [175], С.Ю. Чимаров [208]) и украинские (А.И. Третьяк [192]) исследователи. Накопленный польскими историками биографический материал, был обобщен Рышардом Волошинским в энциклопедической статье «Польского биографического словаря» [339].

Кроме сугубо биографических работ роль митрополита в формировании конфессиональной политики российского правительства на белорусских землях в той или иной степени затрагивается практически во всех монографиях, посвященных истории Католической церкви в Российской империи в конце XVIII – первой половины XIX в., как отечественных, так и иностранных исследователей.

Так, изучая дипломатические отношения Святого Престола и России, отношение к роли первого могилевского митрополита в конфессиональной политике российского правительства высказывали П. Пирлинг [318], А. Буду [229], Э. Винтер [29], М. Амара-Пуанье [5]. В своих исследованиях они исходили из подхода, заложенного С. Шантырем, и считали С. Богуша-Сестренцевича «зlostным» инициатором всех мероприятий российского правительства.

Анализ церковной деятельности могилевского митрополита на широком фоне характеристики политики российского правительства по отношению к Католической церкви дан в публикациях М. Лорета [303–305]. На основании проработки доступных ему документов ватиканских архивов, он смог создать ряд научных трудов, заслуживших высокую оценку у критиков. В Беларуси проблемой формирования политики российского правительства по отношению к Римско-католической церкви в конце XVIII – первой четверти XIX в. занимаются Е.Н. Филатова [195, 196, 199] и И.Г. Гончарук [35, 36, 40, 41]. Их работы являются пионерскими в данной области исследований отечественной историографии. Но в своих исследованиях они не уделяют внимания характеристике роли С. Богуша-Сестренцевича в формировании конфессиональной политики российского правительства.

На широком фоне изучения внутренней политики российского правительства ряд ценных статистических данных, иллюстрирующих положение Римско-католической церкви в Беларуси, приводят белорусские историки М.Г. Ильяшевич [58] и Е.К. Анищенко [9–12], российские – Е.А. Вишленкова [30–32], С.Л. Григорьев [46], А.А. Кирьянов [69] и А.К. Тихонов [187–190]. Проблеме законодательного положения Католической церкви в Российской империи посвящены работы российских дореволюционных исследователей К. Богословского [25] и Н.Д. Кузнецова [73]. Данные ученые изучают юридический статус костела исходя из официальной правительственной позиции второй половины XIX века. С церковной точки зрения данную проблему рассматривает польский ученый А. Петрани [314]. Свой вклад в изучение законодательства, регламентирующего положение Римско-католической церкви на белорусских землях, внесли также белорусские ученые Н.В. Смехович [182], С.В. Талеронок [184–186], В.В. Губина [48], С.В. Лукша и С.П. Борис [76], российские – О.А. Лиценбергер [74, 75], Е.А. Муравская [89], Л.Р. Романовская [154], М.А. Булавина [26].

Анализ формирования правительственной политики по отношению к Римско-католической церкви на белорусских землях в конце XVIII – первой четверти XIX в. невозможен без исследования взаимоотношений митрополита С. Богуша-Сестренцевича с римско-католическими орденами. Общая характеристика положения монашеских орденов в период с 1772 по 1830 гг. содержится в работах профессора Люблинского католического университета П.П. Гаха [246, 247] и белорусского ученого И.Г. Гончарука [36–38]. Взаимоотношения С. Богуша-Сестренцевича и иезуитов представлены в работах польских исследователей С. Заленского [344, 345], Я. Гижицкого [249], И. Кадульской [270] и М. Инглота [59], белорусских – А.П. Сапунова [177] и Т.Б. Блиновой [24], российских – М.Я. Морозкина [87], А.Р. Андреева [7], В.Б. Лушпая [77–79], М.А. Петровой [148, 149], И.Ю. Хлоповой [202], И.В. Чуркиной [209], С.Я. Яковенко [212] и других.

Территориально-административная структура Римско-католической церкви детально изучена в работах профессора

Люблинского католического университета Б. Кумора [280, 281, 283–285, 290]. На основании проработки материалов схематизмов он впервые в историографии детально проработал вопросы митрополитальной, епархиальной, архидеканальной, деканальной и приходской структуры костела на землях бывшей Речи Посполитой в 1772–1914 гг. В рамках документоведческого исследования структуры и состава фондов 1781 («Могилевская римско-католическая консистория») и 937 («Минская римско-католическая консистория») молодой белорусский историк З.В. Антонович исследует отдельно взятый орган церковного управления – духовную консисторию [13–17], дополняя работы Б. Кумора.

Характеристика роли могилевского митрополита в области организации духовного образования невозможно без использования работ Я. Гижицкого [248], Т. Длугоша [238], Б. Кумора [289, 290], Л. Пехника [316], Я. Дукалы [240, 241], посвященных исследованию истории римско-католических духовных семинарий на белорусских землях. Их статьи дополняют диссертация о. Т. Сальвы [329] и коллективная работа под редакцией о. С. Роспонды [307], на страницах которых в рамках реконструкции истории ордена миссионеров на землях Речи Посполитой также затрагивается проблема проведения отцами-миссионерами учебно-воспитательного процесса в белорусских духовных семинариях. В Беларуси проблема образования будущих римско-католических священников нашла свое отражение в работах И.Г. Гончарука [36, 39], Л.И. Мосейчук [88], Р.В. Зенюк [56].

Станислав Богуш–Сестренцевич вошел в историю не только как церковный и государственный деятель, но и как проповедник, историк, поэт, драматург, переводчик, лингвист, меценат. К сожалению, на сегодняшний день нет исследований, посвящённых анализу научных трудов могилевского митрополита, а также его благотворительной деятельности. Отдельные упоминания об исторических трудах С. Богуша–Сестренцевича можно встретить в работах А. Старчевского [183], В.А. Францева [200], И.В. Ягича [211], И.В. Тункиной [193], Р. Волошиньского [340], А. Грабского [262] и И. Кадульской [335].

Наравне с митрополитом С. Богушем-Сестренцевичем на формирование конфессиональной политики царского правительства в той или иной степени оказывали влияние другие католические иерархи. Без понимания их роли невозможно объективное исследование политических событий, произошедших в Римско-католической церкви в конце XVIII – первой четверти XIX в. Церковная деятельность виленского епископа И. Массальского получила свое рассмотрение в монографии Т. Касабулы [272]. Личность прелата Станислава Шантыра – в очерке Н.К. Каленик (Мазовко) [62]. Биографические материалы о епископах Я. Бениславском и К. Одинце, содержатся в статье В. Кратца [279]. Жизнь и церковная деятельность генерала ордена иезуитов Габриеля Грубера описана в работах П. Пирлинга [317], М. Инглота [266] и С. Южница [268, 269].

1.2. Источники

Проблема формирования правительственной политики по отношению к Католической церкви на белорусских землях в конце XVIII – первой четверти XIX в. нашла свое отражение во многих письменных исторических источниках.

В работе использованы *документальные* (законодательные, актовые, делопроизводственные и статистические) и *повествовательные* (мемуарная литература и переписка) источники [47, с. 11; 201, с. 9].

Законодательные и актовые источники можно условно разделить на две подгруппы. Первая представлена официальной церковной документацией (папскими буллами и бреве, декретами нунциев). Вторая – государственными законодательными и нормативными актами.

На протяжении более 10 лет (1772–1783 гг.) Апостольская Столица не признавала существования на территории Российской империи отдельной церковной провинции. Дипломатическая миссия посла римского папы Джованни Аркетти (1783–1784 гг.) разрешила данную проблему. Официальные документы, оглашающие признание со стороны Святого Престола Могилевской митрополии, были опубликованы в 1784 г. в качестве приложения к распоряжениям российского правительства в «Statuta imperialia Romanas Ecclesias quae in Rossia spectantia» [216]. Их оригиналы сегодня хранятся в Российском государственном историческом архиве (далее РГИА) [168–171].

Второй и третий разделы Речи Посполитой вновь перекроили территориально-административное деление Римско-католической церкви на белорусских землях. Декреты нунция Лоренцо Литта (1797–1799 гг.) и булла папы Пия VI были изданы в 1798 г. в Полоцке [302]. Их оригиналы сегодня находятся в РГИА [172, 173].

В 1849 г. в Санкт-Петербурге под редакцией Игнацы Головинского основные церковные распоряжения были объединены в сборнике под заглавием «Акты и грамоты о устройстве и управлении Римско-католической церкви в Российской империи и Царстве Польском» [2]. Документы изданы на двух языках: латинском и русском.

В 1922–1957 гг. отец-иезуит Мари-Жозеф Руэ де Журнель издал фундаментальный сборник «Нунциатуры в России по подлинным документам» («Nonciatures de Russie d'après les documents authentique»), содержащий архивные материалы, хранящиеся в Апостольском архиве Ватикана. В сборник вошли инструкции нунциям, их переписка с папской курией и российским правительством, декреты, папские буллы и бреве. Первый том содержит документы, относящиеся ко времени посольства Джованни Аркетти в 1783–1784 гг. [324], второй – Лоренцо Литта в 1797–1799 гг. [325], третий – Томмазо Ареццо в 1802–1806 гг. (распадается на 2 полутома) [326, 327], четвертый – Джованни Бенвенутти в 1799–1803 гг. [328].

Вторую подгруппу составляют государственные законодательные и нормативные акты, прямо или косвенно характеризующие правительственную политику по отношению к Римско-католической церкви на белорусских землях.

Как уже отмечалось, в 1784 г., после канонического утверждения папой Могилевского архиепископства, Станислав Богуш-Сестренцевич опубликовал часть законодательных актов, которые касались статуса Римско-католической церкви на белорусских землях в «Statuta imperialia Romanas Ecclesias quae in Rossia spectantia», куда вошли как правительственные распоряжения, так и церковные документы [333].

Преобладающее большинство законодательных актов, позволяющих охарактеризовать юридический статус Римско-католической церкви на белорусских землях в конце XVIII–первой четверти XIX веков, было напечатано в первом Полном собрании законов Российской империи (далее ПСЗ) [150]. Анализируя значение издания ПСЗ, профессор Казанского государственного университета Е.Н. Вишленкова отмечает: «Историки права основным недостатком Полного собрания законов выделяют отсутствие четкого понимания термина закон у его составителей. В главный сборник законов Российской империи были включены документы, имеющие характер судебного прецедента, частного распоряжения по какой-либо конкретной ситуации и т.д. Однако для исследователя религиозной политики такая широта оказывается ценнейшим свойством документа. После его издания работа с актовым материалом была сильно облегчена, и

он стал постепенно вводиться в научный оборот. Впрочем, господствовавшая в отечественной историографии XIX–XX вв. методология способствовала тому, что исследователи использовали эти тексты описательно, преимущественно в качестве иллюстраций. Выборочный анализ актов не позволял проследить изменения в правительственном курсе, выявить тенденции в правовом регулировании межконфессиональных отношений, а также верифицировать информационную составляющую текста. Редко проводилось сопоставление действующих нормативных актов с законопроектами того времени. Полагаю, что Полное собрание следует анализировать как единый текст. Фронтальное изучение законодательных актов, его составляющих, и актов, в него не вошедших, позволяет выявить зоны умолчания, определить декларативную часть политики, стратегию и тактику правового властвования над подданными» [30, с. 11–12].

После подавления восстания 1863–1864 гг., российское правительство предприняло шаги по изучению накопленного багажа законодательных актов и сведению воедино всех законов, касающихся Римско-католической церкви, которые были напечатаны в Полном собрании законов Российской империи, в отдельный сборник. В результате в 1868 г. в Вильно вышли «Законоположения и правительственные распоряжения до Римско-католической церкви в России относящиеся, со времени правления царей Петра и Иоанна Алексеевичей с 1669 по 1867 г. включительно» [52]. В 1889 г. в 16 томе «Актов, издаваемых Виленской археографической комиссией» были опубликованы законодательные документы, характеризующие положение униатов в Беларуси и на Украине. Большая часть из них также затрагивала статус Римско-католической церкви на белорусских землях в период руководства С. Богуша-Сестренцевича [3].

В начале XX в. проблемой сведения воедино и публикацией всех законодательных актов, регламентирующих положение костела на белорусских землях, занялся И.М. Белоголов. Его надежды охватить полностью период с 1772 г. по начало XX века не оправдались. Помешала война и последующие революции. В свет вышел лишь первый том сборника документов, охватывающий российское законодательство за 1772–1825 гг. [22].

Одновременно с изданием сборников законодательных документов, в 1892 г. С.Ф. Рубинштейном был издан указатель, содержащихся в ПСЗ законодательных документов, относящихся к белорусским и украинским губерниям, который включает в себя перечень нормативно-правовых актов, относящихся к истории Римско-католической церкви на белорусских землях [174].

Издание наиболее важных законов, принятых во время правления каждого российского императора было предпринято в последние годы в России. Так в 2000 г. был выпущен двухтомник «Законодательство Екатерины II», раздел которого содержит ключевые законы, регламентирующие статус Римско-католической церкви на белорусских землях [51].

Таким образом, использование документов законодательства в исследовании призвано помочь проследить отношение власти к костелу, выявить факторы, влияющие на правительственную политику, соотнести их с каноническим правом, показать, как изменения в законодательстве влияли на положение Римско-католической церкви на белорусских землях, и как изменения в отношениях С. Богуша–Сестренцевича с императором могли повлиять на законодательство.

Материалы делопроизводства, касающиеся истории костела на белорусских землях условно можно разделить на три подгруппы. Первая включает в себя документы, созданные исключительно церковными органами власти в процессе своей работы. Вторая – делопроизводство государственных органов управления, в той или иной степени затрагивающих положение Римско-католической церкви. Третья – источники, относящиеся как к церковному делопроизводству, так и правительственному, а именно переписка органов управления костела и российского правительства.

К первой группе материалов делопроизводства можно отнести информационные процессы, *relationis status* (реляции), визитации (визиты), раппорты церковных иерархов на имя митрополита С. Богуша-Сестренцевича и т.д.

Информационные процессы епископов представляют собой бюрократическую сторону назначения епископов римским папой, цель которых заключается в сборе максимально приближенной к реальности информации о кандидате [220–226]. В

польской историографии вышло ряд работ, посвященных данному виду источников [263, 286]. Ход информационного процесса кандидата в епископы (кто и когда должен его проводить, кто может быть свидетелем, на какие вопросы он должен ответить) регламентировали инструкция Урбана VIII «*Si processus inquisitionis conficiendus sit*» 1627 г. [230, с. 73–77] и булла Бенедикта XV «*Gravissimum apostolicae procurationis*» 1757 г. [230, с. 221–223]. Проведение информационного процесса поручалось легату (нунцию), который опрашивал свидетелей, принимал от кандидата присягу (Символ веры), проверял истинность прилагаемых документов (метрики крещения, свидетельства о рукоположении и т.д.) и пересылал собранные документы в Консисториальную конгрегацию в Риме, которая решала достоин ли кандидат стать епископом.

Использование информационных процессов епископов открывает перед исследователями широкие перспективы. Во-первых, помогает решить проблемы биографического характера: установить дату рождения, крещения, принятия духовного сана, субдьяконата, дьяконата и рукоположения данного церковного иерарха, узнать какие посты тот занимал в церковной администрации. Во-вторых, информационные процессы содержат статистические данные, иллюстрирующие положение той или иной епархии на конкретный период времени.

Первоначально проведение информационных процессов католических епископов на белорусских землях находилось в ведении нунциев. Так в 1780 г. Дж. Аркетти провел информационный процесс Ежи Повсловского на кафедру викарного епископа Инфлянтского. В 1783 г. Станислава Богуша–Сестренцевича – на могилевскую архиепископскую кафедру и Яна Бениславского – на кафедру могилевского викарного епископа–коадьютора. В 1798 г. нунций Лоренцо Литта провел информационные процессы на епископские кафедры Виленской епархии – Яна-Непомуцена Коссаковского, Каменецкой – Яна Дембовского, Минской – Якуба Дедерко. Он же провел информационный процесс на кафедру епископа–суффрагана могилевского – Киприана Одинца. В 1803–1804 гг. нунций Т. Ареццо провел информационные процессы Симона Гедройца на кафедру жмудского викарного епископа, Игнатия Гоувальта (на кафедру

троцкого епископа-суффрагана), Яна Подгореденского (на кафедре луцко-житомирского епископа-суффрагана) и Иеронима Стройновского (на кафедре луцко-житомирского викарного епископа-коадьютора). Декретом нунция А.Г. Североли «*Attento filiali*» от 8 июня 1812 года право проведения информационных процессов католических епископов в Российской империи было передано от него митрополиту Станиславу Сестренцевичу [314, с.51]. Тот провел в 1812-1813 гг. информационные процессы Жана Маскле на кафедре минского епископа-суффрагана, Валерия-Генриха Каменко – на кафедре киевского епископа-суффрагана, Никодима Пузыны – на кафедре виленского епископа-суффрагана, Тадеуша Кундзича – на кафедре Троцкого епископа-суффрагана и Матеуша Мождженевского – на кафедре могилевского епископа-суффрагана. В 1813–1814 гг. было завершено проведение информационных процессов Иеронима Стройновского на кафедре епископа-ординария виленского и Францишка Мацкевича – на кафедре епископа-ординария Каменецкого. Информационные процессы проводились С. Богушем–Сестренцевичем также в 1823 г. по отношению к Игнатию Гедройцу на назначение его жмудским епископом-коадьютором; в 1825 г. по отношению к Михаилу Пивницкому на назначение того луцко-житомирским епископом-суффраганом; в 1826 г. по отношению к Игнатию Павловскому на назначение того каменецким епископом-суффраганом.

Использование информационных процессов для нашего исследования также представляет большую ценность. Опираясь на данные информационного процесса Станислава Богуша-Сестренцевича в сан малленского титулярного епископа, А.А. Бруманис смог опровергнуть один из упреков, предъявляемых митрополиту его врагами – рождение в кальвинизме, а также уточнить хронологию принятия им духовных санов. Выписка о крещении, датируемая 28 января 1754 г., свидетельствует о том, что 5 сентября 1731 г. маленький Станислав был крещен по римско-католическому обряду в Святопетропавловском костеле местечка Заблудов [229, с. 7]. Среди биографов нет единства взглядов по поводу хронологии принятия С. Богушем–Сестренцевичем духовных санов. Михаил Годлевский и Кароль Недзялковский приводят следующие даты: 23 апреля 1763 г. –

принятие пострига, 22 мая – рукоположение в иподьяконы, 5 июня – в дьяконы, 3 июля – в священники [261, с. 244; 310, с. 305]. Осип Серпинский и Константин Храневич считают, что 29 апреля 1763 г. будущий митрополит принял духовный сан, 29 мая – сан иподьякона, 12 июня – дьякона и 14 июля – священника [178, с. 8–9; 204, с. 388]. Информационный процесс помогает установить точную хронологию принятия духовных санов: 17 апреля 1763 г. – пострижение, 29 мая – рукоположение в иподьяконы, 12 июня – в дьяконы, 3 июля – в священники [229, с. 9–10].

Сегодня оригиналы информационных процессов католических епископов на белорусских землях конца XVIII – первой четверти XIX в. хранятся в Ватиканской апостольской библиотеке. Их фотокопии находятся в центре «Церковные архивы, библиотеки и музеи при Люблинском католическом университете» [282, с.67–153].

Информационные процессы послужили главным источником для фундаментального труда «*Hierarchia Catholica*» («Католическая иерархия»), начатого отцом-францисканцем Конрадом Еубелем и продолженного его собратьями Патрицием Гошо, Ремигием Рицлером, Пирмином Сефрином и Зеноном Пентой. «*Hierarchia Catholica*» является энциклопедическим словарем, в котором по епархиям, расположенных в алфавитном порядке, приводятся списки их епископов, сгруппированных по хронологическому принципу. В сносках к имени каждого епископа содержится краткая хронологическая информация о нем, почерпнутая из информационных процессов. Списки католических архиереев конца XVIII – первой четверти XIX в. приведены в шестом [264] и седьмом [265] томах.

Вторым важным видом материалов делопроизводства по истории Римско-католической церкви являются «*relationis status*» (реляции), т.е. отчеты епископов о состоянии вверенных им епархий, которые они складывают во время посещения Апостольской Столицы (*visitatio ad liminum Apostolorum*). В польской историографии вышло ряд источниковедческих статей, посвященных их анализу [235, 239, 275, 286, 308]. Значение их использования в исследовании конфессиональной истории оценил также Я.Н. Мараш [81, с. 21–23]. В 1971 и 1978 гг., благодаря

отцу-иезуиту Павлу Рабикаускасу, были опубликованы «Отчеты о состоянии епархий в Великом княжестве Литовском», во второй том которых вошли в т.ч. и отчеты митрополита Станислава Богуша-Сестренцевича о состоянии Могилевского архиепископства за 1789, 1793 и 1807 гг. [322].

Основным источником при составлении реляций служили визитации (визиты). Визитации – это осмотр епархии епископом или его представителем. Первые визитации известны с VII–VIII в. Однако их широкое распространение связывается с выполнением постановлений Тридентского собора. Использование визитаций становится неотъемлемой частью любого исторического исследования по истории Католической церкви. И не случайно. Информация, которую может почерпнуть исследователь из материалов визитаций, огромна. Это: сведения о территориально-административном положении того или иного прихода (парафии); данные о количестве храмов, находящихся на его территории (в т.ч. и «иноверческих»), а также информация о церковных институтах и обществах; перечень приходского духовенства и обслуживающего персонала; характеристика пастырской работы (катехизации, проповедей, церковных праздников и т.д.); анализ религиозной жизни прихожан, отчеты о материальном состоянии прихода, его доходах и имуществе. Рост заинтересованности исследователей применением визитаций вызвал появление ряда источниковедческих статей, посвященных их анализу [55, 250, 287, 297, 298, 301]. Визитации римско-католических храмов и монастырей, находившихся на территории Беларуси, сегодня хранятся в Российском государственном историческом архиве, а также в Национальном историческом архиве Беларуси (далее НИАБ). Путеводитель по ним был издан М. Радваном [321].

К материалам церковного делопроизводства относятся также материалы, созданные в процессе работы органов церковного управления (консистории, капитула, канцелярии митрополита). Огромная масса этих документов хранятся в фонде 1781 («Могилевская римско-католическая консистория») НИАБ (г. Минск), а также в описи 144 («Канцелярия митрополита римско-католических церквей Сестренцевича-Богуша (1731–1826)») фонда 821 («Департамент духовных исповеданий Министерства

внутренних дел») РГИА. Путеводитель по ним был издан в 2001 г. М. Радваном [320].

Вторая подгруппа материалов делопроизводства, позволяющая охарактеризовать формирование правительственной политики по отношению к Католической церкви на белорусских землях, представлена распоряжениями центральных и местных органов власти. Так, материалы, относящиеся к проблеме создания Белорусской римско-католической епархии (в 1772–1773 гг.), хранятся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), в фонде 12 («Дела о Польше и Литве»), описи 1, деле 166 [157].

К третьей подгруппе материалов делопроизводства, охватывающей как государственные органы управления, так и церковные, можно отнести переписку римских пап и российских императоров, а также меморандумы, проекты и рапорты Станислава Богуша-Сестренцевича в различные органы государственной власти.

Часть переписки, касающейся российско-ватиканских отношений в первой трети XIX в. (инструкции посланникам и их донесения) были опубликованы в сборнике документов «Внешняя политика России XIX и начала XX веков: документы российского Министерства иностранных дел» [33, 34]. В 1970 г. профессор София Ольшамовская-Сковроньская издала сборник «Корреспонденция пап и российских императоров (1814–1878 гг.)», в котором опубликовала переписку между российскими монархами и понтификами, хранящуюся в Ватиканском архиве [312]. Благодаря М.А. Оболенскому была опубликована также переписка российского правительства с римской курией по вопросу об открытии в Полоцке новициата иезуитов [146].

Понимание позиции С. Богуша-Сестренцевича как главы Римско-католической церкви на белорусских землях по отношению к конфессиональной политике российского правительства невозможно без анализа его официальной переписки (меморандумов, проектов, предложений, рапортов) с органами государственной власти, а также его распоряжений по различным вопросам церковного управления. Наиболее важная часть данных документов была опубликована М. Годлевским в «*Monumenta Ecclesiastica Petropolitana*» [257]. Среди них: проект, представ-

ленный С. Богушем-Сестренцевичем в 1773 г. императрице, о своем видении будущего территориально-административного обустройства Римско-католической церкви на белорусских землях [257, т. 3, с. 13–15], предписания митрополита по организации духовной семинарии в Могилеве [257, т. 2, с. 5–22], проект 1817 г. по реорганизации Могилевского архиепископства [257, т. 1, с. 81–90] и т.д.

Важную роль при выявлении тенденций развития Римско-католической церкви и практического значения реализации правительственной политики по отношению к ней на белорусских землях играют *статистические источники*. Статистические сведения о положении костела собирались как церковными органами управления, так и государственными.

Наиболее распространенным примером статистического сборника, издаваемого Католической церковью для внутреннего применения, являются схематизмы. Под схематизмом следует понимать публикацию, изданную епархиальными властями (или провинциальными властями католических орденов), содержащую перечень церквей, монастырей, иерархии и духовенства епархии (либо орденской провинции). Во многих католических епархиях схематизмы представляют собой не только персональные справочники, но и статистические ежегодники. Само понятие схематизм является унифицированным и объединяет в себе различные названия данных публикаций: *Catalogus*, *Consignatio*, *Elenchus*, *Schematismus*, *Series* (напечатанные на латинском языке); *Katalog*, *Lista*, *Rocznik*, *Schematyzm*, *Spis*, *Szematyzm* (на польском); Каталог, Список (на русском); *Handbuch*, *Personalhandbuch*, *Personalstand*, *Realhandbuch*, *Stand* (на немецком). Появление первых схематизмов на территории Речи Посполитой относят к середине XVIII в. В большинстве случаев они не представляли собой самостоятельной публикации и являлись второй частью литургического календаря.

Что дает историку использование информации, содержащейся в схематизмах? Во-первых, схематизмы содержат перечень приходских и приписных костелов и каплиц, что создает возможность для реконструкции территориальной структуры Католической церкви на Беларуси в тот или иной отрезок времени. Сравнивая схематизмы, можно выделить тенденции роста

или сокращения числа храмов и в сопоставлении с другими источниками выявить их причины. Часто в схематизмах содержатся краткие исторические данные, когда костел был построен, кто является главным жертвователем строительства, является храм каменным или деревянным. Во-вторых, в схематизмах дается список римско-католических иерархов с упоминанием постов, занимаемых ими. Это позволяет историку воссоздать административную структуру управления Римско-католической церкви на белорусских землях. В-третьих, при перечислении костелов указывается приходское духовенство. Поэтому, пользуясь материалами схематизмов, можно воссоздать список духовенства той или иной парафии. Кроме того, в алфавитном указателе приводится информация о возрасте священника и количестве лет священнического служения. Подобного рода информация открывает широкие горизонты для социологических и демографических исследований и позволяет вычислить среднестатистический возраст католического священника, а также сравнить его со среднестатистическим возрастом православного священника, дворянина, чиновника, рабочего, крестьянина и т.д. В-четвертых, некоторые схематизмы содержат церковные статистические данные о количестве прихожан. К ним надо относиться осторожно, но использование этой информации создаст приблизительную картину о количестве римских католиков в том или ином регионе и их общем числе.

Активное использование схематизмов в исследовании истории Римско-католической церкви вызвало на западе появление ряда источниковедческих статей, посвященных их анализу [231, 237, 276, 288, 294, 341, 342]. Характеристике схематизмов Виленской епархии, в состав которой входило большинство белорусских католических храмов, посвящена работа кс. Тадеуша Крахеля [276, 277]. Автор сделал попытку проанализировать ценность информации, содержащейся в схематизмах Виленской римско-католической епархии за 1773–1925 гг. Изучение схематизмов Могилевского архиепископства и Минской епархии еще ждет своего исследователя. Ни одной работы по данной проблематике еще не вышло.

Кроме схематизмов, информацию статистического характера содержат адрес-календари (или месяцесловы). Адрес-

календари – это списки чиновников различных государственных органов власти, издававшихся с 1766 по 1917 гг. Сведения для их публикации в 1765–1867 гг. собирались Императорской академией наук и присылались непосредственно из учреждений. Использование информации, содержащейся в адрес-календарях (месяцесловах) дает историку возможность воссоздать структуру государственных органов управления Римско-католической церкви и в совокупности с другими источниками исследовать логику их создания, функции и принципы их кадрового формирования [83–86, 271].

Одним из наиболее важных исторических источников, основываясь на котором польские ученые реконструировали положение католических орденов в Речи Посполитой на 1772 г., является анкета Джузеппе Гарампи 1773–1774 гг. Анкета орденов Дж. Гарампи – это условное название материалов, направленных католическими орденами в нунциатуру Варшавы, и содержащих информацию о каждом монастыре (его территориально-административном положении, названии, монахах и выполняемом ими служении). Сегодня оригиналы анкеты хранятся в Риме в Ватиканском апостольском архиве, как часть фонда «Архив Варшавской нунциатуры» [227, 245]. Следующая попытка Римской курии собрать такого же рода статистическую информацию о католических орденах, но уже находящихся в Российской империи, относится к 1802 г., и связана с именем нунция Томмазо Ареццо. Сводная таблица о количестве монастырей и монахов по орденам и епархиям, созданная на основе полученных им данных, опубликована М.Ж. Руэ де Журнелем в третьем томе «Нунциатур в России» [327, с. 249–250]. Данные две анкеты являются статистической основой для анализа проводимой российским правительством политики по отношению к духовным орденам.

Приблизительную картину приходской структуры Римско-католической Церкви в Российской империи после первого раздела Речи Посполитой дает «Список римско-католических церквей, находящихся в Российской империи в Белорусской епархии» («*Catologus Ecclesiarum Latino Romano Catholicarum sitarum in Impero Rossiaco Dioecesiumque Albae Russiae constituntium Ordine Alphabetico comparatus*») [217]. Его использование

в совокупности с источниковой работой Станислава Литака «Латинская церковь в Речи Посполитой около 1772 г.: административная структура» [300] позволяет надеяться на максимальную приближенность созданной нами реконструкции к реальности.

Статистические сведения о количестве храмов и монастырей в Могилевской архиепархии после ее канонического признания, содержатся списках 1782 г. [139] и 1786 г. [107].

Повествовательные источники представлены мемуарами и дневниковыми записями как церковных, так и государственных деятелей, а также их перепиской. Их использование позволяет прочувствовать ту эпоху, приблизиться к пониманию глубинных причин, которыми руководствовались иерархи и чиновники, принимая то или иное решение.

Как человек своей эпохи, митрополит С. Богуш-Сестренцевич вел дневники. Их первая часть сегодня хранится в Центральном государственном историческом архиве Украины в г. Киеве [205] и охватывает разрозненные записи о первых годах жизни и молодости будущего митрополита (с 1 сентября 1731 г. по 18 октября 1754 г.). В 1913–1917 гг. на страницах журнала «Старина и новизна» М. Годлевским и В. Криксином была опубликована еще одна часть дневника С. Богуша-Сестренцевича за период с 29 января 1797 г. по 4 марта 1800 г. [179] Характерной чертой двух данных частей является их отрывочность и фрагментарность. Они скорее напоминают тезисные записи о произошедшем, наброски впечатлений и мыслей, писавшиеся наскоро, для себя самого, чем целостное повествование митрополита о своей жизни.

Не менее важны воспоминания, оставленные ближайшим сподвижником С. Богуша-Сестренцевича в начале XIX в., руководителем его канцелярии Станиславом Шантырем, хранящиеся сегодня в библиотеке имени Оссолинских во Вроцлаве (rekoris 6330/II). Воспоминания пронизаны ненавистью к могилевскому митрополиту. Тезисные выдержки из них содержатся в статье Н.К. Каленик (Мазовко) [62].

История посольства нунция Дж. Аркетти в Российскую империю (1783–1784 гг.) описана в работе «Папский нунций при дворе Екатерины II. Воспоминания Аркетти» [215]. Она была

опубликована в 1872 г. отцом-иезуитом И.С. Гагариным. Несмотря на название, мемуары не написаны лично папским посланником. Их автором был его секретарь о. Джоакино Този. Он же [212, с. 155], вероятно, является и автором записок «Орден иезуитов, сохраненный в России после ликвидации в 1772 году. Рассказ белорусского иезуита» [293], опубликованных в переводе на русский язык С.Г. Яковенко в 1991 г. в журнале «Европейский альманах» [54]. Данные работы были написаны по настоянию папы Пия VI и, видимо, являлись своеобразными тайными отчетами нунция о положении дел Римско-католической церкви на белорусских землях [324, с. XVII, LXXII].

Важную роль в характеристике правительственной конфессиональной политики, а также в раскрытии глубинных, скрытых психологических пружин, двигавших российскими бюрократами при принятии решений, касающихся Римско-католической церкви на белорусских землях, играют их воспоминания. Так, например, после себя оставил мемуары президент Юстиц-коллегии лифляндских, эстляндских и финляндских дел Карл-Генрих Гейкинг [42]. В 1796–1798 гг. его ведомство было контролирующим органом и высшей судебной инстанцией для всех католиков Российской империи. Поэтому в своих воспоминаниях он не обошел стороной борьбу митрополита С. Богуша-Сестренцевича за ликвидацию подчиненности костела Юстиц-коллегии.

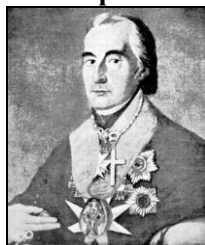
Отметим также воспоминания второго человека в Главном управлении по делам иностранных исповеданий и в Министерстве духовных дел и народного просвещения (контролирующих деятельность Римско-католической церкви в Российской империи на протяжении 1810–1824 гг.) Александра Ивановича Тургенева [194] и его преемника на посту – Филиппа Филипповича Вигеля [28].

Второй группой повествовательных источников, касающихся как истории костела на белорусских землях, так и личности самого С. Богуша-Сестренцевича, являются эпистолярные источники. Сам митрополит вел огромную корреспонденцию, как со своими родственниками, так и со знаменитыми политическими, религиозными и научными деятелями. Часть ее, относя-

щаяся к 1797–1801 г., была опубликована вместе с дневником митрополита [179].

Таким образом, судьба и деятельность С. Богуша-Сестренцевича является одной из ключевых тем при исследовании конфессиональной истории Беларуси конца XVIII – первой четверти XIX в. В то же время, анализ историографии показывает, что вопрос о роли могилевского митрополита в формировании правительственной политики по отношению к Римско-католической церкви на белорусских землях остается нерешенным. В частности, в имеющихся исследованиях отсутствует анализ личностного фактора в формировании правительственной политики российского правительства по отношению к католикам империи, слабо разработана проблема церковного управления в Могилевском архиепископстве, а реконструкция жизненного пути его главы содержит множество ошибок и неточностей. Это обуславливает необходимость проведения исследования церковно-государственных отношений на белорусских землях сквозь призму деятельности одного из церковных иерархов на белорусских землях – могилевского римско-католического митрополита Станислава Богуша-Сестренцевича. Помочь в этом призвано использование широкого круга исторических источников, созданных как государственными, так и церковными органами управления.

Портреты митрополита С. Богуша–Сестренцевича в разные годы жизни

ГЛАВА 2 С. БОГУШ-СЕСТРЕНЦЕВИЧ И ОРГАНИЗАЦИЯ СТРУКТУРЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

2.1. Путь С. Богуша-Сестренцевича к епископскому сану

Станислав-Ян Богуш-Сестренцевич родился 3 сентября 1731 г. в небольшой белорусской деревушке Занки Волковысского повета Новоградского воеводства (теперь Свислочский район Гродненской области) в семье шляхтича Яна Богуша-Сестренцевича и Корнелии Одинец [205, л. 3]. Его отец был по вероисповеданию кальвинистом, мать – католичкой. По настоянию матери младенец был крещен (5 сентября) по римско-католическому обряду в Заблудове (теперь Подляское воеводство, Польша) о. Кшиштофом Божиловским. Но впоследствии возобладало мнение отца, и мальчик был воспитан в кальвинизме [229, с. 3].

О родителях будущего митрополита известно мало. Его отец Ян Богуш-Сестренцевич (1687–1771) носил титулы михневского старосты и стародубского стражника. Он погиб в октябре 1771 г., защищая собственный дом в Ралле от барских конфедератов. Мать Станислава – Корнелия Одинец (1698–1773) была дочерью вилькомирского стражника Михаила Одинца. Она умерла в июле 1773 г. в возрасте 75 лет от туберкулеза [274, с. 276]

У Станислава Богуша-Сестренцевича было 2 брата и как минимум 5 сестер. Сам митрополит был вторым по счету ребенком [261, с. 243; 303, с. 47]. Первенцем была девочка – Дорота. 24 июня 1745 г. она вышла замуж за колачевского старосту Гжегожа Мацкевича [205, л. 5] и родила ему четырех детей [Анну-Катажину (была окрещена 28 августа 1746 г.), Яроша-Михала (10 августа 1747 г.), Гжегожа-Яна (22 сентября 1748 г.) и Кшиштофа-Петра] [274, с. 183]. После смерти мужа Дорота повторно вышла замуж за Юзефа Тухановского [274, с. 276]. В марте 1737 г. в семье Сестренцевичей появился третий ребенок – Регина [205, л. 51 об.]. 5 февраля 1769 г. она вышла замуж за ко-

ролевского хорунжего Александра Микулича и в браке с ним родила двух сыновей: Александра-Яна (окрещен 25 марта 1771 г.) и Станислава-Стефана (9 июля 1772 г.) [274, с. 147]. Через полтора года (в сентябре 1738 г.) родилась сестра будущего митрополита – Елена, в конце июля 1741 г. – брат Ян-Леон, в феврале 1742 г. – Петронелия-Констанция [274, с. 276]. В собственном дневнике С. Богуш-Сестренцевич также неоднократно упоминает имя брата Людовика [179, с. 360–361], а в завещании – имя сестры Анны (Рыкачевской) [257, т. 1, с. 90–95].

На протяжении всей своей жизни митрополит неустанно помогал своим многочисленным родственникам. Именно благодаря его протекции Ян в 1775 г. был назначен королем Станиславом-Августом Понятовским камергером (шамбеляном) [274, с. 276]. В 1778 г. С. Богуш-Сестренцевич забрал брата к себе в Могилев. Там его жена (Генриетта Нольд) стала управляющей всем домашним хозяйством митрополита. В июле 1799 г., благодаря стараниям митрополита, Ян был назначен маршалком Главного Литовского трибунала [179, кн. 21, с. 337]. Он умер 9 (21) апреля 1826 г. [91, л. 2]. Постоянную помощь С. Богуш-Сестренцевич оказывал также детям Яна: Станиславу, Яну, Амалии (Элеоноре) и Екатерине. Племянников он устроил офицерами в императорскую гвардию, но те вскоре решили уйти в отставку [179, кн. 16, с. 61–62]. На гражданской службе они не смогли продвинуться, и митрополит вновь был вынужден просить императора (22 февраля 1798 г.) об их повторном приеме в гвардию [179, кн. 16, с. 152]. Станислав и Ян Сестренцевичи были приняты в драгунский полк Шепелева поручиками и посланы вместе с экспедиционным корпусом в Италию. Но и там дядя не оставил их без внимания. Он написал (20 января 1800 г.) письмо А.В. Суворову, в котором просил о протекции для своих племянников [179, кн. 22, с. 390]. Амалию и Екатерину С. Богуш-Сестренцевич устроил (7 апреля 1799 г.) в Святоекатерининский институт благородных девиц [179, кн. 19, с. 314], обучение в котором давало огромные возможности для выгодного замужества, что и произошло. В 1800 г. Амалия вышла замуж за будущего генерал-майора (тогда еще полковника) И.С. Гурьялова [131, л. 22–23], а Екатерина – за капитана Девелева [179, кн. 22, с. 439–440]. Не меньшую помощь оказывал митрополит и вто-

рому брату – Людовику. 18 (29) апреля 1789 г. он назначил его управлять имениями, принадлежащими Бобруйской плебании, настоятелем которой являлся [109, л.118]. А 6 (17) января 1800 г. добился назначения Людовика советником департамента по римско-католическим делам [179, кн. 22, с. 386].

Все биографические работы белорусских исследователей не обходятся без упоминания роли С. Богуша-Сестренцевича в судьбе одного из родоначальников современной белорусской литературы – Винцента Дунина-Марцинкевича [1, с. 4; 66, с. 75; 70, с. 373; 82, с. 3; 145, с. 4]. К сожалению, на сегодняшний день трудно точно установить, кем приходились они друг другу. Известно лишь, что в 1819 г. десятилетний Винцент был отправлен своей матерью Марией Недзвецкой в Санкт-Петербург на попечение митрополита [213, с. 10]. Возможно, зацепку в распутывании клубка родственных связей дадут последующим исследователям следующие факты. 14 мая 1800 г. С. Богуш-Сестренцевич написал письмо «любезному племяннику» лейтенанту Российского военно-морского флота Игнатию Ивановичу Марцинкевичу, который участвовал в походе Ф.Ф. Ушакова в Италию и служил на флагманском корабле «Святой Апостол Павел» [179, кн. 22, с. 384]. 7 декабря 1800 г. митрополит пообещал подарить Францишке Марцинкевич «в виду ее скорого выхода замуж» 300 рублей [179, кн. 22, с. 452].

Таким образом, будущий митрополит рос и воспитывался в многодетной протестантской семье. Любовь и привязанность к своим родственникам он пронес через всю жизнь, за что неоднократно был обвиняем своими недругами в nepoтuзмe.

Вскоре после рождения сына семья Сестренцевичей переехала из Занков в Ралле (современная Литва, в 30 км от Кальварии). Сам Станислав рос болезненным и слабым [205, л. 3]. Хотя родители, беспокоясь за здоровье сына, учебой его не утруждали, к третьему году жизни тот уже умел читать [205, л. 3]. А когда будущему митрополиту исполнилось 7 лет, он был определен родителями в частную школку бродячего учителя П. Косарина, который в то время учил детей мозырского стольника Яна Конарского в соседнем фольварке Бурняны. Вскоре подросли сестры Стася, и Косарин начал попеременно переезжать от одного фольварка к другому вместе со своими ученика-

ми. Один квартал они учились в Бурнянах, на остальную часть года ребятишки вместе со своим учителем перебирались в дом Сестренцевичей [205, л. 3об.]. Шляхта подобных бродячих учителей уважительно называла бакалаврами. Под их руководством дети получали поверхностные знания латинского и польского языков, начал арифметики и геометрии [313, с. 36].

В 12 лет мальчик должен был покинуть дом, чтобы продолжать образование. В отечественной историографии [4, с. 280; 61, с. 349; 64, с. 52; 65, с. 458; 201, с. 183;], вслед за С. Шантырем [334, с. 40] и Д.А. Толстым [191, с. 5], сложилась ошибочная версия об обучении будущего митрополита в Слуцкой кальвинистской школе. Данной версии противоречат свидетельства самого Станислава Богуша-Сестренцевича, который в дневнике пишет о том, что в 1743–1745 гг. он учился в Кейданах (Кедайняе, Литва), где кальвинисты Великого княжества Литовского содержали пансион [205, л. 4]. Фундаментальный труд И. Глебова по истории Слуцкой гимназии также не упоминает имя будущего могилевского митрополита в списке ее наиболее известных выпускников [44, с. 200]. Так или иначе, но мальчик получал обычное образование шляхтича-протестанта Великого княжества Литовского. Учебный курс в кальвинистских школах состоял из четырех классов с двухлетним сроком обучения каждый. Обучение велось на польском языке (младшие классы) и на латинском (старшие). Преподавали латинский, древнееврейский, древнегреческий, немецкий и польский языки, основы логики, риторики, право, историю, математику, физику, музыку, гимнастику, фехтование, пение. В своем дневнике Станислав Богуш-Сестренцевич упоминает фамилии своих преподавателей и однокашников в Кейданской школе. Ректором школы был Жук, проректором Велямович, проповедником – Свиды. Вместе с молодым С. Богушем-Сестренцевичем учились Волк, Гелах, Чиж, Конарский [205, л. 4].

На похоронах стародубского хорунжего Волка 24 июня 1745 г. (день св. Иоанна Крестителя) тринадцатилетний ученик Кейданского пансиона произнес трогательную надгробную речь [205, л. 5]. Она настолько понравилась членам общины, что те решили собрать средства на дальнейшее образование столь талантливого юноши и отправить его за рубеж. Мало кто сомне-

вался, что из него выйдет прекрасный пастырь, талантливый проповедник и ученый защитник кальвинизма [343, с. 80]. Отец внял настойчивым требованиям родственников и согласился выслать сына учиться за границу [313, с. 38]. 17 августа 1745 г. С. Богуш-Сестренцевич выехал в Берлин. Там его ждал родственник Оскерко, чиновник прусской администрации, который должен был помочь юноше устроиться на учебу. Отец проводил его до Кенигсберга [338, с. 3]. 20 сентября 1745 г. будущий митрополит приехал в Штатгарт Щецинский, где ночью в одной из гостиниц был обкраден [205, л. 5 об.]. Правда, С. Шантыр видит другую причину исчезновения денег: С. Богуш-Сестренцевич просто-напросто их промотал [334, с. 12].

Не имея средств на существование, юноша был вынужден пойти служить наемником в прусскую королевскую армию [306, с. 6]. Центральная Европа в то время была охвачена войной за австрийское наследство (1740–1748 гг.). Год тому назад (в августе 1744 г.) прусский король Фридрих II без объявления войны вторгся в Саксонию и Чехию. В сентябре 1744 г. его войска заняли Прагу, а в июне 1745 г. нанесли поражение австро-саксонским войскам при Гогенфридеберге. Как раз в это время в конце сентября 1745 г., имея от рождения 14 лет, С. Богуш-Сестренцевич был завербован поручиком Застровым на службу в прусскую королевскую армию [205, л. 6]. После одномесечной подготовки (23 ноября) он был отправлен в Галле в пехотный полк под командованием подполковника Клейста в корпус герцога Леопольда Ангальт-Дессау (1676–1747). В битве под Кессельдорфом (15 декабря 1745 г.) юнец был тяжело ранен картечью в правую руку [205, л. 6 об.–7]. Хотя С. Шантыр и тут сомневается в том, что С. Богуш-Сестренцевич был ранен в бою, считая ранение следствием дуэли [334, с. 12]. Изувеченные солдаты прусской королевской армии были не нужны. К тому же, 25 декабря 1745 г. Фридрих II заключил с Марией-Терезией мирный договор в Дрездене. Как итог, в конце декабря 1745 г., едва подлечив рану, С. Богуш-Сестренцевич был выписан из госпиталя и уволен. В благодарность за службу он получил 100 талеров на путевые издержки от герцога Л. Ангальт-Дессау [205, л. 7]. Так завершилась его трехмесячная военная служба в рядах прусской королевской армии.

26 декабря Станислав был уже в Берлине [205, л. 7]. Причины последующих действий С. Богуша-Сестренцевича для нас покрыты тайной. Из его дневника нам известно, что в Берлине жил его дядя Оскерко. Кроме того, в банке Битнера отцом был открыт счет на его имя. Однако Станислав не поехал к своему родственнику, а отправился в римско-католическую церковь в одном из предместий Берлина, где обратился за помощью к отцу-доминиканцу Аманду (Арманду). Тот, узнав, что отец Стася «живет в 4 милях от Сейнского доминиканского монастыря, с приором которого они вместе учились в Риме» [205, л. 7 об.], помог одинокому, духовно и физически страдающему юноше. Доминиканец поселил его у себя, а когда боли в руке немного улеглись, проводил к дяде Оскерко. Прощаясь с ним, отец Аманд сказал: «Советую тебе взять за пример святого Мартина. Добрый Бог дает его тебе, чтобы ты мог его наследовать, ибо Он сделал так, что, как тот святой, ты на пятнадцатом году жизни стал солдатом, твой спокойный характер упростит тебе это наследование: может, как он, станешь католиком, может епископом, может, как он, доживешь до 81 года. Но сейчас ты находишься на подготовительном этапе образования, проси Бога, чтобы показал тебе свое призвание, учись всему, более всего тренируй память, которой в большой степени обладаешь, помня, что с возрастом дар этот уменьшается. Прощай» [205, л. 9–9 об.].

Дядя устроил племянника учиться в гимназию св. Иоахима (Joachimisch Schule) [205, л. 7 об.]. Станислав учился старательно. Изучал языки: немецкий, французский, английский, латинский, древнегреческий. Однако уровень преподавания в гимназии был низким. Под воздействием шумной ватаги школяров он начал курить трубку, потягивать пиво в кабаках и посещать всякого рода гулянья и вечеринки. Все это время рана в правой руке нестерпимо ныла и гноилась. Усилия докторов результатов не давали. Воспоминания С. Богуша-Сестренцевича насыщены жалобами и проклятиями в их адрес. Уверенность в глупости докторов поддерживали в письмах и расстроенные родители. Чтобы как-то себе помочь, юноша начал усиленно интересоваться медициной [205, л. 8].

Окончание гимназии давало право на зачисление в университет, и 8 октября 1748 г. будущий митрополит был зачислен

на философский факультет университета Франкфурта-на-Одере [205, л. 19]. Особый интерес у него вызывали естественные науки, особенно математика. Юноша много читал, в особенности философов (Г. Лейбница, Х. Вольфа, Дж. Локка, Х. Томазия) [313, с. 43–44].

Интеллектуальная Германия в то время активно впитывала и развивала идеи Просвещения. Одним из основополагающих вопросов, поднятых мыслителями этого времени, была проблема реформирования традиционного христианства и церковно-государственных отношений. Тридцатилетняя война (1618–1648 гг.) породила кризис христианских конфессий. Это привело к резкому падению их авторитета и росту негативного отношения большинства сословий немецкого общества к традиционным формам христианства. Среди протестантских и католических священнослужителей в очередной раз начинают раздаваться голоса о необходимости реформирования церкви. В протестантизме наиболее влиятельным было течение пиетизма, возникшего во второй половине XVII в. Главными идеологами этого движения были Ф.Я. Шпенер (1635–1705), А.Г. Франке (1663–1727) и Г. Арнольд (1666–1714). Опираясь на идеи ранней Реформации, они подчеркивали сугубо личностный характер веры как внутреннего переживания, интимного отношения к Богу, доступного каждому и потому независимого от религиозных учений, догматики, церковных обрядов, духовенства. На первый план выдвигалось непосредственное нравственное содержание веры, сердечное отношение к ближнему, к его заботам и потребностям.

В не меньшем кризисе находилась и Римско-католическая церковь. В XVIII в. в очередной раз обострилась проблема взаимоотношений папы и западноевропейских монархов. Последние стремились подчинить церковь государственному контролю по примеру протестантских государств и рассматривали папскую власть не иначе как посягательство на полноту своих полномочий. Не затрагивая вопроса о правильности догматов католицизма (а наоборот, подавляя любые попытки поставить их под сомнение, как это было, например, с янсенистами во Франции), католические монархи наделяли себя правом назначения епископов на вакантные кафедры, правом ликвидации монашеских орденов и правом посредничества во взаимоотноше-

ниях между местной (партикулярной) церковью и Римом. Система государственного протектората над костелом в XVII–XVIII в. во Франции получила название галликанизма, в Испании и Португалии – регализма, в Австрии – иосифинизма, в германских княжествах – феброниянства. Само собой, подобного рода мероприятия западноевропейских правительств натывались на сопротивление со стороны папы. Между приверженцами и противниками примата папы разгорелась жесткая политическая и идеологическая борьба. Нет сомнений, что она повлияла на формирование позиции Станислава Богуша-Сестренцевича, как приверженца идей автокефалии и государственного протектората над церковью.

В марте 1750 г. боли в руке обострились до такой степени, что Станислав решился на операцию (28 марта 1750 г.) [205, л. 23–23 об.]. Видимо, она прошла успешно, и 4 декабря 1750 г. молодой человек обнадежил отца, что ко дню Пятидесятницы рана, наконец, заживет [205, л. 24].

В это время образ жизни С. Богуша-Сестренцевича по-прежнему оставался далеким от идеала. Оказавшись к июлю 1751 г. в долгах, он ночью сбежал из Франкфурта-на-Одере и выехал на Родину [205, л. 32].

27 августа 1751 г., после шестилетнего отсутствия, Станислав Богуш-Сестренцевич вернулся в родительский дом [338, с. 9]. Там он застал только одну мать. Шутник-сын решил ее разыграть. Приказал доложить, что прибыл немец, который привез письмо от Стася. Мать первоначально не узнала его и только после признания сына наступила радостная минута встречи [205, л. 33 об.].

Последующие два года были наполнены поиском работы. Дневник С. Богуша-Сестренцевича пестрит краткими сведениями о его многочисленных обращениях к магнатам с предложением своей помощи. Мытарства, казалось, завершились после знакомства в Гродно (во время проходящего там со 2 по 26 октября 1752 г. Вального сейма) с епископом варминским Адамом Грабовским [205, л. 50 об.]. Обладая рекомендациями столь высокопоставленного церковного иерарха можно было не сомневаться в благоприятном исходе собственных усилий. Дав рекомендательное письмо, варминский епископ в месте с тем пред-

ложил С. Богушу-Сестренцевичу стать римско-католическим священником. Но тот отказался, сославшись, что еще слишком молод [205, л. 51].

Лишь в ноябре 1753 г. молодой человек получил приглашение стать учителем у детей князя Станислава-Игнацы Радзивилла (1722–1787) и переехал в Жирмуны (теперь Вороновский район, Гродненской области) [205, л. 73–77].

Именно во время работы воспитателем у Радзивиллов произошло возвращение С. Богуша-Сестренцевича в католицизм и возникло желание стать священником. К сожалению, в своем дневнике митрополит ничего не говорит об этом. В биографической литературе существует две версии мотивов, подтолкнувших его принять такое решение. Самое романтическое мнение высказано С. Шантырем. Причина перехода в католичество заключается в несчастной безответной любви пылкого молодого человека к богатой и знатной красавице. Та, чтобы избавиться от надоедливой воздыхательницы, поставила непременным условием своего согласия на замужество смену конфессий. Условие любимой было выполнено, но та позабыла о своем обещании. В отчаянии молодой человек принял духовный сан [66, с. 71–72; 70, с. 368; 71, с. 201; 334, с. 13].

По всей видимости, более правдоподобным объяснением причин, побудивших Станислава Богуша-Сестренцевича стать священником, является мнение, высказанное М. Годлевским. В Жирмуны часто приезжал молодой католический иерарх – виленский прелат Игнацы Массальский. Ему понравился молодой образованный учитель, с которым можно приятно поговорить, который благовоспитан, умеет выслушать и, кажется, разбирается во всех отраслях человеческого знания. Игнацы Массальский предложил С. Богушу-Сестренцевичу принять священнический сан. Понимая, что подобное предложение молодого иерарха открывает огромные возможности и перспективы, которых никогда не достигнуть, будучи простым гувернером, будущий митрополит вряд ли колебался [197, с. 6; 261 с. 244].

Вместе со своими воспитанниками в 1759 г. он выехал в Варшаву, где Николай и Ежи Радзивиллы были определены их отцом в Варшавский главный коллегиум пиаров. Вместе с ними учился и С. Богуш-Сестренцевич [60, с. 14; 152, с. 4]. Он посе-

щал лекции по моральной теологии, догматике и каноническому праву, читаемые отцом Петром Феликсом Мизерским (в 1759–1761 гг.), изучал историю Римско-католической церкви, преподаваемую профессором Бойдыцким (в 1762 г.). Под научным руководством последнего он в 1762 г. защитил магистерскую диссертацию на тему «De infallibilitate papae» («О непогрешимости папы») [229, с. 8–9].

В то же время (15 марта 1762 г.) виленским епископом стал Игнацы Массальский. Он добился от нунция А.М. Дуррини (27 марта 1763 г.) диспенсы – прощения того, что С. Богуш-Сестренцевич «был рожден не отцом-католиком и был воспитан в ереси» [261, с. 244]. Последняя преграда на пути к духовному сану была снята.

В течение трехмесячного обучения в Варшавской семинарии миссионеров (с апреля по июль 1763 г.) будущий митрополит прошел все ступени рукоположения в священники. 7 апреля 1763 г. в варшавском соборе Непорочного зачатия Пресвятой Девы Марии он был посвящен епископом А. Залусским в духовный сан. 29 мая – в костеле св. Креста рукоположен епископом Ю. Олендзким в субдьяконы, 12 июня – в дьяконы. 3 июля – в священники. 15 августа 1763 г. Станислав Богуш-Сестренцевич отслужил первую в своей жизни мессу [229, с. 9–10].

Пользуясь поддержкой и доверием со стороны епископа И. Массальского и протекцией Радзивиллов, молодой священник начал быстро продвигаться по церковной иерархической лестнице. Еще 20 мая 1763 г. он был назначен епископом Я Лопатинским каноником Жмудской капитулы [178, с. 380; 204, с. 388]. В ноябре 1765 г. король Станислав-Август Понятовский назначил С. Богуша-Сестренцевича настоятелем в Гомеле [261, с. 244] и Бобруйске [264, с. 274]. Приходы служили для молодого священника только средством для содержания. Сам же он непрерывно находился при И. Массальском, фактически исполняя при нем функции секретаря. Вскоре виленский епископ решил отблагодарить своего любимца: назначить виленским кафедральным каноником. Ради этого И. Массальский пошел даже на конфликт с капитулом. От нунция А.М. Дуррини он добился согласия на то, что ближайшая открывшаяся вакансия в вилен-

ском капитуле будет предназначена С. Богушу-Сестренцевичу. Подходящий случай не заставил себя долго ждать. В 1766 г. старый и болезненный Адам Коллонтай, занимающий должность прелата-кантора, решил назначить себе коадьютора. Но в роли своего помощника и наследника престарелый иерарх видел совсем не креатуру епископа. В свои наследники А. Коллонтай метил полубившегося ему кс. Антония Завадского. Раздраженный тем обстоятельством, что старик отнюдь не желает уступить, И. Массальский 27 февраля 1766 г. на собрании капитула поставил вопрос о правомочности решения А. Коллонтая и предложил вместо А. Завадского назначить коадьютором С. Богуша-Сестренцевича [295, л. 454, 460–461, 463]. Капитул не поддержал епископа и 14 июня 1766 г. официально назначил кс. А. Завадского коадьютором прелата [295, л. 470–471]. Станислав Богуш-Сестренцевич не смирился с таким решением и несколькими месяцами позже (6 ноября) подал иск в диоцезиальный суд – Виленскую консисторию [295, л. 479]. Судебный процесс продолжался полгода и закончился в марте 1767 г. поражением И. Массальского и его любимца. Правда, за отказ от коадьютории С. Богуш-Сестренцевич должен был получить 300 «червонных» злотых, из которых в реальности ему отдали лишь треть [296, л. 3–15]. Только через два года (2 марта 1768 г.) после смерти Томаша Корсака Станислав Богуш-Сестренцевич, наконец, получил место каноника в Виленском кафедральном капитуле [296, л. 95].

В это время доверие И. Массальского к С. Богушу-Сестренцевичу возросло настолько, что, выезжая за границу в 1766–1767 и 1771–1772 гг., он поручил именно кс. Станиславу управление Виленской диоцезией [272, с. 106; 192]. В отсутствие своего покровителя С. Богуш-Сестренцевич 13 ноября 1771 г. под воздействием известия об убийстве отца барскими конфедератами огласил эмоциональную проповедь, в которой осудил всякую попытку неповиновения королю [180, с. 1–8]. Ее значение для будущей судьбы митрополита оказалось огромным: благодаря ей он не только приобрел благосклонность короля Речи Посполитой, но и впервые обратил на себя внимание российской императрицы и ее посла Г. Сальдерна. Неслучайно о нем вспомнят, когда российское правительство будет искать подходящую

кандидатуру на пост главы российских католиков [175, с. 46; 339, с. 376].

Таким образом, несмотря на первоначальное крещение по римско-католическому обряду, С. Богуш-Сестренцевич рос и воспитывался среди протестантов; был солдатом, воевал и был ранен; учился во Франкфуртском университете, был воспитателем у Радзивиллов; вернулся в католицизм и принял священнический сан. Благодаря протекции И. Массальского и Радзивиллов он достиг ряда церковных должностей и стал правой рукой виленского епископа. Воспитание в поликонфессиональной среде сделало С. Богуша-Сестренцевича толерантным. Учеба в Германии расширила его кругозор и позволила приобщиться к лучшим идеям западноевропейской философской мысли эпохи Просвещения. Набожность и серьезное отношение к исполняемым обязанностям были по достоинству оценены виленским епископом И. Массальским и Радзивиллами, которые помогли ему подняться к вершинам иерархической лестницы Римско-католической церкви на белорусских землях.

2.2 Формирование правительственной политики по отношению к Римско-католической церкви в период правления Екатерины II

24 июля (5 августа) 1772 г. в Санкт-Петербурге была подписана секретная конвенция о разделе Речи Посполитой, согласно которой в состав Российской империи были включены земли Инфлянтского воеводства (с городами Режица (теперь Резекне), Динабург (Даугавпилс), Люцин (Лудза), большая часть Полоцкого воеводства (по правому берегу Западной Двины), почти все Витебское воеводство, Мстиславское, а также южная и юго-восточная части Минского воеводства (с городами Полоцк, Витебск, Могилев, Орша, Пропойск (Славгород), Мстиславль, Рогачев, Гомель, Чечерск и т.д.) [210, с. 296]. Разными исследователями общая площадь присоединенных к России белорусских земель определяется от 86 тыс. [206, с. 444] до 107,7 тыс. [9, с.52] км², население – от 1 225 тыс. [206, с. 444] до 1 360 тыс. [58, с. 5] человек.

С точки зрения территориально-административной структуры Римско-католической церкви к России были присоединены приходы Смоленской, Виленской, а также Инфлянтской епархий [280, с.284], всего 57 приходов и около 90 тыс. римских католиков. В 1772 г. во главе Смоленской римско-католической диоцезии стоял епископ Габриель Водзинский (1727–1789), Инфлянтской – Ян-Стефан Гедройц (1730–1803), Виленской – Игнацы-Якуб Массальский (1727–1794). Ни один из них не захотел принести присягу на верность Екатерине II.

Присоединение российским правительством территорий, на которых существовали канонические структуры Римско-католической церкви, поставило перед имперскими чиновниками проблему ее административного обустройства. Римская курия выступала за сохранение той территориальной структуры и тех привилегий, которые имел католицизм в Речи Посполитой. Российскому правительству свою дальнейшую политику еще предстояло выработать.

Конечно, нельзя говорить о том, что «католическая проблема» была совершенно нова для российских чиновников. На протяжении XVIII в. ими был разработан ряд законодательных

актов, определивших основные направления политики по отношению к католикам в империи. С одной стороны российское правительство гарантировало свободу исповедания и возможность строительства новых неправославных (инославных) церквей [48, с. 73; 50, с. 10]. Манифесты от 16 (27) апреля 1702 г. [52, с. 4–7], 22 февраля (5 марта) 1735 г. [52, с. 18], 22 июля (2 августа) 1763 г. [150, т. XVI, с. 313–316] являются тому подтверждением. С другой стороны – российские бюрократы не исходили из принципа свободы совести и отделения церкви от государства [154, с. 9]. Содействуя процессу распространения католицизма в империи за счет иностранцев, правительство мерами запретительного или ограничительного характера старалось предотвратить переход из православия в католичество или протестантизм. Переход же в православие всячески поддерживался и поощрялся [89, с. 40].

Смена религии могла произойти благодаря миссионерской деятельности, поэтому указы 28 февраля (10 марта) 1724 г., 22 февраля (5 марта) 1735 г., 23 марта (4 апреля) 1750 г., 30 марта (10 апреля) 1756 г., запрещали ее [6, с. 68–94]. Любые же попытки прозелитизма строго наказывались. За что, например, 18 (29) апреля 1719 г. поплатились иезуиты [52, с. 8].

Кроме «внешней» возможности перехода православных в католичество (через агитацию священниками-иностранцами) существовал также ряд «внутренних» возможностей смены религий (через смоленское дворянство и смешанные браки). Очагом проникновения католицизма могла стать пограничная с Речью Посполитой Смоленщина. Тамошние дворяне имели тесные экономические и культурные связи с восточно-белорусскими землями. Указы от 16 (27) февраля [52, с. 11], 20 (31) марта [52, с. 11–12] и 15 (26) августа 1728 г. [52, с. 13–15] не только в очередной раз повторили вето правительства на смену православного вероисповедания, но также запретили смоленским дворянам посылать детей на обучение в Речь Посполитую и въезжать в Смоленщину католическим священникам.

При законодательной регламентации смешанных браков Петр I разрешил их при условии, если иноверец станет поданным России, а дети обоего пола будут крещены в православии. Та же законодательная норма была подтверждена при Анне

Ивановне. В царствование Елизаветы Петровны была введена монополия православных священников на венчание, если один из будущих супругов был православного исповедания [6, с. 89–90]. Не смотря на подобные законодательные ограничения, с конца XVII в. установилась своеобразная традиция крестить мальчиков в вере отца, а девочек – матери, что вызывало многочисленные протесты Святейшего Синода [6, с. 126].

Екатерина II совершила своеобразный переворот в законодательстве о смешанных браках, подписав 28 февраля (10 марта) 1768 г. указ, по которому христиане могли венчаться в любой церкви и крестить детей в любую религию [75, с. 54]. Однако указ императрицы остался декларацией. Отвечая в 1773 г. белорусскому наместнику Захару Григорьевичу Чернышеву на его вопрос, в каком исповедании могут креститься дети от смешанных браков, Екатерина II заявила: сын – в вере отца, дочь – в вере матери [156, л. 1 об.]. 20 ноября (1 декабря) 1780 г. данный принцип был окончательно закреплён законодательно [22, с. 27].

Исходя из принципа «государственной религии», российское правительство стремилось установить полный государственный контроль над административными органами конфессий империи. К 1772 г. в России уже сформировалась система органов государственного управления и контроля над деятельностью Римско-католической церкви. Органом судебного разбирательства для католиков была назначена (с 23 февраля (5 марта) 1734 г.) Юстиц-коллегия лифляндских, эстляндских и финляндских дел при Сенате [150, т. IX, с. 279]. Тем самым она подменяла собой Конгрегацию распространения веры, власти которой канонически были подчинены католики России. Регламент от 12 (23) февраля 1769 г. [166, л. 1–8] еще более увеличил степень ее вмешательства во внутреннюю жизнь костела. Юстиц-коллегии передавались функции выписки священников из-за границы (глава III, статья 10), контроля над выборами настоятелей прихода (глава IV, статьи 13–18) и забота об их каноническом утверждении совместно с Коллегией иностранных дел (глава IV, статья 19). Согласно статье 44 (главы VIII), Юстиц-коллегия лифляндских, эстляндских и финляндских дел становилась единственным органом судебных разбирательств между

прихожанами и их духовенством [150, т. XVIII, с. 833–840; 333, с. 3–32].

Именно на основании данной законодательной базы, российское правительство осенью 1772 г. приступило к выработке основных направлений конфессиональной политики на присоединенных к империи белорусско-латвийских землях. Свои идеи о будущем территориально-административном обустройстве Римско-католической церкви высказали бывший посол в Варшаве Гаспар Сальдерн и белорусский генерал-губернатор Захар Григорьевич Чернышев. План Г. Сальдерна предусматривал создание единого для римских католиков и униатов Рижского архиепископства и ограничивался приведением территориальной структуры костела в соответствие с государственными границами России [157, л. 1–9]. План З.Г. Чернышева, кроме создания отдельных для римских католиков и униатов епархий, подчинял деятельность их администрации Юстиц-коллегии лифляндских, эстляндских и финляндских дел, вступая тем самым в противоречие с каноническим правом Римско-католической церкви [157, л. 10–15].

22 ноября (3 декабря) 1772 г. на заседании Совета при высочайшем дворе (Государственного совета) произошло обсуждение данных проектов [19, с. 11]. Екатерина II поддержала мнение З.Г. Чернышева и поручила своему статс-секретарю Григорию Николаевичу Теплову свести его проект в указ. 10 (21) декабря 1772 г. законопроект был подписан [19, с. 12–13] и 14 (25) декабря 1772 г. направлен в Сенат. В нем содержалась декларация создания римско-католической епархии в границах всей империи, скором назначении ее пастыря, который в своей деятельности должен был руководствоваться предписаниями Регламента 1769 г., а также вводилось государственное посредничество в контактах со Святым Престолом и передавалась юрисдикция над монастырями в руки епископа [51, с. 1006–1007; 76, с. 34].

Кто же должен был стать пастырем почти 100 тыс. римских католиков? Первоначально российское правительство тайно обратилось к епископу влоцлавскому (куявскому) Антонию Островскому, обещая ему 40 000 рублей ежегодного материального содержания, но тот отказался [303, с. 37]. Тогда

З.Г. Чернышев обратился к виленскому епископу Игнацы Мас-сальскому с предложением, чтобы тот направил в восточную Беларусь одного из своих викарных епископов.

иерарх (посол папы римского)
Джузеппе Гарампи

Слабо представляя планы Екатерины II в области конфессиональной политики и опасаясь изменений в положении Римско-католической церкви на землях, присоединенных к православной России (а значит к «схизматикам»), И. Массальский остро нуждался в доверенном человеке, который смог бы представлять и защищать его интересы перед российской императрицей. Но все обращения епископа к католическим иерархам (жмудскому епископу Яну Лопатинскому, виленским каноникам Николаю Тышкевичу и Игнацы Оскерко, а также к главе собственной канцелярии Петру Точиловскому) остались без ответа. Согласился ехать только каноник Станислав Богуш-Сестренцевич [334, с. 8–9].

Лучше кандидатуры, чем кандидатура собственного любимца, виленскому епископу было трудно найти. Во-первых, С. Богуш-Сестренцевич многим ему обязан, ведь именно он, Игнацы Массальский, помог сделать тому блестящую церковную карьеру. Во-вторых, к нему благосклонно относились при королевском дворе, где помнили о проповеди, осуждающей попытку убийства короля. И, в-третьих, о С. Богуше-Сестренцевиче знали при российском императорском дворе.

Виленский бискуп сразу же запустил сложную бюрократическую машину посвящения своего любимца в епископский сан. Он обратился к королю Станиславу-Августу Понятовскому

с просьбой, чтобы тот представил протектору Речи Посполитой в Ватикане кардиналу Д.Ф. Альбани кандидатуру С. Богуша-Сестренцевича [229, с. 30] и получил поддержку нунция Джузеппе Гарампи. Кроме того, И. Массальский 20 февраля 1773 г. написал письмо лично Клименту XIV, в котором просил его благословения на консекрацию. Зная о благоприятном исходе своих просьб, он 14 июня 1773 г. назначил С. Богуша-Сестренцевича своим генеральным викарием на присоединенных к России белорусских землях. Месяцем позже (12 июля) нунций Дж. Гарампи именем папы римского Пия VI возвел последнего в епископское достоинство (титularного епископа Малло *in partibus infidelium*) и назначил белорусским суффраганом [103, л. 5–5об.]. Консекрация состоялась 3 октября 1773 г. в виленском кафедральном соборе в честь Пресвятой Троицы, Пресвятой Девы Марии, св. Станислава и св. Владислава [229, с. 30–32; 264, с. 274]. Согласно видению римской курии Станислав Богуш-Сестренцевич должен был быть представителем виленского епископа, на присоединенных к России приходах его диоцезии. Возможности создания отдельной римско-католической епархии в некатолической России не предусматривалось.

Сразу после посвящения епископ Станислав выехал в Санкт-Петербург. Там 1 (12) ноября 1773 г. он вручил руководителю внешнеполитического ведомства Никите Ивановичу Панину свой план будущей организации Римско-католической церкви на белорусских землях [303, с. 51].

Проект полностью отражал те напутствия, которые ему дали нунций Дж. Гарампи и епископ И. Массальский. В первом пункте С. Богуш-Сестренцевич предлагал создать на присоединенных к России белорусско-латвийских землях три генеральных викариата, каждый из которых должен был включать в себя парафии, принадлежавшие ранее Смоленской, Инфлянтской и Виленской диоцезиям. Из остальных приходов, находящихся непосредственно в самой России, должна была быть создана епархия *in partibus*. Такой принцип территориальной организации костела в империи объяснялся длительной традицией подобного деления, а также физической невозможностью управления одним пастырем столь обширными территориями. Во вто-

ром пункте С. Богуш-Сестренцевич говорил о несоответствии указа от 14 (25) декабря 1772 г. с каноническим правом. Спорный момент касался распространения действия Регламента от 12 (23) февраля 1769 г., который подменял власть и право папы в качестве единственной апелляционной инстанции государством (в лице Юстиц-коллегии лифляндских, эстляндских и финляндских дел при Сенате). Станислав Богуш-Сестренцевич предлагал создать при епископе коллегию, состоящую из одного священника и одного представителя государства, и передать ей функции Юстиц-коллегии. Наконец, в третьем пункте, говорилось о необходимости непосредственных сношений со Святым Престолом и свободного объявления папских булл и бреве [303, с. 51–53].

Предложения С. Богуша-Сестренцевича были отклонены императрицей [261, с. 245]. Кандидат в белорусские епископы пошел на уступки и 5 (16) ноября 1773 г. подал на имя Екатерины II новый проект, в котором согласился с созданием римско-католической диоцезии в границах всей Российской империи. Место будущей резиденции епископа он предложил определить в центре Белорусского генерал-губернаторства – Могилеве. Однако вновь и вновь С. Богуш-Сестренцевич настаивал на необходимости канонического утверждения Белорусской епархии, отмены контроля Юстиц-коллегии и право на непосредственные контакты с Апостольской Столицей [257, т. 3, с. 13–15]. Проект был вновь отклонен [303, с. 54].

Кандидат в белорусские епископы понял позицию Екатерины II и, что она ожидала от него [147, с. 558–559]. Поэтому он отказался от своих проектов и принял условия политической игры императрицы. Как самодержавная владелица строго централизованного государства, российская монархия шла той же дорогой, какой шли все тогдашние европейские монархи в области конфессиональной политики – путем установления над религиозными организациями государственного контроля в вопросах контактов с Ватиканом. Фактически это означало путь к автокефалии Римско-католической церкви в России. Позиция императрицы нашла у кандидата в белорусские епископы, воспитанного на идеях Просвещения, понимание и поддержку.

Структура управления Римско-католической Церкви в 1772–1783 гг.

22 ноября (3 декабря) 1773 г. Екатерина II подписала именной указ, согласно которому «епископом белорусским католических церквей» был назначен Станислав Богуш-Сестренцевич [333, с. 46–48]. Жалованная грамота от 6 (17) февраля 1774 г. окончательно подтвердила проведенные ранее мероприятия [167, л. 1–2].

Сам С. Богуш-Сестренцевич воспринимал свое назначение белорусским епископом исключительно как декларацию российским правительством собственных намерений и старался всеми силами получить каноническое признание со стороны Святого Престола [229, с. 37, 46].

Он понимал, что мероприятия императрицы вызовут в Ватикане эффект разорвавшейся бомбы и ему не простят того, что он не сумел выполнить данных ему инструкций. Из последних сил новоназначенный белорусский епископ еще старался

спасти себя в глазах курии. 1 (12) декабря 1773 г. он проинформировал нунция Дж. Гарампи о том, что был назначен «епископом католических подданных» императрицей Екатериной II. Правда, подробности назначения ему не известны. По все видимости о них узнает сам нунций, когда российское правительство обратится к нему с просьбой о каноническом утверждении своих преобразований. Так или иначе С. Богуш-Сестренцевич просил нунция об освобождении его от дачи каких-либо объяснений, так как «не чувствует себя компетентным осуждать или защищать то, что должно случиться» [303, с. 56].

В ответном письме от 20 декабря 1773 г. нунций Дж. Гарампи призывал С. Богуша-Сестренцевича не щадя сил стараться заставить российское правительство вступить в переговоры с Апостольской Столицей, а также предложил как можно быстрее выехать в Могилев к доверенной ему пастве [303, с. 57]. 15 (26) декабря 1773 г. последний вновь написал нунцию. К письму он присоединил указ императрицы о своем назначении белорусским епископом. С. Богуш-Сестренцевич просил нунция о скорейшем каноническом признании мероприятий российской императрицы [229, с. 47]. Дж. Гарампи прислушался к его мольбам и 25 января 1774 г. выслал его предложения в Рим. Сам белорусский епископ 10 (21) февраля 1774 г. написал такое же письмо папе. 10 апреля 1774 г. после согласования с нунцием оно было отправлено в Рим [229, с. 48–49]. Климент XIV, который не желал ни идти на поводу у Екатерины II, ни ставить под удар костел на присоединенных к России белорусских землях, принял «соломоново решение». 20 февраля 1774 г. он поручил Конгрегации распространения веры наделить С. Богуша-Сестренцевича каноническими полномочиями на управление католическими церквями на всей территории Российской империи. Но при этом не признал его в качестве белорусского епископа [229, с. 49–50]. 5 марта 1774 г. декрет был отправлен Дж. Гарампи. Однако даже такой половинчатый шаг папы вызвал сопротивление среди католических иерархов. В двух письмах к варшавскому нунцию (1 и 12 марта) префект Конгрегации распространения веры кардинал Джузеппе Каstellли убеждал его не наделять С. Богуша-Сестренцевича каноническими полномочиями, считая того «выразителем интересов петербургского дво-

ра», который «сразу же вышлет иностранных миссионеров», как только получит власть [229, с. 50–52]. Мнение главы конгрегации поддержал также инфлянтский епископ Я. Гедройц, который категорически отказался передать С. Богушу-Сестренцевичу право управления латвийскими приходами [229, с. 52]. Учитывая это, Дж. Гарампи решил скрыть от белорусского епископа решение папы [303, с. 58].

Отсутствие канонической санкции делало проблематичным признание епископской власти С. Богуша-Сестренцевича в тех приходах, на управление которыми он не был делегирован бывшими их епископами. С точки зрения церковного права он являлся белорусским епископом-суффраганом Виленской и генеральным викарием Смоленской диоцезий. На управление Инфлянтами и собственно российскими территориями белорусский епископ не имел никаких церковных юридических прав. Власть в Инфлянтах принадлежала генеральному викарию кс. Константы Сосновскому. Юрисдикция над парафиями, находящимися на территории Российской империи в границах до 1772 г., по-прежнему официально осуществляла Конгрегация распространения веры.

Отсутствие канонической санкции со стороны Рима вызвало непризнание над собою власти С. Богуша-Сестренцевича со стороны многих священников [182, с. 46]. Особенно плохо дело обстояло в Двинской провинции Псковской губернии, в состав которой входили канонически не подконтрольные белорусскому епископу земли Инфлянтской диоцезии. В письме к нунцию он жалуется, что лишь один тамошний пробощ соизволил ответить ему на письмо [303, с. 62]. Не подчинились его власти даже некоторые священники канонически подчиненных ему парафий. К примеру, жмудский каноник и настоятель могилевского костела в честь св. королевича Казимира К. Зенович, кричевский инфулат, пробощ костела св. Казимира в Мстиславле Р. Илич, которые считали его только делегированным представителем Виленского епископа. Борясь с непокорными, белорусский епископ добился их перевода в Речь Посполитую [334, с. 21].

Напряженные отношения сложились у С. Богуша-Сестренцевича с католическими орденами. В результате первого

раздела Речи Посполитой в 1772 г. на территории Российской империи оказалось 50 монастырей римско-католических орденов с 501 монахом. Наиболее многочисленным католическим орденом на белорусских землях, присоединенным к России, был орден доминиканцев [37, с. 66–71; 38, с. 190]. В 16 монастырях этого ордена жило и работало 159 монахов

Таблица 2.1 – Мужские католические ордена на территории Российской империи в 1773 г.

Католический орден	Орденские дома	Отцы	Клирики	Братья	Итого
доминиканцы	16	108	28	23	159
кармелиты	8	51	12	5	68
бернардины	5	41	2	11	54
францисканцы	4	30	4	6	40
конвентуальные					
миссионеры	2	12	-----	3	15
тринитарии	2	11	-----	3	14
<i>Итого</i>	37	253	46	51	350
иезуиты*	13	64	41	46	151
<i>Итого</i>	50	317	87	97	501

*В 1773 г. иезуиты были ликвидированы, их существование на территории Российской империи до 1801 г. официально не признавалось папой римским.

Наиболее могущественным среди духовных орденов было Общество Иисуса (иезуиты) [78, с. 16–17]. Фактически характер взаимоотношений между ним и Станиславом Богущем-Сестренцевичем определял жизнь Римско-католической церкви на белорусских землях в последней четверти XVIII – первом двадцатилетии XIX в.

В 1772 г. на включенных в состав Российской империи белорусско-латвийских землях в 21 домах (4 коллегиумах, 2 резиденциях, 15 миссиях) [246, с. 44; 300, с. 510–513] жили и работали 201 иезуит (97 отцов, 49 клириков, 55 братьев) [215, с. 2; 219, с. 257].

Таблица 2.2 – Дома иезуитов на присоединенных к Российской империи белорусско-латвийских землях (1772–1773 гг.)

Местоположение	Характер	Местоположение	Характер
Полоцк	коллегиум	Ауля	миссия
Витебск	коллегиум	Варакляны	миссия
Орша	коллегиум	Дагда	миссия
Могилев	резиденция	Индрица Большая	миссия
Мстиславль	резиденция	Кауната	миссия
Лозовица (Климовичский р-н)	миссия	Ужвальд	миссия
Рясна (Дрибинский р-н)	миссия	Прейли	миссия
Фащевка (Шкловский р-н)	миссия	Пуша	миссия
Хальч (Ветковский р-н)	миссия	Лаукеза	миссия
Чечерск	миссия	Ликсна	миссия
Динабург (Даугавпилс)	коллегиум		

В Российской империи существовал запрет на деятельность иезуитов [согласно указу Петра I от 18 (29) апреля 1719 г.] [52, с. 8]. Да и Екатерина II в инструкциях («Наказе»), данных будущим губернаторам могилевскому М.В. Каховскому и псковскому М.Н. Кречетникову, предостерегала: «Иезуитским монастырям, школам и училищам вы сделайте особую перепись. Вы за сими наипаче недреманно следить имеете, яко за коварнейшими из всех прочих латинских орденов, ибо у них без согласия начальников, подчиненные ничего предпринять не могут» [23, с. 27].

Почему же тогда российская императрица, так осторожно и недоверчиво относящаяся к ордену иезуитов, решила оставить его в Российской империи? Ответ на этот вопрос прост. Образование в восточно-белорусских землях XVIII в. фактически лежало на плечах иезуитов. Правительство не могло позво-

лечь себе заменить иезуитов в школьном образовании, как другим орденом, так и светскими учителями [20, с. 2–6; 176, с. 46].

Немаловажное значение играло также желание Екатерины II иметь верного политического и идеологического союзника, который сгладит возможное недовольство местной шляхты и поможет в упрочении власти российской администрации на отторгнутых от Речи Посполитой землях [29, с. 158; 187, с. 140]. И действительно, иезуиты всем своим поведением показывали верноподданические чувства новой власти. Они одними из первых принесли присягу на верность российской императрице [26, с. 18]. В проповедях выступали против панических «апокалипсических» настроений и призывали присягнуть российской императрице. 3 октября 1772 г. в костеле св. Стефана в Полоцке была оглашена «проповедь в годовщину счастливой коронации светлейшей Екатерины II монархини всея Руси». В ней отмечалось, что иезуиты «торжественно <...> и охотно первый раз его празднуют». Проповедник призвал подчиниться новой власти, ибо следует «коронованные головы уважать» и быть им верными [24, с. 121–122]. «Местное латинское и униатское духовенство, а также шляхта были ошеломлены <...> и, по старой привычке вверять себя водительству этого влиятельного ордена и следовать его мановению, они теперь волею и неволею потянулись за иезуитами и стали присягать новой своей повелительнице» – такими словами охарактеризовал М. Морошкин результаты деятельности иезуитов [87, ч. 1, с. 71].

Следует помнить также о значении личного впечатления, произведенного на Екатерину II встречей с отцами-иезуитами Станиславом Черневичем, Габриелем Ленкевичем и Юзефом Каттенбрингом в конце осени 1772 г. Еще ранее, в 1769–1770 гг., в Россию по личному приглашению императрицы приезжал отец-иезуит Кристиан Майер, «астроном и географ с мировой славой» [59, с. 74]. Цель его поездки заключалась в наблюдении редкого астрономического явления – прохождения Венеры по диску Солнца. Одновременно К. Майер разработал проект составления всеобщей географической карты России, одобренный Императорской академией наук. Его научные достижения привели к признанию Екатериной II ценности иезуитов как ученых.

21 июля 1773 г. под напором Франции, Испании, Португалии и Королевства Обеих Сицилий папа Климент XIV вынужден был подписать буллу «*Dominus ac Redemptor Noster*» [232, с. 1–19], согласно которому орден иезуитов (*Societas Jesu*) упразднялся и распускался. 13 августа 1773 г. для его исполнения была создана Особая конгрегация кардиналов. Через 5 дней (18 августа) она издала окружное послание епископам, в чьих диоцезах были иезуиты [59, с. 19]. Согласно ему, булла «*Dominus ac Redemptor*» входило в силу не после ее опубликования в Риме, а после провозглашения на местах (в каждой епархии).

Лишь два монарха воспротивились оглашению папского указа на своей территории: прусский король Фридрих II и российская императрица Екатерина II. Парадокс, но в их монархиях католицизм не являлся государственной религией [27, с. 47].

Принимая решение воспротивиться легитимному и канонически освященному способу ликвидации ордена иезуитов в 1773 г., Екатерина II руководствовалась, кроме уже перечисленных нами причин, также внешнеполитическими обстоятельствами. В конце 60 – начале 70-х гг. XVIII в. в международных отношениях между Российской империей и королевскими дворами Бурбонов (Францией, Испанией, Обеих Сицилий) наблюдалось явное охлаждение. Ликвидация ордена была во многом обусловлена их давлением на папу. Сохранение же иезуитов на присоединенных к России белорусско-латвийских землях было своеобразным дипломатическим демаршем, направленным против политики Бурбонов [79, с. 128; 207, с. 289, 301, 346].

Известия о ликвидационном бреве папы достигли восточной Беларуси в сентябре 1773 г. Перед иезуитами, оказавшимися в границах Российской империи, стал вопрос: «Что же теперь делать?» Белорусские иезуиты находились под юрисдикцией виленского епископа Игнацы Масальского, латвийские – инфлянтского епископа Яна Гедройца. 29 сентября 1773 г. виленский епископ отправил иезуитам своего диоцеза послание, в котором запретил им покидать монастыри и бросать исполнение своих обязанностей вплоть до оглашения ликвидационной буллы. Успокаивал иезуитов и псковский губернатор М.Н. Кречетников: «Распространившаяся в здешних сторонах

весть, якобы орден иезуитов имел быть уничтожен, достигла и моих ушей. Не могучи умом чаять о сем и, данную мне высочайшею властью, торжественно удостоверяю всех, в губернии белорусской находящихся, помянутого ордена членов о верном и постоянном покровительстве ее величества» [53, с. 165; 215, с. 9–11].

25 октября (5 ноября) 1773 г. С. Черневич получил распоряжение императрицы приехать в Санкт-Петербург. В поездке его вновь сопровождали Г. Ленкевич и Ю. Каттенбринг. В первых числах декабря на приеме у белорусского генерал-губернатора З.Г. Чернышева отцы-иезуиты предоставили на имя императрицы прошение, в котором просили дать разрешение на оглашение буллы «*Dominus ac Redemptor Noster*» [77, с. 133]. В начале января 1774 г. через З.Г. Чернышева они получили официальное решение Екатерины II сохранить иезуитов как орден. «Вы должны повиноваться папе в том, что касается догмы; в остальном вы должны повиноваться государям, – гласил ответ. – Но вы, как я вижу, колеблетесь. Так что я напишу моему послу в Варшаве, чтобы он побеседовал с папским нунцием и устранил эти ваши сомнения» [87, ч. 1, с. 82].

Несмотря на то, что оглашение ликвидационной буллы папы было запрещено императрицей и тем самым создавалась возможность для сохранения ордена, часть белорусских иезуитов решила покинуть орден и присоединиться к белому духовенству. Так в декабре 1773 г. орден покинуло 26 человек, в 1774 г. – еще 27.

Одновременно с иезуитами в Санкт-Петербург прибыл кандидат на должность белорусского епископа виленский каноник Станислав Богуш-Сестренцевич. Одной из главных задач, поставленных перед ним курией, была задача добиться от Екатерины II ликвидации ордена в России. Но, выполняя волю императрицы, С. Богуш-Сестренцевич должен был присягнуть, что ни он, ни подчиненное ему духовенство не будут посягать на свободу жизни и деятельности иезуитов. Все исследователи единогласно отмечают, что на этот шаг будущий митрополит пошел против своих убеждений. Он был испуган влиянием иезуитов при российском дворе, боялся, что их оставление на белорусских землях испортит его отношения с папой. Наконец,

он радел за свою власть. Сильный, монолитный орден иезуитов, который контролировал католическое образование и был изъят из-под его юрисдикции, представлял реальную угрозу размерам его полномочий. Но именно честолюбие и непомерное желание стать епископом, которым он никогда бы не стал в Речи Посполитой, заставило его вновь и вновь нарушать инструкции нунция Дж. Гарампи и собственного благодетеля И. Массальского.

В феврале 1774 г. по дороге в Могилев С. Богуш-Сестренцевич посетил иезуитов в Полоцке, где встретил торжественный прием. Там он и С. Черневич заключили соглашение, согласно которому иезуиты признавали над собой юрисдикцию белорусского епископа, взамен на обещание не вмешиваться во внутренние дела ордена [344, т. 1, с. 172]. Обладая поддержкой белорусского генерал-губернатора и внешним благорасположением белорусского епископа, орден начал настойчиво добиваться от российского правительства разрешения на открытие в Полоцке новициата. От решения данного вопроса зависело его будущее. Не имея права принимать новых членов, орден был обречен на постепенное вымирание. Уже в 1776 г. иезуитов было 145 человек [345, с. 159].

В результате 16 (27) февраля 1777 г. Екатерина II подписала указ, дающий право иезуитам на открытие новициата [150, т. XX, с. 500]. Оставалось дело за каноническим утверждением, которое могли дать либо варшавский нунций, либо белорусский епископ. Первый путь был исключен, учитывая негативное отношение Дж. Гарампи к иезуитам. С. Богуш-Сестренцевич же не имел на то канонического права.

7 января 1778 г. епископ Станислав обратился к нунцию в Варшаве с просьбой наделить его полномочиями в управлении монастырями католических орденов в Российской империи. Объясняя причины, он писал, что, имея каноническую санкцию, мог бы ликвидировать орден иезуитов. Только что прибывший в Варшаву новый представитель папы римского Джованни Аркетти поддержал С. Богуша-Сестренцевича и выслал его предложения в Рим (21 января 1778 г.). Первоначально курия отклонила предложения нунция и белорусского епископа, о чем оба были уведомлены в апреле того же года. Однако неутешительные известия о внутренних неурядицах и нарушениях обетов среди бе-

лорусских монахов, а также надежда на скорое разрешение «иезуитской проблемы» заставили Святой Престол изменить свое отношение [293, с. 15–17].

9 августа 1778 г. папа Пий VI поручил секретарю Конгрегации распространения веры подготовить и выслать нунцию канонические полномочия в управлении монастырями для С. Богуш-Сестренцевича. 15 августа 1778 г. все формальности были решены. Согласно бреве епископ Станислав мог «отменять, изменять, исправлять и устанавливать на ново», то есть проводить всевозможные реформы, согласуясь с каноническим правом [97, л. 24–27, 30–32 об.; 336, с. 121–123]. Через Г.А. Потемкина о благоприятном решении была проинформирована Екатерина II, которая тотчас приказала белорусскому епископу канонически утвердить создание новициата иезуитов в Полоцке, что и было сделано 30 июня (11 июля) 1779 г. [146, с. 462–467]. Подобное сенсационное сообщение сразу же стало достоянием всех европейских газет. Курия была возмущена. Руководитель церковной внешней политики кардинал Лаццаро-Опицио Паллавичини в письме к нунцию в Варшаве Дж. Аркетти назвал поведение С. Богуша-Сестренцевича «скандальным и заслуживающим порицания покусительством» [146, с. 469–470]. В свою очередь, нунций приказал белорусскому епископу написать новое пастырское послание, в котором тот должен был отречься от своих действий, и обратился с протестом к послу России О. Штакельбергу [146, с. 469–470]. Екатерининский дипломат ответил, что это внутреннее дело империи [146, с. 481–483]. Станислав Богуш-Сестренцевич оказался между «молотом и наковальней». С одной стороны на него оказывало давление курия, требующая во что бы то ни стало оглашения ликвидационной буллы «*Dominus ac Redemptor Noster*», с другой – воля российской императрицы, сохранившей орден в России. Между подчинением воле папы или воле императрицы он выбрал подчинение воле императрицы. Отказавшись от роли мученика, С. Богуш-Сестренцевич как политик поступил разумно. Поступаясь собственным мнением, вызывая на себя град критики, часто незаслуженной, со стороны католических иерархов, он, тем не менее, выиграл. Вскоре благодарная императрица сделает его

не только архиепископом и митрополитом, но также добьется от Апостольской Столицы его канонического утверждения.

Анализируя причины, которые заставили С. Богуша-Сестренцевича пойти против воли папы, следует учитывать также двойственность позиции самого Ватикана. Понуждаемый испанским и французским дворами, Святой Престол официально был вынужден требовать уничтожение ордена иезуитов на присоединенных к России белорусско-латвийских землях. Неофициально же одобрял его сохранение и развитие. Иезуиты были убеждены в существовании тайного письма папы Климента XIV Екатерине II и рескрипта Конгрегации распространения веры, санкционировавших пребывание иезуитов в Белорусском генерал-губернаторстве. Письма бывших иезуитов, работающих в папской курии, к своим собратьям были наполнены заверениями в благосклонности и поддержке папы, а также убежденностью в «скором возрождении» ордена [59, с. 89–91, 120–124].

2 февраля 1780 г. Общество Иисуса торжественно открыло в Полоцке свой новициат. К этому времени из 201 иезуита осталось только 115 (33 умерли, 53 оставили орден). Нехватка священников вынудила иезуитов закрыть 4 миссии в Инфлянтах: в Каунате (1777), Индрице (1779), Прейли (1780) и Вараклянах (1780) [243, с. 313, 228, 538, 719]. В 1783 г., уже после открытия новициата, был закрыт миссионерский пункт в Лаукезе, в 1789 г. – в Ликсне [243, с. 385, 363–364].

Иезуитам оставалось также решить вопрос о выборе своего главы – генерального викария. Первая чрезвычайная конгрегация в Полоцке (11–18 октября 1782 г.) официально подтвердила статус о. С. Черневича в качестве главы белорусских иезуитов [243, с. 298].

Таким образом, взаимоотношения С. Богуша-Сестренцевича и иезуитов являются противоречивыми. Как католический иерарх, он считал необходимым подчиниться воле папы и распустить орден, но как политик должен был следовать приказаниям российской императрицы, от которой всецело зависел.

Согласно именному указу от 14 (25) декабря 1772 г. католические ордена были подчинены власти белорусского епи-

скопа. Но, вплоть до 1778 г. они не были канонически подтверждены Римом.

Выполняя волю императрицы, которая стремилась ликвидировать какую-либо внешнюю зависимость монашеских орденов, С. Богуш-Сестренцевич должен был позаботиться о создании автономных органов управления среди монахов. Желая соблюсти церковное право, он обратился ко всем провинциалам, юрисдикции которых подлежали монастыри в Белорусском генерал-губернаторстве, с просьбой, чтобы те передали свои функции визитаторам. Предложение С. Богуша-Сестренцевича большинством монахов было встречено в штыки. Особенно активную позицию занял провинциал Русской провинции ордена доминиканцев о. Казимир Велямовский. Не получив поддержки монахов, белорусский епископ назначил визитаторов согласно «*ad normam supremae voluntatis imperatricis*» (воле императрицы). Визитатором Русской провинции ордена доминиканцев был назначен о. Ежи Оржеховский, приор монастыря в Шклове, Литовской – о. Винцент Довнорович, приор монастыря в Забялах, комиссаром монастырей францисканцев стал о. Николай Глуховский – настоятель монастыря в Сенно; визитатором бернардинцев – о. Игнатий Оводович, настоятель Могилевского монастыря; вице-провинциалом кармелитов и их визитатором стал о. Ежи Курмин, настоятель Бельничского монастыря [229, с. 83].

Доминиканцы запротестовали и обратились к нунцию Дж. Гарампи с жалобой. Но нунций поддержал действия С. Богуша-Сестренцевича и посоветовал провинциалам передать власть назначенным визитаторам [229, с. 83–84]. Первоначально, епископ не хотел вмешиваться во внутренние дела римско-католических орденов. В письме к нунцию он пишет: «Я чересчур занят, чтобы мочь, и являюсь чересчур добрым католиком, чтобы вмешиваться во внутреннее управление монахов. Если провинциалы передадут им (т.е. визитаторам – *М.П.*) часть своей власти, то близость руководителей сделает монахов более дисциплинированными» [229, с. 84].

Но епископская визитация монастырей и костелов, проведенная С. Богушем-Сестренцевичем в 1777 г. привела к неутешительным выводам. Святость жизни некоторых священников и монахов, уровень их богословской подготовленности и

масштабы проводимой ими работы с верующими далеко не всегда являлись идеальными. Необходимо было прекратить своеволие, лень, алчность, похоть, двуличность среди людей, призванных Богом к святости [197, с. 6]. Корень зла всех этих недостатков С. Богуш-Сестренцевич, как истинный современник эпохи Просвещения, видел в необразованности. Надо заставить монахов и священников учиться. Воспитывая в них любовь к знаниям, воспитывается желание самообразовываться и делиться тем, что сам освоил, с другими.

30 ноября (10 декабря) 1778 г. он обратился к монахам с обширным посланием [107, л. 128 об.–129]. Этот документ был напечатан С. Шантырем в его работе «Собрание известий о костеле и католической религии в Российской империи...» [334, с. 27–36].

Согласно ему:

1. создавалось «Общество любящих знания», ничьей власти более не подчиняющегося кроме власти епископа;

2. его членом мог стать любой монах любого католического ордена, который выразил желание учиться сам и учить других;

3. «Общество любящих знания» организовывалось в тех монастырях, где достаточно большая часть монахов выскажется за его создание. Несогласные с этим должны были быть переведены в другой монастырь их ордена, в котором большая часть монахов не согласилась с нововведениями;

4. в обязанность монахов вменялось учиться искусству проповеди, истории, географии, польскому и французскому языкам, математике, музыке, физиологии;

5. регламентировался распорядок дня членов общества: первая часть была посвящена самообразованию монахов, вторая часть дня – работам на благо монастыря. Первая половина дня делилась на два полуторачасовых периода, между ними был часовой перерыв. Два периода были посвящены: один – самостоятельному обучению, второй – обучению профессорами своих братьев. Во время перерыва монахи должны были принимать участие в мессе и совместно завтракать;

6. при каждом монастыре «Общества любящих знания» должна была быть открыта начальная школа. Для этого

предписывалось построить общежитие для учеников, либо отгородить под него часть строений монастыря;

7. строго запрещалось употребление спиртного.

С. Шантыр считает, что данный документ фактически провозглашал создание нового ордена. Единственной целью этой реформы являлось создание конкурента иезуитам в области образования. Императрица не позволяла огласить ликвидационную буллу именно по причине того, что в области школьного образования на присоединенных к России восточно-белорусских землях некому было заменить иезуитов. Создав им замену, можно было смело просить императрицу о ликвидации ордена [334, с. 36]. Согласимся с С. Шантырем лишь в том, что белорусский епископ хотел создать школьную систему, которая с успехом бы могла конкурировать с образовательной системой иезуитов. Утверждение о том, что С. Богуш-Сестренцевич хотел создать новый орден, является спорным. Статья 11 говорит о том, что каждый член общества обязан был носить рясу, принятую в его ордене. Само название «Общество любящих знания» является скорее символичным названием части монахов, которые будут заниматься школьным образованием, чем названием нового ордена.

Реформа закончилась провалом. Причины этого поражения заключаются в сырости и непродуманности многих положений реформы, которые вступали в конфронтацию с каноническим правом. Фактически она была направлена на разделение орденов на две части: на «Общество любящих знания» с отдельным руководством и уставом (регулой), и, собственно, на сам орден. Подобные намерения вызвали единодушное сопротивление со стороны монахов, свято чтящих свою автономию и специфику. Белорусский епископ должен был уступить.

Таким образом, взаимоотношения С. Богуша-Сестренцевича и монашеских орденов характеризовались напряженностью. Любая попытка вмешательства правительства и белорусского епископа в жизнь монастырей натывалась на их сопротивление.

Станислав Богуш-Сестренцевич неоднократно пытался получить каноническую апробацию Рима на назначение белорусским епископом. Однако все его попытки были безрезультатными.

татными. Тщетность собственных усилий все более и более «отдаляла» С. Богуша-Сестренцевича от Рима. Все меньшим становилось его желание защищать интересы «центра». Покорность и усердие епископа при открытии новициата иезуитов понравились Екатерине II и вызвали у нее желание его отблагодарить: владыка Станислав желает получить каноническую санкцию? – Он ее получит. В ход был пущен самый действенный способ дипломатии – шантаж. Екатерина II решила разыграть «униатскую» карту.

В 1780 г. стало вакантным место главы греко-католиков на восточно-белорусских землях – полоцкого архиепископа. Екатерина II воспользовалась ситуацией. 2 (13) июля 1780 г. она издала указ, по которому для управления Греко-католической церковью создавалась консистория из трех человек и возобновила процесс возвращения униатов в православие [22, с. 25–27]. Уже 7 (18) июля 1780 г. могилевский православный епископ Георгий (Конисский) сообщил в Синод о присоединении к православию 66 униатских приходов с 385 069 прихожанами, 35 священниками и 95 дьяками [45, с. 2–6; 12, с. 85–89].

Встревоженный папа Пий VI 16 сентября 1780 г. направил российской императрице письмо, в котором просил о назначении архиепископа в Полоцк [146, с. 501–504]. 31 декабря 1780 г. (11 января 1781 г.) Екатерина II ответила папе через варшавского нунция Дж. Аркетти [146, с. 505–506]. В своем письме она оправдывала создание консистории и потребовала назначения Станислава Богуша-Сестренцевича архиепископом и надевание его паллиумом.

Письмо Екатерины II вызвало в Ватикане испуг. Российская императрица не двузначно требовала создания в Российской империи митрополии и назначение тяжело провинившегося перед Апостольской Столицей иерарха ее главою. При этом никаких обещаний по поводу назначения полоцкого архиепископа. Кардинал Л.О. Паллавичини стоял перед трудным выбором. Назначить С. Богуша-Сестренцевича митрополитом означало многочисленные протесты со стороны «бурбонских» дворов. Не назначить – ставить под удар Униатскую церковь и злить российскую императрицу.

Начались переговоры. Папа надеялся, что императрица взамен за согласие создания в России отдельной церковной провинции откажется от кандидатуры С. Богуша-Сестренцевича [146, с. 507–510].

Неожиданно для себя Святой Престол нашел мощного союзника в лице Григория Александровича Потемкина. Религиозный и набожный екатерининский фаворит всю жизнь стремился познать сущность бытия. Один из его любимцев Иван Иванович Михельсон однажды представил всесильному царедворцу своего родственника католического священника, экс-иезуита, Яна Бениславского. Тот своей искренней верой, набожностью и душевной открытостью так понравился Г.А. Потемкину, что вскоре получил предложение возглавить Римско-католическую церковь в Российской империи. Однако Я. Бениславский отказался [334, с. 51–52].

Не дожидаясь согласия Ватикана, Екатерина II 17 (28) января 1782 г. подписала указ [168, л. 1–4; 333, с. 55–61], согласно которому в границах всей Российской империи было образовано Могилевское архиепископство и его главой назначен Станислав Богуш-Сестренцевич¹.

мунций (посол папы римского)

Джованни Аркетти

¹ Кроме того, вводилась должность коадьютора архиепископа, которую занял Ян Бениславский (статья 3) с жалованьем в 1200 рублей в год (статья 4). Вновь оговаривался запрет на получение от кого-либо иного указов кроме российской императрицы и Сената (статья 5). Архиепископу предписывалось создать консисторию, состоящую из нескольких

30 января (10 февраля) 1782 г. Екатерина II оповестила папу о своих действиях и попросила его ратифицировать свой указ [146, с. 516–518]. Такое же требование было выслано папскому нунцию в Варшаве Дж. Аркетти [146, с. 522]. Пий VI первоначально решил отмолчаться. 4 (15) ноября 1782 г. Екатерина II приказала своему послу в Варшаве О. Штакельбергу более активно решать вопрос канонического признания Могилевского архиепископства [146, с. 525–527]. Тот передал угрозы российской императрицы полностью ликвидировать Униатскую церковь нунцию Дж. Аркетти. Папа сдался. 11 января 1783 г. Пий VI согласился с требованием императрицы и изъявил готовность выслать легата в Санкт-Петербург [146, с. 529–533; 324, с. 1–3].

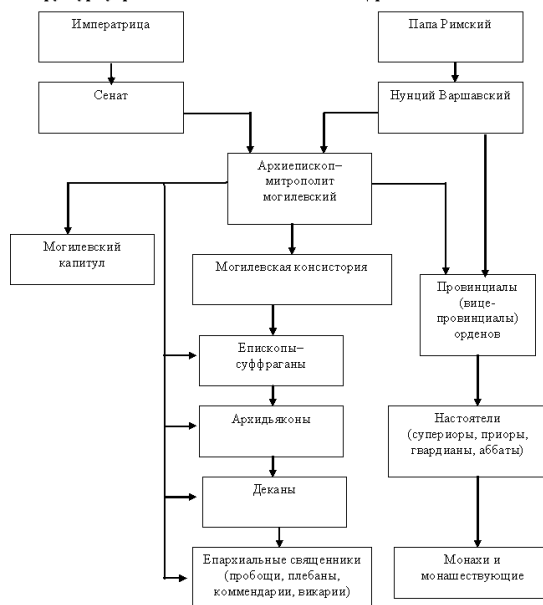
Посланником папы был назначен варшавский нунций Джованни-Андреа Аркетти (1731–1805) [40 с. 48]. Зная о желании Г.А. Потемкина, Святой Престол в инструкции от 19 октября 1782 г., присланной нунцию, советовал ему предложить российской императрице согласиться на назначение могилевским архиепископом Яна Бениславского. В случае одобрения предполагалось добиться у короля Станислава-Августа Понятовского разрешения на перевод С. Богуша-Сестренцевича на кафедру одной из епархий Речи Посполитой [324, с. 38–66]. Но императрица не согласилась.

14 (25) сентября 1783 г. вслед за нунцием в Санкт-Петербург прибыл С. Богуш-Сестренцевич [303, с. 192]. Папский посланник вынужден был признать, что другой кандидатуры, кроме кандидатуры белорусского епископа не было. Острота ума, свободное владение несколькими иностранными языками,

каноников. При условии разбирательства в консистории судебного дела светского, в консистории должен присутствовать представитель власти («депутат от гражданского правления»). Решение консистории можно было оспорить в Сенате (статья 6). Предыдущая апелляция в Юстиц-коллегию лифляндских, эстляндских и финляндских дел запрещалась (статья 7). Вновь подтверждалось подчинение архиепископской власти римско-католических орденов (статья 8), право государства на принятие либо отклонение папских булл и бреве (статья 12), предписывалось прислать правительству точные данные о количестве монастырей и костелов с описанием проводимой ими работы среди верующих (статья 13) [150 т. XXI, с. 383–385].

ис-
тель-
ли-
при-
влады-
слава
рос-
ари-
тию.
ратур-
науч-
собно-
ли са-
сий-
пера-
Г.А.
[332,
Не-
обро-
слово,

Структура управления Римско-католической Церкви в 1783–1796 гг.

ключитель-
ная вежли-
вость и
ветливость
ки Стани-
очаровали
сийскую
стокра-
Его лите-
ные и
ные спо-
сти цени-
ми россий-
ская им-
трица и
Потемкин
с. 179].
осторожно
ненное
направ-

ленное против С. Богуша-Сестренцевича, могло вызвать бурю негодования. Исключительная набожность и серьезное отношение епископа к исполняемым им обязанностям расположили к нему нунция. В своих депешах в Ватикан он пишет, что о белорусском епископе сложилось слишком предвзятое мнение [324, с. 164–166].

Юридические тонкости были решены декретами «Pastoralis sollicitudo» 8 (19) декабря 1783 г. и «Ad maiorem fidei Catholicae» 10 (21) декабря 1783 г., которые канонически утвердили новую церковную провинцию (Могилевскую митрополию) [169, л. 1–6] и возвели Станислава Богуша-Сестренцевича в архиепископское достоинство [170, л. 1–3]. Новый архиепископ-митрополит получал все права и обязанности, которые были предусмотрены существующим римско-католическим церковным правом. Торжественная передача архиепископского паллиума состоялась 17 (28) января 1784 г. в недавно построенном в Санкт-Петербурге соборе св. Екатерины [18, с. 1–9; 158, л. 1–4, 214, с. 1–8].

За полное удовлетворение своих требований Екатерина II щедро наградила посла папы: добилась для него кардинальского титула, подарила при отъезде соболью шубу, богато украшенный крест стоимостью в 10 000 рублей и денежную сумму в 7 200 рублей «на путевые издержки» [318, с. 157]. 17 (28) апреля 1784 г. именным указом Екатерина II утвердила все грамоты и акты, выданные нунцием Дж. Аркетти [150, т. XXII, с. 105–133; 51, с. 1014–1031].

На придании С. Богушу-Сестренцевичу архиепископского достоинства Екатерина II решила не останавливаться. С ответной миссией в Рим был направлен князь Н.Б. Юсупов. Главной целью его посольства являлось добиться кардинальской шапки для могилевского митрополита. Однако намерениям императрицы не суждено было осуществиться. Слишком велико было недоверие курии к «церковному сепаратисту», а также страх перед Бурбонами, которые не могли простить С. Богушу-Сестренцевичу легализации новициата иезуитов. Чтобы избежать оскорбительного отказа, папа решил сослаться на то, что не принято назначать кардиналов в некатолических странах [254, с. 16–19].

Таким образом, в 1783 г. Станислав Богуш-Сестренцевич, наконец, получил каноническое утверждение со стороны Апостольской Столицы. Его преданность российской императрице была ею по заслугам оценена. Белорусский епископ получил больше, чем ожидал. Он был возведен в архиепископский сан и стал во главе новой, самой обширной церковной провинции в мире. Кроме того, было ликвидировано подчинение Римско-католической церкви Юстиц-коллегии лифляндских, эстляндских и финляндских дел. Функции контроля и разрешения спорных моментов передавались высшему судебному органу в империи – Сенату.

Новый всплеск политической активности Станислава Богуша-Сестренцевича в последние годы правления Екатерины II был вызван новыми разделами Речи Посполитой. В их результате в состав России вошло около 462 тыс. км², на которых проживало 5,4 млн. человек (в т.ч. 1,9 млн. римских католиков) [283, с. 19; 285, с. 12]. С точки зрения территориально-административной структуры Римско-католической церкви в состав России

вошли приходы Виленской, Инфлянтской, Жмудской, Каменецкой, Луцкой, Киевской и частично Хелмской епархий [280, с. 280].

Идея по пути создания отдельной церковной провинции, полностью охватывающей границы Российской империи, Екатерина II вновь, как и в 1772–1773 гг., пошла на ломку старой церковной структуры, сложившейся в Речи Посполитой [73, с. 200]. 6 (17) сентября 1795 г., без предварительных консультаций с Римом, она распорядилась о ликвидации Виленской, Инфлянтской, Луцкой, Каменецкой и Киевской диоцезий. На их месте были созданы Пинская, Летичевская и Инфлянтская епархии [22, с. 83–87; 52, с. 142–145; 150, т. XXIII, с. 761–764]. Реорганизация проходила в рамках приведения церковной епархиальной структуры в соответствие с границами недавно созданных губерний. Границы Инфлянтской епархии совпали с границами Литовской и Слонимской губерний, Пинской – Минской и Волынской, Летичевской – Подольской, Брацлавской и Вознесенской. Преобразования не затронули лишь Жмудскую епархию [196, с. 25–26]. Епископом инфлянтским был назначен Ян Непомуцен Коссаковский, Пинской – Каспар Цецишовский, Летичевской – Юзеф Сераковский. Все католические иерархи были подчинены юрисдикции могилевского митрополита.

Таким образом, исчезновение с политической карты Европы Речи Посполитой поставило перед Римско-католической церковью проблему реорганизации собственной структуры в соответствии с новыми государственными границами. Митрополит С. Богуш-Сестренцевич внешне согласился с мероприятиями Екатерины II. Но, преобразования, проведенные российской императрицей в 1795 г., не устраивали Святой Престол. Возникла острая необходимость проведения двухсторонних переговоров, что было решено уже в следующее царствование.

2.3 Изменения правительственной политики при Павле I

Конфессиональная политика Павла I и роль в ней митрополита Станислава Богуша-Сестренцевича является одной из проблем в российской и белорусской истории, требующей своего переосмысления и переоценки. В ней можно выделить несколько направлений: внешнеполитическое (отношение с папой римским и Мальтийским орденом) и внутриполитическое (реорганизация структуры костела в империи, а также выбор между приверженцами протестантской системы церковного управления, автокефалистами и ультрамонтанами). Главными участниками в проведении политики Павла I по отношению к Римско-католической церкви стали могилевский митрополит Станислав Богуш-Сестренцевич (стоявший на позициях автокефалии),

Структура управления Римско-католической Церкви в 1796–1798 гг.

председатель Юстиц-коллегии Карл-Георг Гейкинг (являвшийся приверженцем жесткого государственного контроля), папский посланник Лоренцо Литта и отец-иезуит Габриель Грубер (защищавшие идеи прямого подчинения костела власти римского папы).

6 (17) ноября 1796 г. умерла Екатерина II. На российский императорский трон взошел Павел I (1754–1801). Первоначально в своей конфессиональной политике новый самодержец продолжал линию, начатую его матерью [46, с. 138]. Как и Екатерина II, он в начале своего царствования в специальном манифесте 18 (29) марта 1797 г. декларировал свободу вероисповедания. Но запрет «о непривлечении людей из греческой веры в католическую» и «нестеснении тех, кои из других исповеданий к Православной церкви принадлежать пожелают» оставил в силе [155, л. 3; 150, т. XXIV, с. 512–513].

Не отказался новый российский монарх и от государственного контроля над деятельностью Римско-католической церкви в империи. Даже более. Первый же законодательный акт, регулирующий государственно-церковные отношения, был направлен на усиление степени государственного вмешательства во внутреннюю жизнь костела. 26 февраля (9 марта) 1797 г. Павел I подписал указ о создании при Юстиц-коллегии лифляндских, эстляндских и финляндских дел особого «департамента для римско-католических юстицких дел», который должен был быть второй судебной инстанцией после консистории. Только после прохождения слушаний в Юстиц-коллегии, можно было подать апелляцию в Сенат [3, с. 13; 155, л. 5–7].

Председателем Юстиц-коллегии 27 февраля (10 марта) 1797 г. был назначен лютеранин по исповеданию Карл-Генрих Гейкинг (1751–1809) [42, с. 379]. Сам департамент возглавил – Личинский, а его заместителем (ассессором) стал – С.Л. Скшенжевский [30, с. 182].

Подобная реорганизация государственного управления костелом не могла понравиться митрополиту, ранее [согласно указу от 17 (28) января 1782 г.] подчинявшегося напрямую Сенату. Как опытный политик, он прекрасно понимал, что действие того или иного распоряжения правительства можно скорректировать или, что еще лучше, свести его к декларации благо-

даря личным контактам с российскими бюрократами. 19 (30) мая 1797 г. митрополит написал по-немецки письмо К.Г. Гейкингу, в котором обращал внимание на то, что согласно указу от 17 (28) января 1782 г. он был изъят из-под юрисдикции Юстиц-коллегии и подчинен исключительно воле императора и Сената. Станислав Богуш-Сестренцевич просил получателя, чтобы тот лично «по-дружески» высказал свое мнение [179, с. 94, 125–126; 42, с. 379]. Но письмо с ироничным комментарием К.Г. Гейкинга было предоставлено через вице-канцлера А.Б. Куракина императору, после того как тот 7 (18) июня 1797 г. вернулся из Москвы [179, с. 48]. Павел I сразу же выразил свое неудовольствие и поручил департаменту вынести выговор митрополиту [155, л. 8].

Одновременно с налаживанием контактов с К.Г. Гейкингом С. Богуш-Сестренцевич связывал надежды в изменении указа на личную встречу с российским императором. В бытность Павла Петровича великим князем, могилевский митрополит часто посещал его в Гатчине, чем неоднократно навлек на себя гнев Г.А. Потемкина [179, с. 16–17]. Отправляясь в заграничное путешествие в 1782 г., цесаревич заехал в Могилев, где встретил теплый прием С. Богуша-Сестренцевича [179, с. 17]. Павел помнил об этом и, когда стал российским императором, пригласил митрополита на коронацию [179, с. 3].

Получив приглашение, С. Богуш-Сестренцевич незамедлительно выехал в Москву. В столицу он прибыл 11 (22) марта 1797 г. [179, с. 5,38]. Придворный такт архиепископа позволил ему познакомиться с новой политической элитой империи. По прибытии [на протяжении двух дней 12 (23) и 13 (24) марта] он навестил московского генерал-губернатора князя Юрия Владимировича Долгорукова, вице-адмирала графа Джулио Литта, вице-канцлера князя Александра Борисовича Куракина, губернаторов Ивана Петровича Архарова и Михаила Михайловича Измайлова [179, с. 5–6, 12–13]. Был нанесен также визит митрополиту петербургскому Гавриилу [179, с. 6–7].

Сам Павел I благосклонно принял С. Богуша-Сестренцевича и неоднократно оказывал могилевскому митрополиту знаки внимания [179, с. 15, 19–20, 24–25, 27–28, 32, 35, 37]. По окончании коронационных торжеств император решил

посетить восточную Беларусь. 8 (19) мая 1797 г. он прибыл в Оршу.

«Я ехал в своей карете на некотором расстоянии, – вспоминает С. Богуш-Сестренцевич, – и, заметив, что император повернул для того, чтобы направиться к иезуитам, вышел из кареты, сбросил с плеч на землю свой плащ и побежал бегом, чтобы успеть принять его в воротах коллегиума. Говорили, что император заметил меня, назвал хорошим пешеходом и приказал записать в своем походном журнале о моем рвении и внимании» [179, с. 39].

нунций (посол папы римского)
Лоренцо Литта

Неизменная почитительность могилевского митрополита, граничащая с демонстративным раболепием, понравились Павлу I, и он пригласил его в Санкт-Петербург [179, с. 41]. 22 августа (2 сентября) 1797 г. С. Богуш-Сестренцевич прибыл в северную столицу [179, с. 48].

Союзником С. Богуша-Сестренцевича в его борьбе за освобождение Римско-католической церкви от подчинения Юстиц-коллегии лифляндских, эстляндских и

финляндских дел, должен был стать прибывший в марте 1797 г. в Россию папский посланник Лоренцо Литта. Главной целью его посольства являлась проблема канонического разрешения территориально-административного обустройства костела в империи.

Первоначально С. Богуш-Сестренцевич думал встретиться с нунцием в Могилеве [179, с. 3]. Однако, получив приглашение на коронацию, и видя, что папский посланник задерживает-

ся, решил его не дожидаться. Поэтому первая встреча С. Богуша-Сестренцевича и Л. Литта состоялась 23 марта (3 апреля) 1797 г. в Москве [179, с. 17].

Папский посланник надеялся, что сможет сохранить в прежнем виде существовавшую в Речи Посполитой церковную структуру, привилегии и льготы костела. 17 (28) апреля 1797 г. на встрече с канцлером И.А. Остерманом и вице-канцлером А.Б. Куракиным он сложил дипломатическую ноту [325, с. 26–29]. В ней папа выражал надежду и пожелание о том, что российский император предоставит католикам истинную веротерпимость, сохранит привилегии Римско-католической церкви и неприкосновенность ее владений, не будет проводить территориально-административных преобразований и сохранит по возможности в прежнем виде все существующие епархии обоих обрядов, которые вошли целиком или отчасти в состав империи. Вновь и вновь Пий VI повторял, что в управлении Римско-католической церковью главным принципом является принцип главенства папы. Именно им должны назначаться и утверждаться епископы. Без канонической санкции они не могут пользоваться своею властью. В вопросе об управлении монастырями Пий VI предлагал сохранить существующее устройство монастырей [325, с. 34–44].

Конечно же, Лоренцо Литта не мог поддерживать идею подчинения Римско-католической церкви в империи Юстиц-коллегии. Правда, С. Богуш-Сестренцевич сумел убедить его открыто не противодействовать созданию департамента, так как подобная идея исходила лично от императора [179, с. 55–56]. Сам митрополит, по приезду в Санкт-Петербург, активно включился в политическую борьбу с К.Г. Гейкингом. Павел I, первоначально сердившийся на него за письмо председателю Юстиц-коллегии, «оттаял» к середине ноября 1797 г. [179, с. 95–96].

Причиной возвращения милости императора к С. Богушу-Сестренцевичу послужил так называемый «процесс над Виленской ассоциацией». Она была создана в 1796 г. тремя римско-католическими монахами: настоятелем тринитарского монастыря в Берестечке (Украина) Орелианом Домбровским, приором доминиканского монастыря в Вильно Фаустином Церцерским и отцом-бенедиктинцем Вацлавом Зелковским. Ассоци-

ация занималась вербовкой на службу в польские легионы, сражавшиеся на стороне Франции, и сбором денег для них [184, с. 87–94; 185, с. 24–31; 199, с. 22; 309, с. 31, 74, 82]. О ее деятельности вскоре стало известно российской администрации. Руководители ассоциации были арестованы и тайно привезены в Санкт-Петербург, где были осуждены Сенатом на смертную казнь. Правда, Павел I заменил ее ссылкой в Сибирь. В связи с тем, что 12 участников Виленской ассоциации были монахами, в известность был поставлен нунций Лоренцо Литта, которому было приказано тот час же лишить их сана [72, с. 17]. Не желая нарушать канонического права, для соблюдения требований которого потребовались бы долгие годы и согласие папы, нунций переложил ответственность решения на могилевского митрополита. Тот сразу же понял, что от его действий зависит милость к нему императора, и 23 ноября (3 декабря) 1797 г. лишил монахов сана [179, с. 104–105].

Организация торжественной заупокойной мессы по отцу императрицы герцогу Фридриху-Вильгельму Вюртембургскому 15 (26) января 1798 г. еще больше приблизила могилевского митрополита к императору [179, с. 133–135]. Благодарный Павел 17 (28) января 1798 г. наградил С. Богуша-Сестренцевича одним из высших орденов империи – орденом св. Александра Невского [179, с. 136]. Но самый большой подарок митрополиту был сделан 26 января (6 февраля) 1798 г., когда император подписал указ, согласно которому департамент по римско-католическим делам фактически был выведен из-под контроля Юстиц-коллегии [52, с. 153; 150, т. XXV, с. 49]. Станислав Богуш-Сестренцевич стал его президентом [113, л. 342]. Его заместителем был назначен генерал Игнацы-Петр Лобажевский. Департамент состоял из трех представителей от духовенства, трех – светских заседателей, прокурора, двух секретарей и канцелярии. 15 (26) февраля 1798 г. Павел I утвердил кадровый состав департамента. Заседателями в нем стали епископ Киприан Одинец, могилевский каноник Юзеф Бышковский и пробощ витебской парамии святой Барбары Игнацы Шостаковский. Секретарем – отец Матвей Бялынович [140, л. 1].

Однако победа митрополита не была полной. Наличие светских членов, на назначение которых он не мог влиять с та-

кой результативностью, как на назначение духовных, привело к тому, что в департаменте сформировалась оппозиционная ему группа приверженцев К.Г. Гейкинга во главе с вице-председателем И.П. Лобажевским и советником Дугамелем [255, с. 320].

Одновременно с внутренней борьбой в департаменте, обусловленной личной неприязнью С. Богуша-Сестренцевича и председателя Юстиц-коллегии, усиливалась конфронтация между могилевским митрополитом и нунцием. Причины ее нарастания объясняются разными взглядами двух католических иерархов на сущность взаимоотношений костела и государства, партикулярной церкви и центра. Если Л. Литта исходил из положения о первенстве (примате) папской власти над государственной, то митрополит являлся приверженцем государственного протектората над церковью. Во всех спорах он всегда занимал позицию российского правительства, мнение нунция редко учитывалось при решении дел, касающихся положения костела на белорусских землях. Папский посол был совершенно неудовлетворен решением вопроса о государственном контроле над Римско-католической церковью в Российской империи. Переговоры же по поводу будущего территориально-административного обустройства костела окончательно рассорили С. Богуша-Сестренцевича и Л. Литта.

Могилевский митрополит выступал за создание в границах России примасовства, по примеру Речи Посполитой. Первоначально он хотел, чтобы его перевели с титулом примаса архиепископом в Луцк [179, с. 20–21, 56]. Но 18 (29) октября 1797 г. камергер императора – граф Август Иванович Илинский – сообщил о том, что император считает это понижением для него [179, с. 75].

В то же время нунций желал, чтобы центр Римско-католической церкви был перенесен в Вильно. Станислав Богуш-Сестренцевич должен был остаться лишь епископом могилевским (или белорусским). 27 октября (7 ноября) 1797 г. канцлер князь А.А. Безбородко заверил митрополита, что Павел I желает, чтобы Могилев оставался центром архиепископства, а С. Богуш-Сестренцевич – главою костела в империи [179, с. 78–79].

28 апреля (9 мая) 1798 г. Павел I подписал указ, согласно которому Римско-католическая церковь в Российской империи должна была состоять из 5 епархий (Виленской, Минской, Луцкой, Каменецкой, Жмудской) и Могилевского архиепископства. Во главе Виленской диоцезии был поставлен Ян Коссаковский, Минской – Якуб Дедерко, Луцкой – Каспар Цецишовский, Каменецкой – Ян Дембовский, Жмудской – Ян Гедройц. Могилевское архиепископство, как и ранее, должен был возглавить Станислав Богуш-Сестренцевич [141, л. 1–1 об.]. Указ также предусматривал наличие в каждой диоцезии одного епископа-суффрагана, в Могилевском архиепископстве – трех (Могилевского, Полоцкого, Киевского). При этом регламентировалось, что могилевским викарным епископом может быть только прелат-препозит Могилевского кафедрального капитула (пробош костела святого Станислава). Каждая епархия должна была иметь консисторию во главе с официальном (генеральным викарием). В случае апелляции дело должно было пересматриваться не епископом той диоцезии, в консистории которой первоначально рассматривалось дело, а в департаменте по римско-католическим делам в Санкт-Петербурге (статья 5) [3, с. 16–17].

В знак своего благорасположения Павел I наградил 2 (13) мая 1798 г. С. Богуша-Сестренцевича вторым высшим орденом Российской империи – св. апостола Андрея Первозванного [179, с. 165].

Нунцию Лоренцо Литта оставалось только канонически подтвердить проведенные преобразования, что тот и сделал 27 июля (7 августа) 1798 г. декретом «*Ad maiorem fidei Catholicae exaltatione*». Теперь Виленская, Жмудская и Луцкая епархии, ранее входившие в состав Гнезненской митрополии, а также Каменецкая, подчинявшаяся Львовской, канонически были присоединены к Могилевской церковной провинции. Была учреждена новая епархия – Минская, которая также была подчинена верховной власти Могилевского архиепископа [173, л. 1–3; 302, с. 3–6]. 15 ноября 1798 г. Пий VI буллой «*Maximis undique pressi calamitatibus*» канонически утвердил все декреты своего посла [2, с. 125–138].

Обострению отношений между нунцием и митрополитом способствовало также так называемое «дело Сераковского».

Юзеф Сераковский был назначен указом Екатерины II от 6 (17) сентября 1795 г. летичевским епископом. В процессе переговоров с российским правительством Л. Литта смог настоять на назначении каменецким епископом, которому предполагалось переподчинить приходы Летичевской диоцезии, Яна Дембовского. Но, благодаря поддержке митрополита [251, с. 11], Ю. Сераковский добился того, чтобы 2 (13) октября 1798 г. [155, л. 217] последний был отправлен на пенсию «по слабости здоровья», а каменецким епископом был назначен он. Нунций выразил протест [13 (24) октября 1798 г.], но тот остался без ответа и вызвал вспышку гнева у императора, не терпевшего какого-либо сопотчинения своей воли [325, с. 325–327].

Окончательно испортило отношения нунция и митрополита принятие российским правительством 3 (14) ноября 1798 г. двух указов («Об уничтожении съездов монахов римско-католического исповедания на капитулы для избрания чинов в разные монастырские должности; о предоставлении архиереям как определения в сии должности, так и права осматривать монастыри и церкви» [22, с. 117–118] и «Регламента для церквей и монастырей римско-католического исповедания в Российской империи» [143, л. 2–3об.]). Данные акты означали подчинение монашеских орденов власти епископов. Последние наделялись правом назначения их руководителей [провинциалов (статья 7), а также настоятелей и заместителей (статьи 8,9)]. Без разрешения епископа монахи не имели права покидать монастыри и переезжать из одного монастыря в другой (статья 21). Эти постановления, нарушающие каноническое право, вызвали открытое недовольство монахов и папского посланника [229, с. 221]. Митрополит воспользовался этим и обвинил Л. Литта в неподчинении императору [261, с. 253].

Одновременно с ухудшением отношений с С. Богушем-Сестренцевичем, папский посланник стал терять расположение Павла I. Главной причиной немилости российского монарха послужил так называемый «мальтийский вопрос» [305, с. 268–277].

Как известно, после захвата Наполеоном Бонапартом в июне 1798 г. Мальты, великий магистр ордена иоаннитов Фердинанд фон Гомпеш был смещен со своего поста [142, л. 1]. На заседаниях 15 августа, 27 октября и 7 ноября 1798 г. Российско-

го приорства Мальтийского ордена Павел I был провозглашен гроссмейстером иоаннитов [114, л. 4–4 об.; 159, л. 67–71]. Сам император первоначально не спешил с приятием данного титула, желая получить согласие папы.

Между тем, Пий VI, не зная еще о провозглашении Павла I великим магистром, в письме от 5 ноября 1798 г. мальтийскому послу в России Джулио Литта написал: «мы будем сотрудничать с любой властью, <...> чтобы орден мог быть восстановлен в своем былом величии, <...> мы хотели бы узнать, сколько рыцарей из других приорств присоединились к благородному порыву императора, и какую резолюцию они могут принять в подтверждение этого <...>» [5, с. 17]. Слова папы были растолкованы российским самодержцем как признание его великим магистром и 29 ноября (9 декабря) 1798 г. он торжественно принял регалии главы Мальтийского ордена [179, с. 181–182; 186, с. 63]. 14 (26) декабря Павел I известил о своем решении папу [54, с. 27], а 16 (27) декабря 1798 г. официально объявил об этом в манифесте [22, с. 122–123].

Пий VI не мог согласиться с назначением «схизматика» главою католического ордена. В тайном письме нунцию, отправленному 16 марта 1799 г. из Чертозы-да-Фиренце, он выразил свое несогласие с избранием Павла I великим магистром Мальтийского ордена [325, с. 354–357]. Содержание письма стало известно российскому императору, который сразу же [29 апреля (10 мая) 1799 г.] распорядился разорвать отношения со Святым Престолом и выслать из империи нунция [128, л. 20–21]. Вечером того же дня Лоренцо Литта в сопровождении полицейских покинул Санкт-Петербург. В качестве неофициального представителя папы в России он оставил своего секретаря Джованни Бенвеннуги [325, с. 385]. Обида российского императора была тем сильнее, что в своем письме от 14 (26) декабря 1798 г. он искренне предлагал папе свою помощь и даже приглашал его в Россию.

5 (16) мая 1799 г. Павел I распорядился передать полномочия официального представителя папы в России могилевскому митрополиту [155, л. 317–317 об.].

Удаление нунция было на руку С. Богушу-Сестренцевичу, который с новой силой принялся за укрепление

собственной власти в департаменте. Правда, первая попытка удалить светских членов (И.П. Лобажевского и его сторонников) из департамента, состоявшаяся еще в декабре 1798 г. под предлогом того, что те плохо владеют русским языком, окончилась неудачей [179, с. 184, 275, 307, 312]. 8 (19) июля 1799 г. Станислав Богуш-Сестренцевич написал на имя императора новую жалобу на своих подчиненных. Павел I поручил разобраться в деле генерал-прокурору Александру Андреевичу Беклешеву [179, с. 341]. Тот после совещания с митрополитом немедленно [1 (13) августа 1799 г.] уволил из департамента Лобажевского, Дугамеля и Ауреджиа [113, л. 430]. На их место были назначены кандидатуры, предложенные С. Богушем-Сестренцевичем: его родной брат Людовик [179, с. 373], Иосиф Серпинский и Петр Станкевич [314, с. 26–27].

Фактически в августе 1799 г. митрополит достиг наивысшей власти в Римско-католической церкви на белорусских землях. Он возглавил государственный орган, контролирующий деятельность костела в империи. Как митрополит руководил деятельностью всех шести римско-католических епархий. Его власти были подчинены монашеские ордена.

Станислав Богуш-Сестренцевич развил активную политическую деятельность: выступил с проектом включения в состав департамента представителей Святейшего Синода с целью более быстрого разрешения конфликтов между православными и католиками [87, ч. 1, с. 360] и начал продвигать в правительстве проект нового территориально-административного переустройства костела в империи: создания примасовства с центром в Вильно [260, с. 666–668, 745–747].

Первый шаг к созданию примасовства был сделан еще при нунции и был связан с попыткой митрополита получить титул кардинала. Через два дня после указа императора о создании в России шести римско-католических епархий [30 апреля (11 мая) 1798 г.] папе было отправлено письмо, в котором император просил назначить С. Богуша-Сестренцевича кардиналом [325, с. 210–213]. Пий VI принял «соломоново решение». 15 марта 1799 г. он согласился на то, чтобы могилевские митрополиты носили пурпурное кардинальское одеяние без наделения их титулом кардинала [172, л. 1; 325, с. 350–351].

Могилевский митрополит узнал о решении папы 10 (21) апреля 1799 г. во время приема у императора. В своих воспоминаниях он так описывает этот момент:

“Император приблизился ко мне и, видя, что я не делаю никакого движения, сказал мне: “Итак, вы кардинал?”

Я, не видя еще бумаг и не слышав ничего об их содержании, был поистине в неизвестности и даже отрицал это.

“Да, да, – сказал император, – я говорю вам это, а если я говорю, то значит это верно”. Тогда я стал на колени и поцеловал его руку.

“Встаньте, – сказал он, – вы не получили этих бумаг. Так вы их получите”.

Я воображал себя кардиналом до возвращения к себе домой, куда господин Пини принес мне бумаги <...> прочитав по получении послание из Рима <...> я пошел к графу вице-канцлеру (В.П. Кочубею – М.П.) и сказал ему, что его императорское величество был введен в заблуждение, говоря мне, что я уже кардинал <...>» [179, с. 317–318].

12 (23) апреля Павел I узнал об истинном смысле папского письма, и 27 апреля (8 мая) 1799 г. подписал

новое обращение к Пию VI о назначении С. Богуша-Сестренцевича кардиналом [179, с. 319.]. Письмо должно было быть передано папе А.В. Суворовым, который командовал российскими войсками в Италии [179, с. 321–322].

Станислав Богуш-Сестренцевич

Портрет неизвестного художника (конец XVIII в.)

И, видимо, Павел I добился бы от папы назначения могилевского митрополита кардиналом, если бы в планы последнего не вмешались иезуиты [258, с. 51–58].

Дело в том, что в апреле 1799 г. в Санкт-Петербург приехали о. Габриель Грубер и о. Юзеф Каменский. Официальной целью их миссии было получение апробации императора на назначение Франсуа Каре генеральным викарием иезуитов. Секретной – ликвидация юридической силы Регламента от 3 (14) ноября 1798 г., подчинявшего власти С. Богуша-Сестренцевича также и их орден. Но лишь четыре месяца спустя, преодолев все препятствия, чинимые митрополитом, Габриель Грубер встретился с императором. Этому помог случай. У императрицы Марии Федоровны заболел зуб. Усилия придворных докторов результата не дали. Страдания императрицы вызывали беспокойность и раздражительность у Павла I. И в данный момент Г. Грубер предложил свою помощь. Лечение оказалось действенным. Боли прошли [87, ч. 1, с. 374–377]. Благодарный Павел I с интересом взглянул на иезуитов. Его встречи с Г. Грубером стали поворотным моментом, как в судьбе самого ордена, так и в карьере митрополита.

Отец Габриель рассказал императору о злоупотреблениях, допущенных в департаменте по римско-католическим делам. Разгневанный Павел I немедленно запретил могилевскому митрополиту бывать при дворе, а 15 (26) ноября 1800 г. приказал ему покинуть Санкт-Петербург и поселиться в Буйничах (теперь Могилевский район, Могилевской области). Верные ему епископ-суффраган К. Одынец, П. Станкевич [113, л. 605; 115, л. 42] и вице-президент департамента И. Серпинский [115, л. 49] также не избежали ссылки. Киприан Одынец был отправлен в Вологду, Петр Станкевич – в Холмогоры (около Архангельска), Иосиф Серпинский – в Каргополь (теперь Вологодская область) [334, с. 171].

Несмотря на замкнутый образ жизни, в декабре того же года 69 летнему старику было приказано переехать в более отдаленные от Могилева Малятичи (теперь Кричевский район, Могилевской области).

Председателем департамента по римско-католическим делам был назначен Ян Бениславский [113, л. 606; 115, л. 47],

который сразу занялся его реорганизацией. Незадолго до высылки митрополита, когда тот уже находился в опале и ожидал своей участи, 11 (22) октября 1800 г. было определено, чтобы каждый римско-католический епископ присылал в департамент своего представителя на трехлетний срок [150, т. XXVI, с. 338].

11 (22) декабря 1800 г. император подписал новый регламент под названием «Высочайше утвержденные пункты об управлении римско-католическим духовенством в России». Согласно ему монашеские ордена изымались из-под юрисдикции епископов и получали широкую внутреннюю автономию (статья 2). Монахам возвращалось право самостоятельного избрания своих руководителей на провинциальных собраниях (статья 7) [22, с. 146–149]. Однако на ликвидацию государственного контроля Павел I не пошел, хотя устно и уверил Я. Бениславского в том, что данная статья не будет применяться в жизни [318, с. 308].

Одновременно с интригами против Станислава Богуша-Сестренцевича иезуиты вновь возобновили попытки получить каноническое признание существования ордена иезуитов. Положение папы в конце XVIII в. было тяжелым. Толентинский мир, заключенный с Францией 19 февраля 1797 г., фактически привел к оккупации Папской области французами. Всякое сопротивление энергично и жестоко подавлялось. Сам папа Пий VI был силой вывезен во Францию, где 29 августа 1799 г. скончался [281, с. 182]. 14 апреля 1800 г. новым папой был избран кардинал Барнаба Кьярамонти, который принял имя Пий VII. При таких обстоятельствах 11 (23) августа 1800 г. Павел I выслал письмо в Рим с просьбой официально признать существование ордена иезуитов [266, с. 364]. Сам папа также начал зондировать почву. 28 июля 1800 г. он написал письмо испанскому королю Карлу IV (1788–1808), в котором поделился своими планами восстановить орден иезуитов во всем мире. Но тот воспринял планы папы резко отрицательно [269, с. 176–178]. Поэтому, основываясь на просьбе Павла I, Пий VII решился признать существование ордена иезуитов только в границах Российской империи, что и было юридически оформлено 7 марта 1801 г. в бреве «*Catolicae fidei*» [196, с. 36; 209, с. 148].

Увидев в иезуитах и в их образовательной системе верное средство в борьбе с революционными идеями и иллюминизмом, Павел I, как пишет С. Заленский, «проникся почтением к иезуитам, почти благовейным преклонением перед ними и пожелал, чтобы в мгновение ока вся Россия была усеяна их коллегиями» [345, с. 245]. Уверенность в том, что иезуиты являются самыми успешными борцами со всеми «антимонархическими сектами», укрепили в нем труды Огюстена Баррюэля и Луи Пруайара, под впечатлением которых он находился в июле 1800 г. [59, с. 150–151]. Поэтому Павел I решил поручить им образование в западных губерниях империи. 11 (23) октября 1800 г. он подписал указ, согласно которому образование юношества на белорусских землях поручалось иезуитам, которые по мере количественного роста ордена имели право вступать во владение своими бывшими коллегиями [22, с. 145; 52, с. 188]. Указ императора фактически предусматривал возвращение Виленской академии иезуитам, что вызвало сопротивление со стороны ее профессорско-преподавательского состава. В число противников возвращения входил и знаменитый астроном, ректор в 1780–1799 гг. Виленской академии Мартин Почобут-Одлянцкий (1728–1810), которого в антииезуитских настроениях заподозрить было невозможно. Бывший иезуит, он в 1807 г. передаст виленскую обсерваторию в руки Я. Снядецкого и тайно выедет в Динабург, где вновь вступит в Общество Иисуса [24, с. 118; 268, с. 228]. Подписание указа о передаче Виленской академии иезуитам было запланировано на 1 (13) мая 1801 г., но внезапная гибель императора в марте перекрнула все планы [317, с. 52].

Таким образом, в истории Римско-католической церкви на белорусских землях в период правления Павла I (1796–1801 гг.) в зависимости от статуса ее главы могилевского митрополита Станислава Богуша-Сестренцевича можно условно выделить три этапа. Первый этап (ноябрь 1796 г. – февраль 1798 г.) характеризуется попыткой введения российским правительством управления Римско-католической церковью по образцу протестантских государств и борьбой С. Богуша-Сестренцевича с целью ее ликвидации. Второй этап (февраль 1798 г. – декабрь 1800 г.) – период наивысшего влияния могилевского митрополита на

конфессиональную политику российского правительства, проведение которой по отношению к костелу он сам и возглавил, став председателем государственного органа контроля и высшей судебной инстанции для католиков империи – департамента по римско-католическим делам. Власти С. Богуша-Сестренцевича были подчинены все другие католические епископы империи, а также монашеские ордена. Награждение высшими орденами империи: св. Александра Невского и св. Андрея Первозванного подчеркивало доверие Павла I к нему. В таких условиях митрополит начал проводить курс на достижение автокефалии костела в империи: выступил с планом перенесения центра Римско-католической церкви из Могилева в Вильно и создании там примасовства, а также получения им титула кардинала. Но его политическим планам помешали иезуиты, которые смогли произвести переворот в формировании российской конфессиональной политики. С их приходом к власти начался третий этап (декабрь 1800 г. – март 1801 г.). В это время иезуиты добились не только канонического признания со стороны папы римского их существования в России, но и сделали первые шаги к ликвидации любого рода подчинения костела государству, а также к переориентации развития системы образования империи по образцу их коллегий. Последний шаг мог бы иметь далеко идущие последствия.

2.4. Особенности правительственного курса по отношению к Римско-католической церкви при Александре I

Ссылка С. Богуша-Сестренцевича не была долгой. В ночь с 11 (23) на 12 (24) марта 1801 г. был убит Павел I [116, л. 31]. На трон вступил его старший сын Александр I. Одним из первых указов [15 (27) марта 1801 г.] новый император объявил об амнистии для политических заключенных. В их числе находился и могилевский митрополит [314, с. 30].

Решением вопроса о восстановлении Станислава

Богуша-Сестренцевича в должности митрополита и выработке основных положений взаимоотношения Римско-католической церкви и государства, должен был заняться специальный комитет, созданный 16 (28) июля 1801 г., под председательством генерал-про-курора А.А. Беклешева [191, т. 2, с. 152]. В состав комитета вошли сенаторы граф С.О. Потоцкий и граф Ю.М. Вильегорский, а также римско-католические священники Ж. Маскле и

Ю. Бышковский. За исключением последнего, все члены комитета были благодушно настроены по отношению к могилевскому митрополиту [257, т. 5, с. 35; 314, с. 30–31].

Так как Станислав Богуш-Сестренцевич был отставлен без официального законодательного акта, члены комитета сошлись во мнении считать его отставку временной. Ожесточен-

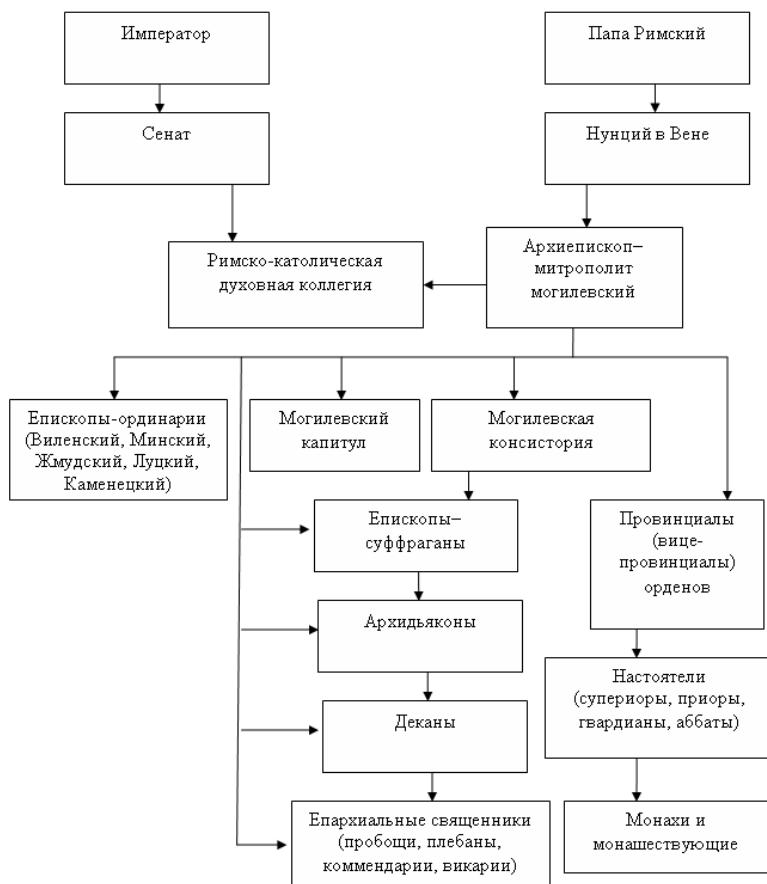
Митрополит Станислав Богуш-Сестренцевич.
Портрет неизвестного художника конца XVIII в.

ная борьба развернулась по вопросу: «Кто станет председателем планируемой Римско-католической духовной коллегии, которая должна была прийти на смену департаменту». Большинство членов комитета выступало против того, чтобы могилевский митрополит стал во главе коллегии и далее постоянно жил в Санкт-Петербурге. Аргументировали это тем, что С. Богуш-Сестренцевич уже ранее объединял в себе тройную власть: власть епископа, власть митрополита и власть председателя департамента. Такое совмещение создавало ситуацию, когда человек, подающий апелляцию на его решение в первой инстанции, должен был апеллировать вновь к нему же самому во второй и в третьей, что рождало неудовольствие и многочисленные жалобы. Чтобы предотвратить подобное, члены комитета предлагали архиепископу постоянно пребывать в Могилеве [314, с. 32–33]. Этой же точки зрения придерживался Джованни-Антонио Бенвенутти, исполняющий обязанности представителя Святого Престола после высылки нунция Лоренцо Литта. Он написал на имя императора анонимный протест против назначения председателем Римско-католической духовной коллегии Станислава Богуша-Сестренцевича [328, с. 143–145]. Станислав Шантыр говорит о двух проектах, поданных на имя императора, в которых их авторы также высказывались против кандидатуры могилевского митрополита. Один из них принадлежал жмудскому епископу-коадьютору Юзефу-Арнульфу Гедройцу, второй – неизвестному автору. Ю. Гедройц предлагал не совмещать посты председателя департамента по римско-католическим делам (по всей видимости, он не знал о проектируемом создании римско-католической духовной коллегии) и могилевского митрополита. Станислав Богуш-Сестренцевич должен был оставаться архиепископом-митрополитом, а его коадьютор Ян Бениславский – председательствовать в департаменте. Неизвестный автор считал, что последний должен сохранить за собою как пост председателя департамента, так и исполняемые им функции архиепископа Могилевского [334, с. 182].

Однако тяжело больной Я. Бениславский предпочел тишину и спокойствие монашеской кельи блеску и интригам двора. Он отказался от всех занимаемых постов и получил на то согласие Александра I [304, с. 498].

13 (25) августа 1801 г. на заседании Сената произошло обсуждение выработанных комитетом предложений («Положения о духовном и церковном правлении римско-католического закона в России»). Сенаторы посчитали, что высший государ-

Структура управления Римско-католической Церкви в 1801–1810 гг.

ственный орган в области управления Римско-католической церкви должен возглавлять ее высший иерарх, которым в Российской империи был, безусловно, Станислав Богуш-Сестренцевич.

13 (25) ноября 1801 г. Александр I утвердил доработанный Сенатом законопроект. Согласно «Высочайше утвержденному докладу Сената о восстановлении духовного и церковного правительств римско-католического закона в России» вместо уничтожаемого департамента римско-католических дел создавалась Римско-католическая духовная коллегия, непосредственно подчиненная Сенату. Председателем коллегии был назначен могилевский митрополит. Функции двух его заместителей должны были выполнять любой епископ и прелат, кандидатуры которых утверждал император. Ассессоры играли роль представителей каждой из римско-католических епархий. Так как общее количество епархий в Российской империи на 1801 г. было шесть, то и общее количество ассессоров в коллегии равнялось шести. Ассессоры должны были выбираться кафедральными капитулами епархий из числа прелатов или каноников сроком на три года [3, с. 31–35; 22, с. 157–164].

Шаги российского правительства вызвали беспокойство в Ватикане. Считая причиной всех «бед» могилевского митрополита, папская курия решила добиваться возобновления дипломатических отношений с Россией. Руководитель внешней политики Святого Престола кардинал Эрколе Консальви надеялся, что приезд в Санкт-Петербург нунция сможет не только помочь Святому Престолу в решении собственных территориальных проблем, но также создаст благоприятные условия для уменьшения «пагубного» влияния С. Богуша-Сестренцевича на российское правительство и поможет добиться возвращению Римско-католической церкви всех привилегий, какими она пользовалась в Речи Посполитой [5, с. 31].

В конце марта 1803 г. в Санкт-Петербург прибыло посольство, возглавляемое Томмазо Ареццо. Однако роль нунция свелась лишь в передаче поздравлений Александру I от папы римского в связи с его коронацией [326, с. 78–89]. Все его попытки вмешательства в конфессиональную политику сразу же пресекались российским правительством [87, ч. 2, с. 221–231]. В конце-концов его выслали из России [33, с. 72–75, 661], а послом папы (легатом) российское правительство 10 (22) августа 1804 г. признало могилевского митрополита [150, т. XXVIII, с. 473].

В отличие от нунция, совершенно не желавшего понять принципы и методы российской политики, Станислав Богуш-Сестренцевич усвоил их в совершенстве. Новая государственная надстройка в лице Римско-католической духовной коллегии значительно ущемляла его власть. Принцип коллегиальности здесь проявлялся значительно четче, чем в департаменте. Если департамент состоял из шести членов, наполовину – из светских, наполовину – из духовных, то коллегия состояла из девяти членов, все из которых были представителями духовенства. Митрополит не мог контролировать выборы в кафедральных капитулах епархий, напрямую не подчиненных его власти, что создавало прецедент для организации оппозиции внутри коллегии, которая могла составить большинство.

Правда, результаты первых выборов в коллегия были успокаивающими. Заместителями С. Богуша-Сестренцевича по коллегии стали Ян Бениславский и Юзеф Бышковский. Представителем от Могилевского архиепископства был избран Францишек Мачульский, от Виленской епархии – Игнацы Гоувальт, от Жмудской – Игнацы Гедройц, от Луцкой – Валенты Знамеровский, от Каменецкой – Себастьян Орховский, от Минской – Винценты Супинский [83, с. 148–149]. За исключением Я. Бениславского, Ю. Бышковского и И. Гедройца, все ассессоры были креатурами митрополита. 8 (20) января 1802 г. Станислав Богуш-Сестренцевич провел первое заседание коллегии [118, л. 5].

Выборы 1804 г. первоначально также не сулили ничего экстраординарного. Станислав Богуш-Сестренцевич добился назначения своими заместителями Петра Станкевича и Иосифа Степановича Серпинского. Представителем от Могилевского архиепископства был избран Станислав Шантыр, от Виленской епархии – Матвей Тышкевич, от Жмудской – Ян Янушевский, от Луцкой – Доминик Быковский, от Каменецкой – Себастьян Орховский, от Минской – Николай Быковский [84, с. 168–169].

Но заместители митрополита по коллегии вскоре своим поведением умудрились поссорить С. Богуша-Сестренцевича с большинством членов коллегии [334, с. 223–232]. «Если архиепископ, – отмечал кс. М. Годлевский, – был субъективен, упорен, часто поддавался влиянию одиозных личностей и не выби-

рал средства для достижения поставленной цели», то «и враги митрополита также не были щепетильными, при этом могли бороться и неустанно парализовать все начинания архиепископа, так как обладали поддержкой иезуитов, имели связи при дворе, в Риме, и чувствовали признание со стороны духовенства» [259, с. 92].

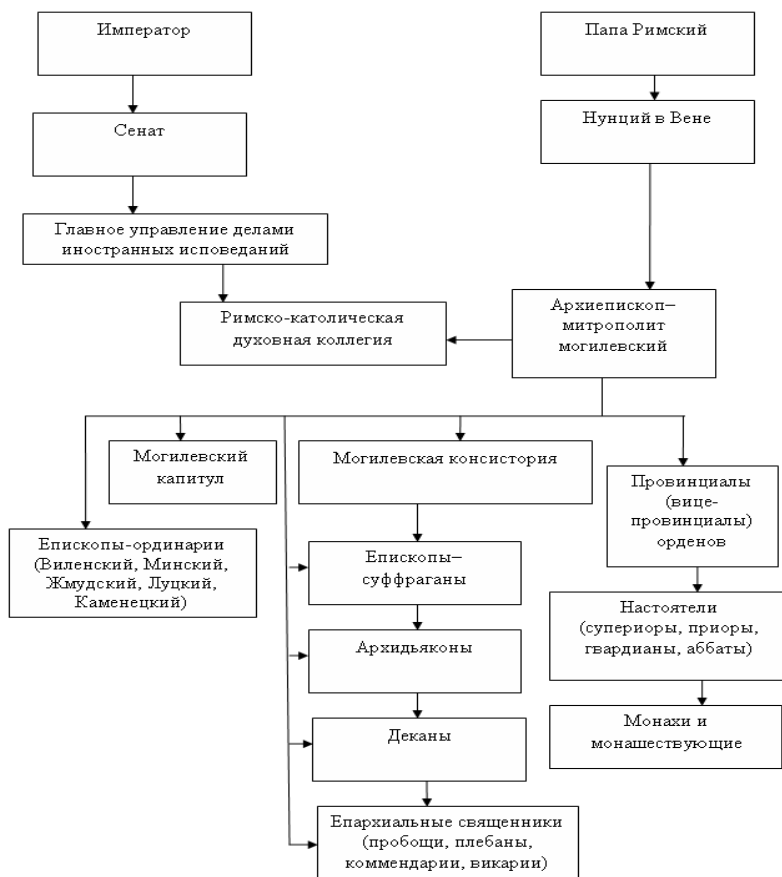
29 октября (10 ноября) 1805 г. С. Богуш-Сестренцевич написал на имя министра юстиции князя П.В. Лопухина обширное письмо, в котором описал «плачевное» положение коллегии и указал на необходимость «определенных преобразований, которые было бы необходимо в ней провести» [334, с. 240–251]. Митрополит предложил ликвидировать принцип выборности членов коллегии кафедральными капитулами, заменив его назначением императором. Количество членов он предложил сократить вдвое (до пяти).

Но утечка информации произошла оттуда, откуда митрополит менее всего ожидал – от своего ближайшего помощника, руководителя (аудитора) собственной канцелярии и одновременно ассессора коллегии Станислава Шантыра [62, с. 66]. Тот в январе 1806 г. ознакомил с содержанием письма политических противников С. Богуша-Сестренцевича и через жмудского епископа И. Гедройца добился негативного отношения к законопроекту обер-прокурора Святейшего Синода князя А.Н. Голицына [334, с. 252]. Последний представил Александру I ситуацию, сложившуюся в коллегии так, что император отклонил проект митрополита [334, с. 256].

Получив негативный ответ, могилевский митрополит не опустил руки. Педантично вникая во все дела, он вскоре добился того, что по всем вопросам правительство обращалось исключительно к нему, минуя Римско-католическую духовную коллегию. Роль последней фактически свелась к нулю [334, с. 268, 278].

Очередной виток борьбы между сторонниками автокефалии Римско-католической церкви и приверженцами примата папы (ультрамонтанами) разгорелся в конце первого десятилетия XIX в. и был связан с формированием новой государственной

Структура управления Римско-католической Церкви в 1810–1817 гг.

идеологии «общехристианского государства», а также усилением центростремительных и унификационных проектов среди российской политической элиты [30, с. 129–141]. В духовной сфере это вылилось в попытку объединения управления всеми конфессиями империи в рамках одного ведомства [31, с. 29; 69,

с. 13]. 17 (29) августа 1810 г. было создано Главное управление духовными делами иностранных исповеданий² [22, с. 368–369; 150, т. XXXI, с. 323–328]. Во главе его (главноуправляющим) был поставлен князь Александр Николаевич Голицын. Его заместителем (с титулом директора) стал Александр Иванович Тургенев [85, с. 550], негативно настроенный по отношению к католицизму [194, с. 36]. Главное управление духовными делами иностранных исповеданий состояло из двух отделений: первого (католического и униатского) и второго (протестантского). Начальником первого отделения был Петр Яковлевич Невяровский, второго – Егор Петрович Сиверс [32, с. 142–143].

Воспоминания тех лет были пронизаны предчувствием того, что создание Главного управления духовными делами иностранных исповеданий является первым шагом на пути создания единого государственного органа по управлению всеми конфессиями в Российской империи. Так, Ф.Ф. Вигель писал: «Министерства духовных дел тогда учредить не решались: это было бы уже слишком явно духовную власть подчинить мирской. Гораздо удобнее было сделать сие с духовенством терпимых вер христианских и нехристианских» [28, ч. 1, с. 118; 30, с. 210].

С созданием Главного управления духовными делами иностранных исповеданий Римско-католическая духовная коллегия, образованная в 1801 г., не ликвидировалась, а вошла в ее состав. Правда, полномочия коллегии значительно сузились. Из ее ведения были изъяты надзор за семинариями и монастырями, охрана духовных имений и разбор кассационных дел [25, с. 97].

Станислав Богуш-Сестренцевич первоначально встретил указ императора настороженно. Однако вскоре оказалось, что управление не собиралось вмешиваться во внутренние церковные дела, «утверждало обыкновенно то, что ему представляли, ходатайствовало, о чем его просили, не принимая на себя ника-

² Оно должно было 1) представлять на утверждение императору кандидатов в сан епископов, 2) утверждать провинциалов монашеских орденов, 3) раздавать бенефиции, 4) осуществлять надзор за семинариями, монастырями, 5) посылать ревизоров, 6) наблюдать за сохранением в целости духовных владений и капиталов и 7) рассматривать жалобы на диоцезиальных епископов.

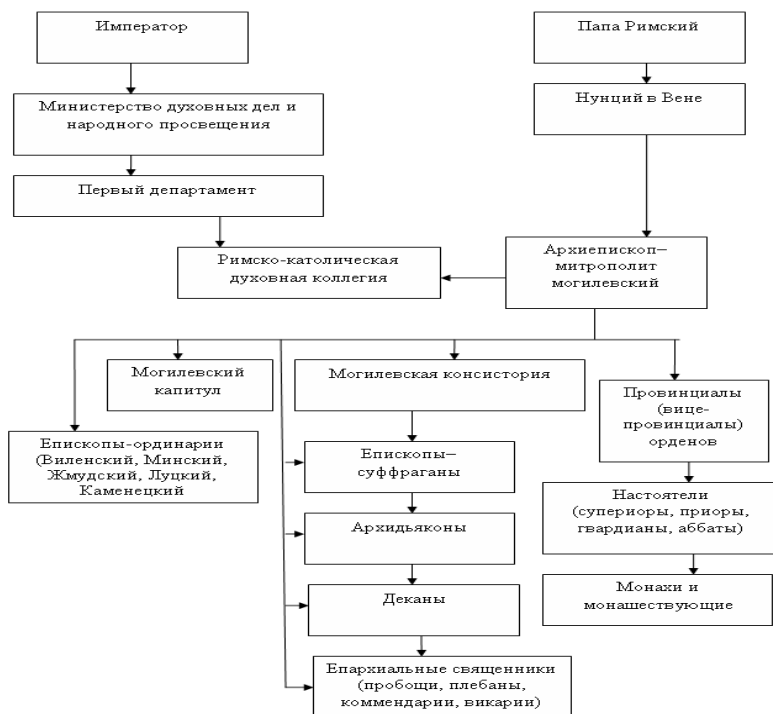
кой инициативы» [191, т. 2, с. 167]. Фактически оно играло роль правительственного статистического и аналитического органа, занимаясь только сбором сведений о состоянии Римско-католической церкви в империи [164, л. 1–9].

Русско-французская война 1812 г. и Венский конгресс стали переломными в окончательном определении Александра I в выборе своей позиции. Участие католического духовенства в войне 1812 г. [242, с. 68–69], отрицательное отношение папы Пия VII к Священному союзу и его противодействие деятельности Библейского общества [228, с. 128–138] привели императора к мысли о необходимости автокефалии Римско-католической церкви.

Среди российских бюрократов вновь возродилась идея о создании Виленского примасовства и возведения С. Богуша-Сестренцевича в кардинальское достоинство [35, с. 42–43]. Желание митрополита перенести центр Римско-католической церкви из Могилева в Вильно объяснялся просто. Вильно было административным, политическим, культурным и духовным центром белорусско-литовских земель. Количество римских католиков в Виленской епархии было несравнимо большим по сравнению с восточно-белорусскими землями. Кроме того, в Вильно находилось высшее духовное учебное заведение костела в восточно-европейском регионе – Главная семинария при Виленском университете, собравшая интеллектуальную элиту приверженцев идеи церковной автокефалии. Первый шаг в осуществлении данного проекта был сделан еще в апреле 1811 г., когда российское правительство, пользуясь заточением папы, сделало попытку через нунциатуру в Вене добиться согласия курии на перенос центра костела в империи в Вильно, назначении С. Богуша-Сестренцевича примасом и возведении его в кардинальское достоинство. Но Пий VII согласился лишь с передачей С. Богушу-Сестренцевичу права проведения информационных процессов (4 июля 1812 г.). В 1814 г., после своего возвращения в Рим, папа сразу же ликвидировал данную привилегию [304, с. 514–517]. После смерти в августе 1815 г. виленского епископа Иеронима Стройновского, Станислав Богуш-Сестренцевич был назначен российским правительством администратором Виленской епархии [16 (28) мая 1816 г.] [133, л. 5,6]. Через барона

Ф.В. Тейля-фан-Сероскеркена, российского посла при Святом Престоле, оно начинает добиваться учреждения в Российской империи примасовства [228, с. 78–109]. Однако Ватикан был непреклонен. В официальном отказе (3 сентября 1816 г.) главной причиной было названо участие могилевского архиепископа в деятельности Библейского общества, непризнанного папой [34, с. 731; 198, с. 629; 312, с. 15–16]. Одновременно 28 июня (10 июля) 1816 г. князь А.Н. Голицын внес в Сенат предложение об изменении управления Римско-католической церковью в России, согласно которому предусматривалось «введение митрополитанского правления» и уничтожение Римско-католической ду-

Структура управления Римско-католической Церкви в 1817–1824 гг.

ховной коллегии. Однако большинство сенаторов высказалось против, и император отклонил проект А.Н. Голицына [52, с. 462–464; 150, т. XXXIII, с. 949–951].

Поражение в планах канонического признания Святым Престолом автокефалии Римско-католической церкви, а также сопротивление со стороны сенаторов, привело к переориентации планов введения митрополичьего правления на государственное, по образцу протестантских государств. На практике это вылилась в создание 24 октября (5 ноября) 1817 г. Министерства духовных дел и народного просвещения. Существовавшее до этого Главное управление духовными делами иностранных исповеданий было реорганизовано. Делами католиков в империи должно было заниматься второе отделение первого департамента министерства, которому подчинялась Римско-католическая духовная коллегия [126, л. 615–638об.]. Министром был назначен князь А.Н. Голицын. Директором первого департамента стал А.И. Тургенев. Во главе второго отделения был поставлен П.Я. Невяровский, которого в 1820 г. сменил Г.И. Карташевский [31, с. 150–155]. Второе отделение подразделялось на три стола. Первый занимался вопросами организационного обустройства и духовными назначениями, второй – духовными учебными заведениями и монастырями, третий – доходами и имущественными делами. Столоначальником первого стола был назначен надворный советник Д.Г. Радин, второго – титулярный советник А.С. Иванов, третьего – коллежский регистратор П.И. Демешкевич-Закревский. В 1820 г. во второе (католическое) отделение был принят сверх штата К.С. Сербинович [30, с. 226–227].

Одновременно с реорганизацией церковного управления в империи российское правительство начало проводить репрессивную политику по отношению к противникам нового курса, особое место среди которых принадлежало иезуитам, как главным идеологам ультрамонтанов. Если в период с 1801 по 1812 гг. Александр I благосклонно относился к ультрамонтанской партии и иезуитам, то в 1812–1815 гг. ситуация кардинально изменилась. Первоначально, учитывая роль иезуитов в сфере образования в белорусских губерниях, минимальное влияние папы римского на политику, рассчитывая на поддержку иезуитов в приближающейся русско-французской войне, влияние эмигрантов и реакционеров на общественное мнение, российский император соблюдал нейтралитет в скрытой войне двух данных пар-

тий. При решении болезненного для католических монашеских орденов вопроса подчинения епископской власти, Александр I руководствовался принципом «ни вашим, ни нашим». Несмотря на признание за монашествующими права внутренней автономии по отношению к епископской власти, им вменялось в обязанность извещать епископа обо всем, что происходит в их монастырях. Александр I не пошел на передачу образования в Литве в руки иезуитов, но сохранил за ними право управления церковью св. Екатерины в Санкт-Петербурге [22, с. 154–155; 150, т. XXVI, с. 619]. Более того, он согласился на открытие в северной столице иезуитами конвикта (пансионата) для детей из аристократических семей (13 января 1803 г.), преобразованного в 1806 г. в Collegium Nobilium (Благородную коллегию), а 12 (24) января 1812 г. подписал указ о создании Полоцкой академии [22, с. 378–379; 150, т. XXXII, с. 10–11]. Ее торжественное открытие состоялось 10 (22) июня 1812 г., но из-за начавшейся войны с Наполеоном учеба началась только 20 января (1 февраля) 1813 г. [177, с. 18–19; 249, с. 3–4; 270, с. 32–36]. Не менее успешно развивалась миссионерско-пастырская деятельность иезуитов. В декабре 1802 г. Александр I разрешил иезуитам открыть миссии в Риге и в немецких колониях Поволжья [22, с. 164; 150, т. XXVII, с. 393–394]. В 1804 г. по приглашению новороссийского военного губернатора Армана-Эммануэля де Ришелье иезуиты прибыли в Одессу. В 1805 г. они появились в Астрахани, в 1806 г. – в Моздоке, в 1812 г. – в Иркутске, в 1816 – в Томске [317, с. 73–84]. 7 августа 1814 г. Пий VII подписал буллу «Sollicitudo omnium Ecclesiarum», восстанавливавшую орден иезуитов во всем мире [125, л. 353–354]. На этом внешне благоприятном для иезуитов и ультрамонтанов фоне российское правительство издало указ от 20 декабря 1815 г. (1 января 1816 г.) о высылке иезуитов из Санкт-Петербурга [22, с. 397–398; 150 т. XXXIII, с. 408–409]. Официальной причиной запрещения иезуитам находиться в северной столице был назван прозелитизм. Однако истинные причины были более глубоки. Указ являлся одним из ключевых мероприятий в рамках изменения курса российского правительства. Александр I больше не нуждался в поддержке иезуитов и сгруппировавшихся вокруг них консерваторов. 19 (31) августа 1816 г. с поста министра народного про-

свещения был уволен граф А.К. Разумовский, а на его место назначен А.Н. Голицын. От сардинского короля добились отзыва одного из идейных вдохновителей ультрамонтанов – Жозефа де Местра [63, с. 97].

Тем же летом 1816 г. началась секретная подготовка к высылке иезуитов из империи. Об этом свидетельствует секретное сообщение министра полиции А.Д. Балашова белорусскому военному губернатору герцогу Александру Вюртембургскому [96, л. 6–7]. 13 (25) марта 1820 г. Александр I утвердил доклад А.Н. Голицына, положивший конец 47-летнему пребыванию иезуитов в Российской империи [7, с. 273–279; 96, л. 13–24; 174, с. 311–316]. На следующий день (14 (26) марта 1820 г.) доклад был выслан С. Богушу-Сестренцевичу [135, л. 69–72 об.]. Еще через 2 дня (16 (28) марта 1820 г.) – губернаторам [96, л. 8].

В 1820 г. в Российской империи жило и работало в 22 домах 358 иезуитов [247, с. 83]. В Витебской губернии им принадлежало 7 997 душ [135, л. 9–10; 96, л. 50 об.], в Могилевской – 4 641 душа [135, л. 7–9]. Правительство планировало, что большинство иезуитов (более 300) согласятся выйти из ордена и тем самым избегут высылки. На практике же оказалось, что только их небольшое количество согласилось оставить орден. Пожелали остаться только 22 иезуита [135, л. 40, 45, 54, 60; 138, л. 242], при этом вскоре трое из них [135, л. 44] забрали свои заявления. Поэтому первоначальная сумма в 9 000 рублей, запланированная Витебской казенной палатой на высылку [96, л. 69 об.], была вскоре увеличена до 20 000 рублей [96, л. 73]. Руководить изгнанием иезуитов из Полоцка, было приказано лично белорусскому военному губернатору герцогу А. Вюртембургскому [96, л. 10]. Высылка проходила по маршруту Полоцк – Витебск – Орша – Могилев – Рогачев – Мозырь – Овруч – Житомир – Новгород Волынский – Острог – Дубно – Радзивиллов (до российско-австрийской границы) [96, л. 63]. 3 (15) апреля 1820 г. для описи остающегося после иезуитов имущества были назначены ответственные чиновники. В Витебском повете – советник губернского правления Т.А. Кудряшев, в Полоцке – советник Главного земского суда второго департамента Трубчинский, в Полоцком повете – советник Полоцкой казенной палаты Крассовский, в Динабургском повете – ассессор губер-

ского правления Мазурин, в Режицком повете – стряпчий губернских казенных сел Тихий [96, л. 50]. Для управления конфискованными у иезуитов земельными владениями в апреле 1820 г. в Полоцке была создана специальная комиссия. Интересы Римско-католической церкви в ней был назначен защищать епископ Валериан Каменко [135, л. 119]. В январе 1821 г. такая же комиссия была создана в Могилеве. В ее состав от Римско-католической церкви вошел вице-официал консистории прелат Антоний Маевский [135, л. 111]. К лету 1820 г. большинство иезуитов покинуло границы Беларуси. Станислав Богуш-Сестренцевич вновь оказался в трудной ситуации. Как митрополит он прекрасно понимал, что в пастырской работе и в сфере образования ему будет трудно найти замену иезуитам. В письме к венскому нунцию П. Остини он признался: «Я хотел бы быть другом иезуитам, но они желали, чтобы я был их слугой. Я сожалею об их потере. Нет никого, кто бы мог их заменить, но ничего не поделаешь <...>» [229, с. 339].

Переход российского правительства на путь непосредственного контроля над деятельностью костела в империи не соответствовал взглядам могилевского митрополита на сущность церковно-государственных отношений. В последние годы жизни он сделал очередную попытку ликвидировать такого рода подчиненность. 6 (18) мая 1826 г. С. Богуш-Сестренцевич написал письмо министру внутренних дел, в котором просил нового российского императора Николая I ликвидировать Римско-католическую духовную коллегия и передать ее функции в руки епископов [259, с. 86–89]. Но ответа он получить не успел.

1 (13) декабря 1826 г. могилевского митрополита Станислава Богуша-Сестренцевича не стало [4, с. 161; 71, с. 205]. Имперские и европейские газеты запестрели множеством некрологов и информационных статей. В частности, очень популярная среди петербургского чиновничества газета «Северная пчела», писала: «Санкт-Петербург. 15 декабря – погребение в римско-католической церкви святого Станислава. Обедню служил перед отпеванием тела епископ-суффраган полоцкий Матвей Липский. За ним произнес надгробное слово на французском языке правнучатый племянник усопшего, доктор богословия Станислав Парчевский, назначенный по завещанию покойного митрополи-

та в священники при сей церкви. Панихиду совершали пять прелатов. Греко-католический (униатский) архиепископ Луцкий Иоанн Красовский, командор Мальтийской церкви аббат Локман, могилевский каноник аббат Манген, виленский прелат аббат Дмоховский и все находящееся в Санкт-Петербурге римско-католическое и греко-униатское духовенство. В духовной музыке (реквием сочинения Г. Козловского) участвовали отличнейшие виртуозы и любители. При сей церемонии, находились господа министры, дипломатический корпус и другие знатные особы. Тело погребено в склепе под алтарем сей самой церкви» [144, с. 1].

Таким образом, в деятельности митрополита Станислава Богуша-Сестренцевича в период правления Александра I (1801–1825 гг.) можно выделить три этапа. Первый этап (1801–1812 гг.) характеризовался поисками со стороны российского правительства политической линии по отношению к католикам империи. Александр I первоначально занимал нейтральную позицию в борьбе между двумя политическими направлениями в костеле: приверженцами автокефалии и ультрамонтанами. Участие католического духовенства в войне 1812 г. и противодействие папы римского политическим мероприятиям императора, привели его к мысли о необходимости большей независимости Римско-католической церкви от власти Святого Престола. Первоначально ее достижение связывалось с идеей автокефалии, давно защищаемой митрополитом Станиславом Богушем-Сестренцевичем. Второй период (1813–1817 гг.) характеризовался именно мероприятиями российского правительства, направленными на достижение автокефалии. Однако большинство политической элиты не поддержало эту идею. Сопротивление со стороны папы римского охладило и ее приверженцев. С 1817 г. (со времени создания объединенного Министерства духовных дел и народного просвещения) начинается постепенный переход российского правительства к идее установления тотального контроля государства над деятельностью Римско-католической церкви на белорусских землях. Престарелый митрополит, пользовавшийся заслуженным уважением среди российской бюрократии, своим авторитетом еще мог сглаживать попытки вмешательства правительства во внутреннюю жизнь

костела и не оставлял надежд на переориентацию его мероприятий на путь установления автокефалии. Но его смерть и начавшееся менее чем через четыре года национально-освободительное восстание 1830–1831 гг. в Польше, Литве и Беларуси окончательно определили российских политиков в их выборе.

Итак, в процессе формирования и реализации политики российского правительства по отношению к Римско-католической церкви на белорусских землях можно выделить три периода, которые хронологически определяются годами правления российских монархов (Екатерины II, Павла I и Александра I). Для первого периода (1772–1796 гг.) была характерна слабая степень вмешательства государства во внутреннюю жизнь костела на белорусских землях. Правительственные мероприятия в это время ограничились реорганизацией территориально-административной структуры и минимизацией влияния римской курии на католиков империи. Фактически все мероприятия были направлены на достижение автокефалии Римско-католической церкви в Российской империи и совпадали с взглядами С. Богуша-Сестренцевича на сущность церковно-государственных отношений. Для второго периода (1796–1801 гг.) было характерно превращение католицизма в одну из ведущих конфессий империи. Политическая роль, которую стал играть костел, как во внутренней, так и во внешней политике Российской империи, привела к борьбе между тремя группами политиков, олицетворявших три разные точки зрения о сущности церковно-государственных отношений (приверженцами жесткого государственного контроля, приверженцами митрополитального управления и приверженцами независимости костела от государства). В период правления Павла I (1796–1801 гг.) победа осталась за ультромонтанами. В эпоху Александра I (1801–1825 гг.) к середине 20-х гг. XIX в. политическая борьба завершилась победой политиков, выступавших за установление государственного контроля над жизнью Римско-католической церкви. Станислав Богуш-Сестренцевич проиграл политическую борьбу за создание в Российской империи автокефальной Римско-католической церкви. Но методы ведения данной борьбы (официальное согласие с любыми правительственными начинаниями и тайное противодействие их осуществлению), позволили

могилевскому митрополиту свести к минимуму степень вмешательства государства в жизнь костела и активно развивать его суффраганальную, архидеканальную, деканальную и приходскую структуру.

**костел св.ап. Петра и Павла в д. Малятичи
(Кричевский р-он, Могилевская обл.)**

Построен в 1787–1794 гг. на пожертвования митрополита С. Богуша-Сестренцевича по проекту Лавринаса Стуоко-Гуцявичуса. Строительством руководил Я. Подчашинский. Костел представлял собою уменьшенную в 32 раза копию собора св. ап. Петра и Павла в Риме. Разрушен в 30-е г. XX в.

ГЛАВА 3 С. БОГУШ-СЕСТРЕНЦЕВИЧ И ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ МОГИЛЕВСКИМ АРХИЕПИСКОПСТВОМ

Станислав Богуш-Сестренцевич являлся не только главой Римско-католической церкви в Российской империи, но также и главой одной из ее территориально-административных единиц – Могилевского архиепископства. Как митрополит он активно участвовал в формировании конфессиональной политики российского правительства на белорусских землях. Как могилевский архиепископ – занимался внутрицерковными делами вверенной ему диоцезии: подбором себе помощников (епископов-суффраганов, официалов консистории, членов капитула, архидьяконов и деканов), бывшими на местах последовательными проводниками его политики, а также организацией деканальной и приходской структуры, вопросами духовного образования и т.д.

3.1 Назначение викарных епископов

Как уже отмечалось, 24 июля (5 августа) 1772 г. была подписана конвенция о первом разделе Речи Посполитой. С точки зрения территориально-административной структуры Римско-католической церкви, к России были присоединены приходы Смоленской, Виленской и Инфлянтской епархий. В границах империи именным указом от 14 (25) декабря 1772 г. было создано Белорусское римско-католическое епископство, во главе которого 22 ноября (3 декабря) 1773 г. был назначен С. Богуш-Сестренцевич. Святая Столица не признала подобную реорганизацию территориальной структуры. С точки зрения церковного права на присоединенных к России белорусско-латвийских землях продолжали существовать три епархии, архиереи которых назначили туда своих представителей – суффраганов (или генеральных викариев).

На территории Виленского диоцеза с 1652 г. существовал Белорусский суффраганат. С 1 октября 1766 г. белорусским викарным епископом являлся Феликс Товянский.

Феликс Товянский был окрещен 29 октября 1719 г. в Видзинишках (Побойский деканат Виленской епархии). В неполных 19 лет (20 августа 1738 г.) он принял духовный сан из рук виленского епископа М. Зенковича и вступил в орден францисканцев конвентуальных в Вильно [225, л. 124]. 24 декабря 1740 г. Феликс был рукоположен в субдьяконы, 22 декабря 1742 г. – в дьяконы, 27 мая 1743 г. – в священники [225, л. 124 об.]. После непродолжительного обучения в Виленской иезуитской академии молодой монах был отправлен орденским начальством в Рим в коллегиум св. Бонавентуры [225, л. 119 об.], где защитил докторскую диссертацию по богословию. По возвращении в Великое княжество о. Феликс был назначен руководителем орденского образования [225, л. 120]. В 1760 г. он стал литовским провинциалом францисканцев конвентуальных [225, л. 120]. По истечении двойного срока провинциальства 1 октября 1766 г. Ф. Товянский был назначен виленским епископом И. Массальским суффраганом белорусским и 1 декабря 1766 г. был возведен римским папой в титулярные епископы карпатские [264, с. 148].

После вхождения большинства приходов Белорусского суффраганата в состав Российской империи он отказался принести присягу на верность Екатерине II и поселился в Вильно. Вместо Ф. Товянского 14 июня 1773 г. викарным епископом белорусским был назначен Станислав Богуш-Сестренцевич, которого 12 июля 1773 г. возвели в титулярные епископы малленские [264, с. 274]. Своим викарием его признал также смоленский епископ Габриель Водзинский.

Епископом-суффраганом над присоединенными к России приходами Инфлянтского епископства был первоначально назначен кс. Константы Сосновский, но он отказался переезжать на латвийские земли [229, с. 54]. В таких условиях С. Богуш-Сестренцевич, назначенный российским правительством главой всех римских католиков в империи, начал ратовать за назначение нового викарного епископа в Польских Инфлянтах и выдвинул кандидатуру кс. Ежи Повсловского (1732–1802).

Ежи Повсловский (Пусловский) был окрещен 20 апреля 1732 г. в Подбирженском костеле (Купишский деканат Виленской епархии). 23 декабря 1753 г. он принял духовное звание, 22

февраля 1755 г. – субдьяконат, 15 марта 1755 г. – дьяконат, 24 мая 1755 г. был рукоположен в священники [226, л. 7–17]. К 1780 г. Е. Повсловский был пробощем в Мариенгаузе [108, л. 372–372 об.] и Люцине [108, л. 374 об.–375]. Нунций Дж. Аркетти поддержал требование белорусского епископа и добился от папы канонической санкции (19 июня 1780 г.) на консекрацию креатуры С. Богуша-Сестренцевича титулярным епископом алалиенским. 19 (30) декабря 1780 г. тот был утвержден российским правительством в качестве викарного епископа для задвинских уездов [333, с. 62].

Декреты «*Pastoralis sollicitudo*» от 19 декабря 1783 г. и «*Ad maiorem fidei Catholicae*» от 21 декабря 1783 г. канонически санкционировали появление новой территориально-административной единицы Римско-католической церкви – Могилевского архиепископства во главе с архиепископом-митрополитом С. Богушем-Сестренцевичем. Ему в помощники кроме Е. Повсловского был назначен Ян Бениславский (1736–1812).

Ян Бениславский родился 16 июля 1736 г. в родовом имении Зосули (в Польских Инфлянтах). В возрасте 21 года (20 октября 1757 г.) вступил в общество иезуитов. В 1767–1769 гг. он был профессором Виленского благородного коллегиума (*Collegium nobile*). В 1769–1770 гг. Я. Бениславский изучал архитектуру в Полоцке, в 1771–1773 гг. – был профессором философии в Новогрудском коллегиуме. После упразднения иезуитов в 1773–1775 гг. он преподавал в Виленской академии, в 1775–1778 гг. – был ректором воеводской школы в Бресте-Литовском. В 1778 г. Я. Бениславский выехал на родину в Инфлянты [243, с. 35; 252, с. 434–435; 279, с. 433; 311, с. 27]. Благодаря родственным связям с И.И. Михельсоном он познакомился с Г.А. Потемкиным. Своей искренней верой, набожностью и душевной открытостью Я. Бениславский так понравился светлейшему князю, что вскоре получил предложение возглавить планируемое Могилевское архиепископство. Он должен был сменить С. Богуша-Сестренцевича, но отказался [334, с. 51–52]. 15 апреля 1783 г. Ян Бениславский был возведен папой в титулярные епископы гадаренские и назначен наследником (ко-

адьютором) С. Богуша-Сестренцевича на посту архиепископа-митрополита могилевского [264, с. 222, 293].

Подобная ситуация, когда существовало два викарных епископа, сохранялась до конца XVIII в., когда в рамках канонического утверждения нового территориально-административного деления костела в Российской империи декретом «*Ad maiorem fidei Catholicae exaltatione*» от 28 апреля (9 мая) 1798 г. было рекомендовано каждому римско-католическому епископу иметь своего суффрагана. Могилевская же архиепархия разделялась на три суффраганата (викариата): могилевский, полоцкий и киевский. Полоцким суффраганом был назначен Ян Бениславский, киевским – Ежи Повсловский. На должность могилевского суффрагана был назначен племянник митрополита – Киприан Одинец (1749–1811).

Киприан Одинец родился 13 сентября 1749 г. в Гродно. 26 сентября 1764 г. (в 16-летнем возрасте) он вступил в общество иезуитов [279, с. 436–437; 311, с. 152]. После ликвидации ордена о. Киприан выехал в Могилев (в 1773 г.), где С. Богуш-Сестренцевич назначил племянника (2 ноября 1774 г.) настоятелем костела св. Казимира [322, с. 408]. В 1783 г. при решении вопроса о том, кого назначить на пост могилевского викарного епископа и коадьютора, митрополит ратовал за кандидатуру К. Оди́нца [324, с. 44, 202], но безрезультатно. Поэтому С. Богуш-Сестренцевич вынужден был ограничиться назначением племянника на должность прелата-препозита Могилевского капитула [324, с. 208]. В 1798 г. могилевский митрополит, находясь в зените благорасположения у Павла I, и заручившись поддержкой канцлера А.А. Безбородко и вице-канцлера А.Б. Куракина [325, с. 224], добился от нунция Л. Литта согласия на назначение К. Оди́нца на должность епископа-суффрагана могилевского [325, с. 179, 181, 217]. 11 августа 1798 г. папа согласился на консекрацию К. Оди́нца в качестве титулярного епископа Гиппоненского [325, с. 246, 247, 265–266]. Она состоялась в сентябре 1798 г. в Полоцке [264, с. 237].

После опалы С. Богуша-Сестренцевича и назначения Я. Бениславского фактическим главою Римско-католической церкви в Российской империи, К. Оди́нец 9 декабря 1800 г. был назначен также и епископом-суффраганом полоцким [115, л. 45].

После возвращения к власти митрополита тяжело больной Ян Бениславский уехал в свое родовое имение Зосны, а К. Одинец продолжал исполнять две должности: епископа-суффрагана могилевского и полоцкого [279, с. 434].

После смерти весной 1802 г. киевского суффрагана Е. Повсловского на его место был назначен Анджей-Ежи Берент (1730–1805).

Анджей Берент родился 21 сентября 1730 г. в Вармии (Польша). В неполные 16 лет (15 августа 1746 г.) он вступил в Общество Иисуса. После рукоположения в священники (в 1758 г.) Анджей преподавал в Полоцке (1758–1760, 1766–1769 гг.), Плоцке (1760–1762 гг.) и Бобруйске (1763–1764 гг.). Наконец в 1771 г. А. Берент был назначен ректором Мстиславского коллегиума. На этой должности он и встретил известие о ликвидации иезуитов. В 1776 г. Анджей вышел из ордена и был назначен С. Богушем-Сестренцевичем настоятелем Мстиславского прихода [243, с. 36; 253, с. 447–448]. После долгих лет заседания в Могилевской консистории в октябре 1797 г. А. Берент был назначен ее главой (официалом) [323, с. 280]. Назначенный в 1802 г. киевским викарным епископом, он в 1804 г. был переведен на должность могилевского епископа-суффрагана, подменив тем самым К. Оди́нца. Киевская суффрагания осталась вакантной. Информационный процесс, начатый поверенным в делах Святой Столицы в Санкт-Петербурге Дж. Бенвеннуги, не успел завершиться. 10 января 1805 г. А. Берент умер [102, л. 23]. После его смерти, могилевский и киевский викариаты на протяжении трех лет оставались вакантными. Наконец, 26 мая (7 июня) 1808 г. Александр I подписал указ о назначении могилевским епископом-суффраганом Игнацы Богомольца, а киевским – Валериана Генриха Каменко [123, л. 617–618].

Игнацы Богомолец (1738–1809) родился 29 июля 1738 г. в Витебском воеводстве. В 16-летнем возрасте (29 сентября 1754 г.) он вступил в Общество Иисуса. Известие о ликвидации ордена застало И. Богомольца в Витебском коллегиуме. После выхода из ордена он выехал в Речь Посполитую, но вскоре вернулся на восточно-белорусские земли. После 1780 г. Игнацы был назначен С. Богушем-Сестренцевичем московским настоятелем [24, с. 115; 264, с. 82], потом – московским деканом, смоленским

и могилевским канониками, а не задолго перед своей смертью (в конце 1808 г. или в начале 1809 г.) – прелатом-кустошем могилевским [233].

Валериан-Генрих Каменко (1767–1840) родился 14 февраля 1767 г. в восточной Беларуси. В 1777–1784 гг. он учился в школе пиаров в Лужках, после окончания которой 19 января 1785 г. вступил в новициат ордена доминиканцев [337, с.12]. 24 марта 1787 г. В. Каменко принес первые монашеские обеты и принял духовное звание. 29 июля 1789 г. он был рукоположен в субдьяконы, 31 июля – в дьяконы, 5 августа – в священники. С 1789 по 1790 гг. В. Каменко был куратором шкловским, в 1790–1795 гг. – викарием дудаковичским, в 1795 г. и 1799–1801 гг. – приором малятичским, в 1795–1799 гг. – приором островненским. Во время своего настоятельства в Малятичах В.Г. Каменко близко познакомился с С. Богушем-Сестренцевичем. Митрополит был владельцем малятичского имения и во время своей опалы с декабря 1800 г. по март 1801 г. жил там. Под его воздействием о. Валериан 6 ноября 1801 г. вышел из ордена и стал епархиальным священником. С этого времени начался его карьерный взлет. 6 (18) января 1802 г. В. Каменко стал личным секретарем могилевского митрополита. В 1804 г. он получил титул киевского каноника, 7 (19) июня 1808 г. – епископа-суффрагана киевского, а через полтора месяца (20 июля) – могилевского каноника. 15 (27) июля 1809 г. В.Г. Каменко стал доктором теологии Виленского университета, а 16 (28) мая 1812 г. был назначен на место умершего Я. Бениславского прелатом-схоластиком могилевского капитула [222, л. 2–10 об.]. В течение 12 лет, которые В. Каменко провел около митрополита в качестве его секретаря, он показал себя старательным и преданным исполнителем его воли. Однако информационный процесс затянулся и завершился лишь 6 июля 1817 г., когда папа Пий VII возвел его в титулярные епископы абдеританские [265, с. 55]. После смерти митрополита епископ Валериан проводил время в Стыглове или Люцине (Латвия). С 26 декабря 1826 г. по 9 декабря 1828 г. и с 13 января 1833 г. по 7 апреля 1839 г. он был администратором Могилевской архиепархии [92, л. 1]. Умер В. Каменко 25 августа (7 сентября) 1840 г. в Могилеве [337, с. 13].

Смерть Игнацы Богомольца в 1809 г. поставила перед митрополитом С. Богушем-Сестренцевичем проблему поиска новой кандидатуры на пост епископа-суффрагана могилевского. Им стал монах ордена миссионеров Матвей-Павел Мождженевский (1747–1819), который был утвержден Александром I в этой должности 7 (18) августа 1809 г. [124, л. 173].

Матвей Мождженевский был окрещен 24 февраля 1747 г. в приходском костеле святой Троицы в Иорданове (деканат Новый Тарг, Краковское епископство). В возрасте 21 года (24 сентября 1768 г.) он вступил в орден миссионеров. Через 3 года (21 июля 1771 г.) М. Мождженевский был рукоположен в священники и на протяжении 35 лет (с 1771 по 1806 г.) проводил пастырскую работу в Креславле. Именно во время своего руководства Креславской духовной семинарией он был замечен С. Богушем-Сестренцевичем. Митрополит первоначально сделал его верхнединабургским деканом (16 апреля 1803 г.), а в 1806 г. перевел в Могилев, где сделал настоятелем прихода св. Казимира и регентом Могилевской духовной семинарии [223, л. 13–26 об.]. 10 (22) июня 1809 г. М. Мождженевский был возведен в достоинство могилевского каноника [125, л. 772], а через 2 месяца [18 (30) августа 1809 г.] именным указом императора был назначен могилевским епископом-суффраганом [124, л. 173]. По устоявшейся традиции могилевский суффраган являлся также и официалом консистории, поэтому в 1810 г. он был назначен официалом Могилевской консистории, которую возглавлял вплоть до своей смерти в 1819 г. В 1811–1816 гг. М. Мождженевский был прелатом-архидьяконом белорусским, а 22 августа (3 сентября) 1816 г. стал могилевским прелатом-препозитом [125, л. 772]. Информационный процесс М. Мождженевского [223, л. 13–26 об.] закончился благополучно и 10 июля 1815 г. он был канонически утвержден римским папой в должности могилевского епископа-суффрагана с титулом епископа акконенского [103, л. 19; 265, с. 57]. О благополучном исходе процесса М. Мождженевский был проинформирован С. Богушем-Сестренцевичем 12 (24) января 1817 г. [103, л. 18] и 5 (17) мая 1817 г. в Вильно был konsekрован. Но время его канонического пребывания в должности могилевского епископа-суффрагана было ограниченным. 5 (17) апреля 1819 г.

М. Мождженевского не стало. Его тело было похоронено на Могилевском приходском кладбище [130, л. 7]. После смерти М. Мождженевского место епископа-суффрагана оставалось вакантным вплоть до 27 июля (9 августа) 1825 г., когда именным указом Александра I могилевским викарным епископом был назначен Иоахим-Иосиф Грабовский (1756–1829) [337, с. 9].

Иоахим Грабовский был окрещен 29 сентября 1756 г. в Визненском костеле Успения Пресвятой Девы Марии (Визненский деканат Плоцкой епархии). С 1775 по 1780 гг. он учился в Житомирской семинарии, где 29 сентября 1778 г. в возрасте 22 лет принял духовный сан, а 18 июня 1780 г. был рукоположен в епархиальные священники. На протяжении почти семи лет (с 7 декабря 1779 г. по 4 декабря 1786 г.) И. Грабовский был викарием в Коростешевском костеле (Житомирский деканат Киевской епархии). С 4 декабря 1786 г. по 4 апреля 1787 г. являлся киевским викарием, затем чуть более года – с 4 апреля 1787 г. по 11 июня 1788 г. – администратором веледницким (Овручский деканат Киевской епархии). 11 июня 1788 г. он стал настоятелем звенигородским (Хвастовский деканат Киевской епархии), во главе которого находился вплоть до своего назначения епископом-суффраганом могилевским (в 1819 г.). 5 апреля 1796 г. И. Грабовский был назначен деканом хвастовским (а затем звенигородским), 1 июня 1799 г. стал каноником каменецким, 28 февраля 1800 г. – каноником житомирским, а 22 октября 1803 г. – прелатом-схоластиком житомирским [224, л. 73–139]. 23 сентября 1802 г. он был назначен архидьяконом киевским, во главе которого стоял вплоть до своей смерти. Исполнение данных обязанностей давало право на частые контакты с митрополитом и привело к установлению с ним доверительных отношений. Поэтому после смерти М. Мождженевского И. Грабовский был назначен (19 июня 1819 г.) официальным Могилевской консистории. Для соблюдения требований канонического права о том, что епископ должен иметь докторскую степень по богословию или церковному праву 18 января 1822 г. И. Грабовский получил степень доктора теологии в Виленском университете. 4 мая 1822 г. он стал прелатом-архидьяконом белорусским. Наконец, 9 (21) августа 1825 г. именным указом Александра I И. Грабовский был назначен епископом-суффраганом могилевским [337, с. 9–

10]. Его информационный процесс [224, л. 73–139] завершился уже после смерти митрополита С. Богуша-Сестренцевича в 1828 г. В феврале 1829 г. И. Грабовский должен был приехать в Санкт-Петербург на консекрацию, но смерть 28 января 1829 г. не позволила ему сделать это [160, л. 131].

После смерти 28 июля (9 августа) 1811 г. полоцкого викарного епископа Киприана Одинца [105, л. 728] на протяжении пяти с половиной лет полоцкий суффрагания оставалась вакантной и только 28 января (9 февраля) 1817 г. именным указом полоцким суффраганом был назначен Матвей Липский (1770–1839) [126, л. 431–432].

Матвей Липский родился в семье верхнедвинского римско-католического шляхтича. Он был крещен 22 сентября 1770 г. в Забялах (теперь д. Волинцы Верхнедвинского района) униатским священником. После получения образования в забяльском монастыре доминиканцев в 1788 г. вступил в орден базилиан. Через 11 лет (в 1799 г.) получил разрешение Ираклия Лисовского и перешел в католицизм. 26 февраля 1799 г. он стал субдьяконом, 27 февраля 1799 г. – дьяконом, а 6 марта 1799 г. – был рукоположен в священники. Первоначально о. Матвей был викарием в Люцине (1799–1803) и Себеже (1803–1808). В 1808 г. он был назначен военным капелланом в Санкт-Петербурге. Там М. Липский сумел не только познакомиться, но и завоевать доверие С. Богуша-Сестренцевича. Митрополит 24 июня (6 июля) 1810 г. назначил М. Липского деканом Петербургским, 10 (22) апреля 1812 г. – перевел настоятелем в Друю (Пиедру, Латвия), а 16 (28) августа 1812 г. сделал могилевским каноником [165, л. 1–3]. Ключевой датой в его церковной карьере можно считать 1814 г., когда он стал личным секретарем митрополита и тем самым вошел в число ближайших помощников С. Богуша-Сестренцевича. 22 августа (3 сентября) 1816 г. митрополит сделал М. Липского прелатом-архидьяконом белорусским [125, л. 772 об.], а затем добился от российского правительства назначения [28 января (9 февраля) 1817 г.] на должность полоцкого викарного епископа [126, л. 431–432]. 4 (16) мая 1822 г. С. Богуш-Сестренцевич назначил своего секретаря также могилевским прелатом-препозитом. Информационный процесс завершился 24 ноября 1823 г., когда папа Лев XII согласился на

консекрацию любимца митрополита епископом ауреополитанским [220, л. 108–179]. Уже после смерти своего благодетеля М. Липский будет назначен российским правительством 18 (30) апреля 1827 г. администратором минским, а 2 (14) марта 1829 г. – минским епископом [160, л. 131; 221, л. 252, 258, 260]. Информационный процесс был благополучно завершен в 1830 г. [221, л. 220–268] Умер М. Липский 21 ноября (3 декабря) 1839 г. и был похоронен на Кальварийском кладбище в Минске [256, с. 357; 273, с. 1130].

Таким образом, на протяжении 1773–1826 гг. митрополиту Станиславу Богушу-Сестренцевичу в его работе по управлению Могилевским архиепископством помогало девять викарных епископов (Е. Повсловский, Я. Бениславский, К. Одинец, А. Берент, И. Богомолец, В.Г. Каменко, М. Мождженевский, И. Грабовский и М. Липский), семь из которых были канонически утверждены Святой Столицей. На протяжении 1773–1783 гг. на территории Российской империи с точки зрения канонического права продолжала существовать территориально-административная структура костела, сформировавшаяся в эпоху Речи Посполитой. Сам Станислав Богуш-Сестренцевич с точки зрения церковного права являлся епископом-суффраганом белорусским и генеральным викарием смоленским. В 1783–1798 гг. (от официального признания Святой Столицей существования Могилевского архиепископства по созданию в России 6 римско-католических епархий) Станиславу Богушу-Сестренцевичу в его работе помогали два викарных епископа. На протяжении 1798–1826 гг. (со времени указа о разделении Могилевского архиепископства на три суффраганата по смерти могилевского митрополита) – девять: пять – могилевских викарных епископа, три – полоцких и три – киевских. Средний возраст вступления в сан викарных епископов Могилевского архиепископства составлял 55 лет. Самым молодым суффраганом был Валериан-Генрих Каменко, который имел в момент своего назначения 41 год. Самым старым – Анджей Берент (71 год). Средняя продолжительность жизни составляла чуть менее 71 года. Семь из девяти епископов были первоначально монахами: четыре – экс-иезуитами (Я. Бениславский, К. Одинец, А. Берент, И. Богомолец), один – миссионером (М. Мождженевский), один – экс-доминиканцем

(В.Г. Каменко) и один – экс-базилианином (М. Липский). Все епископы самоидентифицировали себя с польской шляхтой. Четверо из них происходили с современной территории Беларуси, трое – из Польши, по одному – из Латвии и Литвы. В сан суффраганов С. Богуш-Сестренцевич стремился возвести наиболее преданных ему священников, которые были бы верными помощниками и исполнителями его воли.

Епископы-суффраганы Могилевского архиепископства (1783–1826 гг.)

Таблица 3.1 – Викарные епископы Могилевского архиепископства в 1783–1826 гг.

Имя, фамилия	Год рождения	Современная страна происхождения	Дата назначения (канонического вступления) в сан	Возраст	Епархиальный священник / монах	Год смерти	Возраст
Ежи Повсловский	1732	Литва	19.06.1780	48	епархиальный священник	1802	70
Ян Бениславский	1736	Латвия	28.01.1782 (15.04.1783)	45 (46)	иезуит	1812	75
Киприан Одынец	1749	Беларусь	11.08.1798	48	иезуит	1811	61
Анджей Берент	1730	Польша	1802	71	иезуит	1805	74
Игнацы Богомолец	1738	Беларусь	07.06.1808	70	иезуит	1809	71
Валериан Каменко	1767	Беларусь	07.06.1808 (06.07.1817)	41 (50)	доминиканец	1840	72
Матвей Мождежевский	1747	Польша	18.09.1809 (10.07.1815)	61 (67)	миссионер	1819	72
Иоахим Грабовский	1756	Польша	21.08.1825	69	епархиальный священник	1829	72
Матвей Липский	1770	Беларусь	09.02.1817 (24.11.1823)	46 (53)	базилианин	1839	69

Таблица 3.2 – Могилевские викарные епископы в эпоху митрополита С. Богуша-Сестренцевича

задвин- ский	киевский	полоцкий	могилевский	коадьютор	епископы- суффраганы
Е.Повел овский				Ян Бени- славский	1783–1798
	Е.Повелов- ский	Я.Бенислав- ский	К.Одынец		1798–1801
	А.Берент	К. Одынец			1802–1804
			А.Берент		1804–1805
					1805–1808
			И.Богомолец		1808–1809
	Валериан Каменко		Матвей Можженев- ский		1809–1811
					1811–1812
					1812–1817
		Матвей Лип- ский			1817–1819
					1819
			И.Грабский		1825–1826

3.2. Деятельность консистории и капитулов каноников

Станиславу Богушу-Сестренцевичу как митрополиту и архиепископу могилевскому в его работе помогала Могилевская консистория.

Консистория – это исполнительный и судебный орган власти при епископе. «Предмет консистории есть судопроизводство дел по принесенным фактам» – так объяснил митрополит российскому правительству, сущность нового института Римско-католической церкви [106, л. 89 об.].

Могилевская консистория была создана указом от 14 (25) декабря 1772 г. и начала свою работу в начале 1774 г. 30 мая 1775 г. ее деятельность была канонически разрешена Святым Престолом [290, с. 30]. Первым главой консистории (официалом) являлся сам Станислав Богуш-Сестренцевич. Его помощниками на 1775 г. были архидьякон белорусский и плебан оболецкий Ян Шумский (вице-официал), плебан оршанский Адам Вышомирский (аудитор) и пробощ могилевский Киприан Одинец (секретарь) [290, с. 30].

Создание в конце декабря 1783 г. Могилевского архиепископства [216, с. 1–36] привело к структурной реорганизации консистории. В ее состав вошли: официал, суррогат (вице-официал), три каноника и два священника, исполнявшие функции секретаря и архивариуса [106, л. 89 об.–91 об.]. При консистории существовал совет епископа по делам орденов, состоящий из нескольких монахов-консультантов. Подобная структура была распространена указом от 28 апреля (9 мая) 1798 г. на все епархиальные консистории Могилевской митрополии [22, с. 112–114].

Делопроизводство консистории осуществляла канцелярия. Первоначально она состояла из секретаря и архивариуса из числа римско-католических священников. Указ от 5 (16) мая 1798 г. эти должности перепоручил «особам светским» [290, с. 233]. Правом их назначения первоначально обладало Могилевское губернское правление, но указом от 4 (16) февраля 1803 г. оно было передано Римско-католической духовной коллегии по представлению архиепископа [22, с. 277]. Указом от 27 сен-

тября (9 октября) 1804 г. служащие консистории были переведены на государственную службу. Штат самой канцелярии был увеличен до двенадцати человек (секретаря 12 класса, протолиста 13 класса, переводчика 13 класса, губернского регистратора, шести канцеляристов и двух сторожей) [121, л. 331–339; 122, л. 178–182].

Консистория занимала одно из ключевых мест в управлении архиепископством. Кроме решения духовных судебных дел, она являлась посредником между архиереем и духовенством: рассылала по епархии его распоряжения, вела делопроизводство по назначению и перемещению священников, выдавала канонические разрешения на строительство храмов и учреждение приходов, проводила текущую переписку с местными органами власти и т.д.

Руководитель консистории (официал) фактически являлся вторым человеком в административной структуре епархии. В большинстве случаев эту должность занимали епископы-суффраганы могилевские. На протяжении 1784–1826 гг. официальными Могилевской консистории были Ян Бениславский (1784–1797) [271, с.3]; Анджей Берент (1797–1805) [84, с. 169; 121, л. 764]; Теодор Ванькович (1805–1806) [104, л. 113]; Игнацы Богомолец (1806–1809) [331, с. 5]; Юзеф Голынский (1809–1810) [233]; Матвей Мождженевский (1810–1819) [223, л. 13–26 об.; 265, с. 57]; Иоахим Грабовский (1819–1826) [111, л. 14–15; 86, с. 625]. Видимо, перед тем как сделать могилевским епископом-суффраганом священника, котромоу он мог доверять, С. Богуш-Сестренцевич назначал его первоначально официальном своей консистории.

Не менее важную роль в епархиальной структуре управления костелом играли капитулы. Капитул каноников – это коллегия священников, в обязанности которой входит совершение наиболее торжественных богослужебных обрядов в кафедральном соборе или в коллегиальной церкви. Капитулы бывают кафедральными и коллегиальными. Согласно каноническому праву учреждение, преобразование и упразднение кафедрального капитула сохраняется за Святым Престолом. В Могилевском архиепископстве в эпоху митрополита Станислава Богуша-Сестренцевича существовал один кафедральный (Могилевский)

и три коллегиальных капитула [Смоленский, Инфлянтский, Могилевский младший (Киевский)].

В период существования Белорусского епископства в Могилеве не было кафедрального капитула. Правда, ряд настоятелей являлись почетными канониками инфлянтскими и смоленскими. В связи с традицией ношения канониками на груди крестов с государственным гербом, 1 (12) октября 1778 г. белорусский наместник З.Г. Чернышев уведомил С. Богуша-Сестренцевича «о разрешении каноникам носить на груди кресты с черным российским императорским гербом вместо польского» [333, с. 49].

Официальной датой создания Могилевского кафедрального капитула является 8 (19) декабря 1783 г., когда папский посланник Дж. Аркетти декретом «*Pastoralis sollicitudo*» канонически утвердил существование при нем четырех прелатур (препозита, архидьякона, кустоша, схоластика) и восьми каноний (четыре гремиальных и четыре почетных). На их содержание была выделена половина доходов приходов в Могилеве, Мстиславле, Оссуне, Люцине, Динабурге, Мариенгаузе, Невеле, Себеже. Так как настоятели данных приходов не захотели уступать даже часть доходов со своих приходов, то именно их назначили прелатами и канониками. После их смерти половина доходов с этих приходов должна была пойти на содержание капитула. Кроме того, настоятели приходов в Санкт-Петербурге, Москве, Херсоне и Кричеве автоматически становились почетными могилевскими канониками [171, л. 1; 284, с. 162–163].

Подобная структура капитула просуществовала вплоть до конца XVIII в., когда в рамках политической борьбы за преобладание в костеле, С. Богуш-Сестренцевич увеличил его состав до пяти прелатов (введя в состав капитула прелата-архидьякона белорусского) и десяти каноников [334, с. 69].

Постоянно при Могилевском кафедральном соборе св. Станислава должны были находиться два прелата и два каноника [290, с. 302–303].

Если в Речи Посполитой большинство членов капитула назначал король (прелата-препозита, прелата-архидьякона и всех каноников), прелата-кустоша выбирал сам капитул, а прелата-схоластика и прелата-кантора – епископ [292, с. 436–437], то в

Российской империи утвердился принцип, что «все <...> прелатства, каноничества <...> все чины и должности церковные в епархии без исключения, раздачею зависят единственно от местного архиерея» [согласно именному указу от 28 апреля (9 мая) 1798 г.] [141, л. 1–1 об.]. Данный принцип был канонически подтвержден нунциями Дж. Аркетти и Л. Литта. Однако указ от 17 (29) августа 1810 г. ввел необходимость утверждения членов капитула императором [150, т. XXXI, с. 323–328]. Это был важный шаг на пути установления контроля государства над кадровой политикой костела. Правда, на практике император, всецело доверяя С. Богушу-Сестренцевичу, ни одной из кандидатур, предложенных митрополитом, не отверг.

Традиционно от кандидатов в члены капитула требовалось быть дворянами. Данный принцип был также прописан в декрете Дж. Аркетти об учреждении капитула [2, с. 30]. Первым шагом к его снесению был сделан в 1798 г., когда в учрежденном нунцием Л. Литта уставе Минского капитула, было прописано разрешение занимать две канонии священникам, которые не могли предоставить документы о дворянском происхождении [2, с. 112]. В 1807 г. в Уставе Главной семинарии была сделана законодательная лазейка, благодаря которой профессорам Виленского университета было позволено становиться членами капитулов без предоставления документов о дворянском происхождении [123, л. 523–528 об.]. Сам Станислав Богуш-Сестренцевич был противником назначения духовных особ недворянского происхождения [290, с. 308].

Требование наличия у членов капитула докторской степени по богословию или каноническому праву в период митрополита С. Богуша-Сестренцевича не являлось обязательным. Данное требование будет введено только 1 (13) июля 1833 г. [290, с. 309; 336, с. 354–361].

В эпоху Станислава Богуша-Сестренцевича членами Могилевского капитула было 36 римско-католических иерархов. Получение данного титула было продиктовано желанием митрополита отблагодарить наиболее отличившихся на ниве пастырской деятельности римско-католических священников.

**Список членов Могилевского кафедрального капи-
тула (1783–1826 гг.)**

1. Бениславский Ян – прелат–схоластик (1783–1812)
2. Берент Анджей – каноник могилевский (1796–1800), прелат–препозит (1800–1805)
3. Богомолец Игнацы – каноник (1784–1809), прелат–кустош (1809)
4. Боэ Николай де – прелат–препозит (1809–1814)
5. Бышковский Юзеф – каноник (1784–1824)
6. Ванькович Владислав – прелат–архидьякон белорусский (1796–1799)
7. Ванькович Теодор – прелат–архидьякон белорусский (1800–1806)
8. Василевский Лев – каноник (1805–1808)
9. Вейттко Ксаверий – прелат–архидьякон (1816–1826)
10. Вышомирский Адам – прелат–архидьякон (1783–1813)
11. Гедимин Карл – каноник (1805–1809)
12. Голынский Юзеф – каноник (1809–1816)
13. Грабовский Иоахим – прелат–архидьякон белорусский (1822–1826)
14. Добровольский Тадеуш Одинец – каноник (1824–1826)
15. Жуковский Станислав – каноник (1784–1809), прелат–кустош (1809–1816)
16. Каменко Валериан-Генрих – прелат–схоластик (1812–1826)
17. Козловский Михал Ян – каноник (1784–1797)
18. Кубешовский Казимир – каноник (1825–1826)
19. Лавуазье Жан – каноник (1809–1826)
20. Липский Матвей – прелат–архидьякон белорусский (1816–1822), прелат–препозит (1822–1826)
21. Маевский Антоний – прелат–кустош (1816–1826)
22. Мангейм Григорий-Франциск – каноник (1818–1826)
23. Маскле Жан – каноник (1798–1818)
24. Мачульский Францишек – каноник (1801–1826)

25. Можженевский Матвей – прелат–архидьякон белорусский (1811–1816)
26. Одинец Киприан – прелат–препозит (1783–1800), прелат–архидьякон белорусский (1806–1811)
27. Оношко Ян – каноник (1809–1825)
28. Пацевич Кароль – каноник (1816–1824)
29. Ростоцкий Михал – каноник (1796–1805)
30. Садко Юзафат – каноник (1808–1813)
31. Станкевич Петр – прелат–архидьякон белорусский (1799–1800), прелат–номинат (1801–1807), каноник (1807–1822)
32. Сутоцкий Казимеж – прелат–кустош (1783–1800)
33. Сыхра Антоний – каноник (1808–1825)
34. Шантыр Станислав – каноник (1800–1805) прелат–препозит (1805–1810)
35. Шишко Казимеж – каноник (1784–1801), прелат–кустош (1801–1809)
36. Шостаковский Игнацы – каноник (1807–1808)

Наравне с кафедральным капитулом в Могилевском архиепископстве в 1798–1810 гг. существовало два коллегиальных капитула: Смоленский и Инфлянтский. Смоленский капитул был создан в 1625 г. королем Сигизмундом III Вазой и канонически утвержден в 1636 г. папой Урбаном VIII. Первоначально он состоял из шести прелатур (препозит, декан, архидьякон, кустош, схоластик, кантор) и двенадцати каноний [236, с. 27; 290, с. 301]. С 1654 г., когда Смоленск перешел в руки московских государей, капитул приобрел титулярный характер, а его члены заседали в других капитулах или были настоятелями приходов в других епархиях, в том числе и Могилевской [267, с. 34]. Титулом смоленского каноника обычно наделяли деканов, в знак благодарности за проводимую ими работу. Инфлянтский капитул был создан в 1582 г. королем Стефаном Баторием и утвержден в 1583 г. папой Григорием XIII. Первоначально он состоял из шести прелатур (препозит, архидьякон, декан, схоластик, кустош, кантор) и шести каноний [244, с. 178]. С середины XVII в. членство в капитуле приобрело титулярный характер. И, так же как и титул смоленского каноника, использовался С. Богушем-

Сестренцевичем для награждения отличившихся на пастырской ниве ксендзов своего архиепископства [290, с. 302].

В 1810 г., согласно именному указу от 15 (27) марта, Смоленский и Инфлянтский коллегиальные капитулы были уничтожены. На их месте был создан Могилевский младший капитул, который должен был состоять из двенадцати каноников, носивших титул каноников киевских. За бывшими членами Смоленского и Инфлянтского капитула сохранялись их титулы, которые должны были исчезнуть вместе со смертью их хозяев [124, л. 908–908 об.; 137, л. 27].

Таким образом, вопросами проведения торжественных богослужений в могилевском кафедральном соборе св. Станислава занимался капитул. Наделение правом членства в капитуле служило для митрополита С. Богуша-Сестренцевича возможностью награды отличившихся на пастырской службе священников.

3.3 Формирование архидеканальной, деканальной и приходской структуры

Непосредственными исполнителями воли С. Богуша-Сестренцевича на местах были архидьяконы и деканы. Могилевское архиепископство включало в себя 3 архидеканата: Белорусский, Киевский и Белостокский. Если первый фактически имел характер титулярный, а его сохранение было обусловлено политическими соображениями митрополита, то создание двух последних объяснялось их огромной территориальной удаленностью от Санкт-Петербурга и Могилева.

Белорусский архидеканат был создан еще в 1619 г. виленским епископом Евстафием Воловичем в целях упрочнения власти на восточных границах диоцезии и исключения возможности их присоединения к планируемому в то время Смоленскому римско-католическому бискупству [319, с. 86–87; 291, с. 102–103]. К 1772 г. он занимал площадь в 119 тыс. км² [299, с. 39] и охватывал территорию четырех деканатов (Витебского, Полоцкого, Оршанского и Бобруйского). Административным центром новой территориальной единицы была деревня Оболец (теперь Толочинский район, Витебской области). И, по всей видимости, все настоятели оболецкого прихода автоматически становились архидьяконами белорусскими. Материальное содержание белорусского архидьякона было привязано к доходам с фольварка Вядец (теперь Сенненский район Витебской области). Его функции были очерчены лишь необходимостью проведения визитаций по приказу виленского епископа. Никакой дисциплинарной властью над священниками архидеканата он не обладал [41, с. 110].

На момент первого раздела Речи Посполитой белорусским архидьяконом был Ян Шумский, занимавший этот пост как минимум с 1761 г. После присоединения в августе 1772 г. восточной Беларуси к России, он присягнул на верность Екатерине II. Этим шагом Я. Шумский сохранил за собой архидьяконскую власть, как над присоединенными к империи приходами, так и над оставшимися в Речи Посполитой [272, с. 175]. В 1775 г., организовывая консисторию в Могилеве, белорусский епископ Станислав Богуш-Сестренцевич назначил его вице-официалом

(суррогатом) консистории [290, с. 30]. Примерно в конце 1776 г. Я. Шумский умер [272, с. 175]. Белорусский епископ незамедлительно присоединил находящиеся на российской стороне земли Вядецкого фольварка и направил получаемые с них доходы на содержание консистории.

Виленский епископ И. Массальский назначил новым белорусским архидьяконом настоятеля минского прихода Владислава Ваньковича (видимо в конце 1776 г. или в начале 1777 г.). Его положение как белорусского архидьякона было незавидным. Большая часть Вядецкого бенефиция находилась на российской стороне. Станислав Богуш-Сестренцевич старательно делал вид, что не знает о назначении В. Ваньковича. Та же часть, которая осталась на территории Речи Посполитой, была силой захвачена одним из местных шляхтичей хорунжим Мартином Щиттом. Лишь в 1792 г. после долгих судебных разбирательств В. Ванькович сумел вернуть занятые данным шляхтичем земли Вядецкого бенефиция.

В результате второго раздела Речи Посполитой оставшиеся приходы Белорусского архидеканата были включены в состав Российской империи и присоединены к Могилевскому архиепископству. Станислав Богуш-Сестренцевич, наконец, признал В. Ваньковича белорусским архидьяконом и, даже ввел его в состав капитула. Причина данного шага, вероятно, заключалась в том, что в 1797–1799 гг. могилевский митрополит вел политическую борьбу за преобладание в департаменте римско-католических дел. В его состав могли входить от духовенства только члены капитула. Учитывая то, что в то время В. Ванькович был уже тяжело болен [100, л. 4], С. Богуш-Сестренцевич решил ввести его в качестве прелата-архидьякона в Могилевский капитул, а после его смерти назначить на освободившуюся должность Петра Станкевича. Таким хитрым ходом могилевский митрополит рассчитывал расчистить путь для назначения своего любимца заместителем председателя департамента по римско-католическим делам. 16 (27) августа 1799 г. В. Ванькович умер [100, л. 30]. А уже через 6 дней [22 августа (2 сентября) 1799 г.] митрополит назначил П. Станкевича прелатом-архидьяконом белорусским [100, л. 15].

Но тут в политическую игру С. Богуша-Сестренцевича вмешался племянник умершего – прелат-кантор Минского капитула и вице-официал Минской консистории Теодор Ванькович, который оспорил правомочность назначения П. Станкевича белорусским архидьяконом [100, л. 32]. Опала митрополита в ноябре 1800 г. и смена власти в департаменте, привела к передаче должности прелата-архидьякона белорусского в его руки [13 (24) ноября 1800 г.] [89, л. 63]. После возвращения к власти в марте 1801 г., митрополит оставил Т. Ваньковича архидьяконом белорусским. Более того, он назначил его ассессором Могилевской консистории [99, л. 3], а после смерти епископа А. Берента сделал официалом консистории [104, л. 113; 119, л. 227 об.]. Умер Т. Ванькович, видимо, в конце 1806 г. После его смерти на должность прелата-архидьякона белорусского был назначен полоцкий епископ-суффраган Киприан Одинец, а в 1811–1816 гг. – Матвей Мождженевский, бывший в то время епископом-суффраганом могилевским [265, с. 57]. В 1816 г. его сменил епископ-суффраган полоцкий Матеуш Липский [265, с. 97]. Он занимал эту должность до 1822 г., когда архидьяконом белорусским был назначен Иоахим Грабовский [111, л. 14 об.–15].

Вторым архидеканатом, который существовал в Могилевском архиепископстве, был Киевский. Его появление было обусловлено включением в результате второго раздела Речи Посполитой 32 приходов Киевской епархии, объединенных в 3 деканата (Хвастовский, Овручский и Житомирский) [300, с. 371–372]. Первым киевским архидьяконом был назначен Станислав Стецкий (1798–1802) [124, л. 896]. 23 сентября (4 октября) 1802 г. его сменил Иоахим Грабовский, который возглавлял архидьяконат на протяжении всего оставшегося времени митрополитства С. Богуша-Сестренцевича [265, с. 71]. В 1849 г., в рамках реорганизации костельной территориально-административной структуры, Киевский архидеканат был включен в состав Луцко-Житомирской епархии [95, л. 1].

Третьим архидеканатом Могилевской архиепархии был Белостокский. Его появление было обусловлено присоединением к Российской империи, согласно условиям Тильзитского мира, Белостокской области. В связи с тем, что присоединенные приходы не имели общей границы с Могилевским архиепископ-

ством, Станислав Богуш-Сестренцевич объединил их (2 ноября 1808 г.) в Белостокский архидеканат, во главе которого поставил кс. Игнацы Раковского. Архидеканат объединял 6 деканатов (Бельск-Подляский, Брянский, Дрогичинский, Сокулковский, Белостокский и Кнышинский), 53 прихода, 6 филиальных храмов, 5 монастырей и около 130 тыс. верующих [290, с. 495]. С 1814 г. и вплоть до смерти митрополита С. Богуша-Сестренцевича белостокским архидьяконом являлся кс. Казимир Кубешовский [112, л. 1 об.–2]. 12 (24) декабря 1845 г. Белостокский архидеканат был включен в состав Виленской епархии [94, л. 6].

Таким образом, Станислав Богуш-Сестренцевич создал в границах Могилевского архиепископства 3 архидеканата: Белорусский, Киевский и Белостокский. Во главе их на протяжении 1773–1826 гг. находилось 10 римско-католических иерархов, которые помогали митрополиту в управлении Могилевским архиепископством.

Указы от 14 (25) декабря 1772 г. («епископу принадлежат...разного звания духовных») и 28 апреля (9 мая) 1798 г. («все чины и должности церковные в епархии без исключения, раздачею зависят единственно от местного архиерея») непосредственно наделяли С. Богуша-Сестренцевича властью создания деканатов и назначения деканов.

Как уже отмечалось ранее, в результате первого раздела Речи Посполитой в состав Российской империи были включены приходы Смоленской, Инфлянтской и Виленской епархий. Если Инфлянтская и Смоленская диоцезии деканальной структуры не имели [299, с. 43], то присоединенные к России приходы Виленской епархии входили в состав пяти деканатов (Полоцкого, Витебского, Оршанского, Бобруйского и Браславского).

Станислав Богуш-Сестренцевич с целью примирить требование российского правительства (о соотношении территориально-административных границ Белорусской епархии с границами империи) и отсутствие канонической санкции на какие-либо территориальные преобразования со стороны Рима пошел лишь на формальное объединение трех приходов, ранее входивших в состав Смоленской епархии, в Смоленский деканат, и двадцати приходов Инфлянтской епархии в Задвинский. Преоб-

разование парафий, ранее входивших в состав четырех деканатов Виленской епархии, ограничилось лишь их территориальным отделением от приходов, оставшихся в Речи Посполитой. Именно о существовании шести деканатов в Белорусском генерал-губернаторстве сообщил З.Г. Чернышев в начале 1775 г. статс-секретарю императрицы, сенатору Г.Н. Теплову [150, т. XX, с. 99–100; 196, с. 21].

Подобная деканальная структура на белорусско-латвийских землях, присоединенных к России по первому разделу Речи Посполитой, просуществовала до 1784 г. После канонического утверждения в декабре 1783 г. существования Могилевского архиепископства С. Богуш-Сестренцевич 12 (23) мая 1784 г. официально утвердил новое деление на деканаты [106, л. 29об.–30].

На месте бывших приходов Виленской и Смоленской епархий первоначально было образовано шесть деканатов: Невельский, Себежский, Витебский, Оршанский, Мстиславский и Белицкий. Деканом Невельского деканата был назначен прелат Казимир Сутоцкий, Себежского – Ян Лясковский, Витебского – Франциск Жуковский, Оршанского – каноник Михаил Козловский, Мстиславского – Тадеуш Сурын, Белицкого – Августин Судорский [271, с. 5–6]. Вскоре к ним присоединился Могилевский во главе с Антонием Оржеховским [108, л. 33] и Полоцкий во главе с Яном Шавлевичем [108, л. 40].

Второй и третий разделы Речи Посполитой повлекли новые изменения в деканальной структуре Могилевского архиепископства. Разрешая вопрос территориально-административного обустройства новоприсоединенных земель, Екатерина II присоединила к Полоцкой губернии территории, вошедшие в состав Лепельского и Полоцкого поветов, а также укрупнила Сенненский, Копысский, Могилевский, Быховский и Рогачевский поветы Могилевской губернии. Указ от 6 (17) сентября 1795 г. включил римско-католические приходы, находящиеся в них, в состав Могилевского архиепископства. Указ Павла I от 28 апреля (9 мая) 1798 г. и декрет нунция Л. Литта от 27 июля (7 августа) 1798 г. подтвердили данное присоединение. Станислав Богуш-Сестренцевич создал в границах Лепельского и Сенненского по-

ветов два деканата во главе с Матвеем Рагозой [102, л. 77] и Иеронимом Гарабурдой [127, л. 27–27 об.].

Новое преобразование деканальной сети произошло 20 сентября (2 октября) 1802 г., когда С. Богуш-Сестренцевич подписал постановление о новом разделении Могилевского архиепископства на деканаты [98, л. 3]. Всего был образован тридцать один деканат. Римско-католические приходы, находящиеся на восточно-белорусских землях, вошли в состав четырнадцати деканатов (Могилевского, Рогачевского, Чаусо-Чериковского, Сенненского, Оршанско-Смоленского, Копысского, Белицкого, Мстиславско-Климовичского, Витебско-Велижско-Суражского, Полоцкого, Дриссенского, Лепельского, Невельского и Себежского). Шесть деканатов объединили латвийские приходы [два Динабургских (Верхний и Нижний), два Режицких (Россиенский и Лубанский), два Люцинских (Предлюцинский и Залюцинский)], шесть – украинские (Киевский, Радомысльский, Василевский, Липовецкий, Сквирский, Звиногородский). Пять деканатов объединили приходы других губерний империи (Новороссийский, Санкт-Петербургский, Московский, Саратовский, Армянский) [117, л. 632–635 об.].

К 1808 г. общее количество деканатов увеличилось до тридцати трех. К Могилевскому архиепископству были присоединены 6 деканатов Белостокского архидьяконата. Из Оршанско-Смоленского деканата был выделен Бабиновичский деканат (при оставлении единого декана), из Рогачевского – Быховский. В то же время два Режицких, два Люцинских и два Динабургских деканата были объединены в три деканата, а Саратовский и Армянский – в Астраханский. Приходы Василевского деканата были распределены между Киевским и Сквирским [331, с. 6–8, 16–17].

К концу митрополитства С. Богуша-Сестренцевича Могилевское архиепископство состояло из 32 деканатов (Бабиновичский деканат был присоединен к Витебскому) и 10 префектур (которые должны были стать в будущем основой для создания новых деканатов) [234, с. 10].

Таким образом, митрополит С. Богуш-Сестренцевич смог создать в Могилевском архиепископстве четкую, организованную деканальную сеть. Назначенные им деканы являлись его

представителями на местах и являлись посредниками в передачи его указаний остальному духовенству.

Одним из ключевых аспектов церковной деятельности Станислава Богуша-Сестренцевича являлось развитие приходской структуры Могилевского архиепископства.

С точки зрения территориально-административной структуры Римско-католической церкви к России были присоединены приходы Смоленской (3 приходских костела), Виленской (34 приходских храма), а также Инфлянтской (20 приходских церквей) епархий [36, с. 51–52]. В состав Псковской и Могилевской губерний вошло 57 приходов [217, л. 1–5; 300, с. 208–211, 306–333]. Так называемые «внутренние» российские губернии перед 1772 г. были разделены на 2 префектуры (Санкт-Петербургскую и Московскую), которые подчинялись Конгрегации распространения веры. Санкт-Петербургской префектуре подчинялись субпрефектуры в Риге и Саратове, Московской – субпрефектура в Астрахани [229, с. 73]. Все они объединяли 12 приходов: в Петербурге, Москве, Астрахани, Казани, Нежине, Ревеле, Риге, Ямбурге, Екатериненштадте, Каменном Овраге (Деготте), Каменке, Семеновке (Рейтлинге) [75, с. 59, 64; 217, л. 1–5].

К декабрю 1782 г. общее количество приходов в Белорусском наместничестве достигло 73 (58 приходов в Полоцкой губернии, 15 – в Могилевской). [10, с. 179; 11, с. 57; 139, л. 261]. Увеличение на 22% числа приходов объяснялось, главным образом, тем, что приписные церкви бывшей Инфлянтской епархии (Динабургский, Люцинский и Режицкий уезды Полоцкой губернии) были наделены парафиальными правами. Приходская структура объединила 114 793 римских католиков (101 509 – в Полоцкой, 13 284 – в Могилевской губерниях), религиозные потребности которых обслуживал 101 диоцезиальный священник (64 – в Полоцкой, 37 – в Могилевской) и 510 монахов (245 – в Полоцкой, 265 – в Могилевской) [139, л. 261].

В результате второго раздела Речи Посполитой к Могилевскому архиепископству было присоединено двенадцать римско-католических приходов ранее входящих в состав трех деканатов (Витебского, Полоцкого и Бобруйского) Виленской епархии [330, с. 119] и тридцать два прихода Киевского епископства

[117, л. 632–635 об.]. Вместе с новосозданными приходами к 1803 г. их общее число в Могилевском архиепископстве достигло 159, а количество епархиальных священников – 204. В приходах находилось также 44 мужских монастыря, в которых жили и трудились 524 монаха [322, с. 418; 327, с. 436]. В последующие годы число парафий продолжало неуклонно расти, и к концу митрополитства С. Богуша-Сестренцевича составило 231 приход, которые обслуживали 281 священник (на 1823 г.) [199, с. 159; 315, с. 305]. Подобное увеличение количества приходов на 43,5 % объяснялось, главным образом, присоединением в 1808 г. к Могилевскому архиепископству 53 приходов (43,5%), вошедших в состав Белостокского архидеканата.

Создание же новых приходов происходило тремя основными путями. Первый путь характеризовался основанием парафии, еще не имеющей храма, но с обещанием благотворителя (коллатора, ктитора) построить его в ближайшее время. Так было, например, с приходом в Лешилово (теперь Верхнедвинский район, Витебской области). Он был создан С. Богушем-Сестренцевичем в 1781 г. Через 9 лет (в 1790 г.), стараниями священника Людовика Мирского и пожертвованиями местной шляхты, был возведен деревянный храм [129, л. 121, 123]. Второй путь предусматривал основание прихода на месте уже существующей каплицы (филии). Именно в 1773–1826 гг. на востоке Беларуси началось массовое строительство часовен и приписных церквей. Так, только в одном Белицком деканате было основано как минимум 17 каплиц и 3 новых прихода (Радуга, Люшев и Хальч) [233, 234, 271, 331]. Третий путь – путь наделения монастырского храма приходскими полномочиями. Так было, например, с Дудаковичским доминиканским монастырем (теперь Круглянский район Могилевской области). 6 (17) февраля 1785 г. могилевский митрополит приказал оршанскому декану М. Козловскому выделить Дудаковичи из Старосельского прихода и наделить правами парафии [106, л. 21 об.].

Вплоть до 1810 г. монопольным правом на создание новых парафий и назначения в приходы священников обладал местный ординарный епископ (т.е. С. Богуш-Сестренцевич). Указ от 19 (29) августа 1810 г. о создании Главного управления духовных дел иностранных исповеданий, впервые наделил госу-

дарство правом назначения священников в приходы [150, т. XXXI, с. 323–328]. Именной указ от 14 (26) февраля 1817 г. ввел необходимость согласия со стороны государства на создание новых парафий [150, т. XXXIV, с. 71–72]. Правда, благодаря авторитету митрополита Станислава Богуша-Сестренцевича среди российских чиновников, этим правом государство не пользовалось и не вмешивалось в процесс формирования приходской структуры Римско-католической церкви и назначения в нее духовенства [290, с. 664].

Таким образом, в период руководства Станиславом Богушем-Сестренцевичем Могилевским архиепископством была создана разветвленная приходская система, а общее количество парафий увеличилось с 69 до 231. Это означало укрепление позиции Римско-католической церкви на белорусских землях.

3.4 Организация системы духовного образования

Развитие приходской структуры Могилевского архиепископства требовало увеличения числа духовенства, необходимого для ее обслуживания. Поэтому одним из главных направлений внутрицерковной деятельности митрополита С. Богуш-Сестренцевича являлась подготовка будущих священнослужителей.

В 1776–1784 гг. подготовкой римско-католических епархиальных священников для восточно-белорусских приходов занималась Креславская духовная семинария, на что она имела разрешение папы Пия VI, выданное им 15 февраля 1776 г. [110, л. 77]. Семинария была основана в 1758 г. смоленским епископом Е.М. Гильзеном, который пригласил для преподавания в ней орден миссионеров.

После канонического признания существования в восточной Беларуси Могилевского архиепископства С. Богуш-Сестренцевич первоначально решил перенести Креславскую семинарию в Могилев и на ее основе создать архиепархиальную семинарию [238, с. 24]. Его задумка была даже одобрена папским посланником Дж. Аркетти [289, с. 361]. Но, в конце концов, митрополит решил ограничиться лишь перемещением части клириков из Креславля в Могилев [99, л. 79]. Декрет «*Pastoralis sollicitudo*» от 8 (19) декабря 1783 г. канонически утвердил образование в архиепископстве второй семинарии [2, с. 1–28]. 16 (27) мая 1784 г. Сенат подтвердил ее создание [129, л. 53]. Семинария должна была расположиться в здании бывшего монастыря кармелитов при кафедральном соборе св. Станислава.

24 августа (5 сентября) 1788 г. состоялось торжественное открытие Могилевской духовной семинарии [257, т. 2, с. 19–22]. Преподавать в ней поручили ордену миссионеров. Данное поручение они исполняли вплоть до 1839 г., когда были заменены диоцезиальными священниками [329, с. 205]. Уже впоследствии, 30 октября (11 ноября) 1843 г., Могилевская римско-католическая духовная семинария была присоединена к Минской [161, л. 131]. После ликвидации 24 мая (6 июня) 1868 г. российским правительством Минской епархии и присоединении ее к Виленской [162, л. 1], семинария была уничтожена, а семи-

наристы переведены в Вильно. Правда, вскоре (9 (21) марта 1873 г.) деятельность Могилевской архиепархиальной духовной семинарии была возобновлена в Санкт-Петербурге [163, л. 1], где она просуществовала вплоть до 1918 г.

По проекту С. Богуша-Сестренцевича в семинарии должны были обучаться восемь кандидатов в диоцезиальные священники. Кроме того, предусатривалось обучение десяти клириков доминиканского ордена, восьми – кармелитанского, пяти – францисканского [107, л. 231 об.–232].

Подготавливаясь к торжественному открытию семинарии, Станислав Богуш-Сестренцевич собственноручно разработал (утвержден 1 января 1786 г.) ее устав (*Reguła dla seminarzystów*), который регламентировал порядок приема, обучения и поведения клириков [257, т. 2, с. 5–16]. Согласно ему в Могилевскую духовную семинарию принимали молодых людей старше 18 лет (статья 1, пункт 1), которые бегло читали полатыни и могли предоставить свидетельство об окончании школы и рекомендацию от приходского священника (статья 1, пункт 2). Срок обучения семинаристов ограничивался тремя годами. Четвертый год предполагалось посвятить практике в могилевском архикафедральном соборе (статья 1, пункт 10). Устав также регламентировал распорядок дня и правила поведения клириков. Им вменялось в обязанности ежедневно участвовать в медитации (утренних молитвенных размышлениях), мессе, чтении духовной литературы, каждую субботу исповедоваться, каждое воскресенье причащаться и жертвовать его за благотворителей (одно воскресение за живых, второе – за мертвых) [241, с. 14–21]. Кроме этого в воскресенье и в среду после медитации предусматривались разговоры на духовные темы. Ежегодно на протяжении пяти дней предусматривались реколлеции, во время которых семинаристы были обязаны ежедневно посвящать два часа на медитацию, а перед обедом и ужином участвовать в разговорах на духовные темы [241, с. 30–33].

Распорядок дня клириков был также строго регламентирован. Они должны были вставать в 5 часов утра. С 5.30 по 6.00 участвовать в медитации, после которой читали одну главу Евангелия. В 7.00 начиналась месса, по окончании которой был завтрак. С 8.30 до 10.00 клирики находились на первом занятии,

с 10.30 по 11.15 – на втором. В 11.30 они шли на обед, по окончании которого предусматривался отдых. В 13.00 семинаристы должны были собраться в храме. Там они участвовали в молитве перед Святым Сакраментом, после которой шли в семинарское здание, где читали одну главу из Посланий Святых Апостолов или Деяний. В 15.00 начиналось третье занятие, которое продолжалось до 16.30, в 17.00–17.45 – четвертое. В 18.00–18.30 клирики должны были читать духовную литературу. В 19.00 они шли на ужин, после которого был предусмотрен отдых. В 20.30 семинаристы должны были вновь собраться в храме для молитвы перед Святым Сакраментом и размышления о содеянных грехах. В 21.00 – «в тишине» начать готовиться ко сну.

В зависимости от успеваемости курс делился на две группы (нижнюю и высшую). На первом курсе предусматривалось обучение философии, логике, политической, всеобщей и церковной истории, Ветхого и Нового Заветов, церковного песнопения, церемониала, географии, геометрии, риторики, чтения духовных книг и арифметики. На втором – канонического права, моральной теологии, риторики для катехизации и проповедей. На третьем – моральной теологии, догматики, практической науки уделения сакраментов соединенной с историей ритуала, чтение бревиария и мшала. В каждую субботу проходил экзамен по всему изученному за неделю, в конце года – публичный экзамен за год. Кроме того, для всех курсов было обязательным изучение иностранных языков (русского, французского, немецкого).

Семинаристы обязаны были ходить исключительно в черной сутане с белыми воротничками.

Материальное обеспечение Могилевской духовной семинарии С. Богуш-Сестренцевич прикрепил к доходам от фольварка Плоское [106, л. 61]. На 1822 г. в нем проживало 408 мужских и 413 женских душ, которые обрабатывали 110 волок земли и 10 волок леса, а ежегодный доход составлял 3 тыс. руб. асс. [136, л. 607]. Кроме этого монашеские ордена должны были платить семинарии за обучение своих клириков из расчета 120 руб. асс. в год на одного [107, л. 231об.–232].

В период управления Могилевским архиепископством Станислава Богуша-Сестренцевича регенсами Могилевской духовной семинарии были: Ян Гурницкий (1785–1788) [106, л. 1;

107, л. 257; 248, с. 242], Михал Крайницкий (1788–1789) [107, л. 257; 248, с. 241–242; 307, с. 116], Себастиан Волиньский (1789–1795) [307, с. 116], Юзеф Мечковский (1795–1796), Блажей Фабианович (1796–1800) [101, л. 18–18 об.], Юзеф Тобольский (1800–1806) [104, л. 113; 113, л. 237], Матфей Мождженевский (1806–1809) [331, с. 8; 223, л. 13–26 об.], Августин Загорский (1809–1820) [109, л. 55; 126, л. 856], Стефан Кобылинский (1820–1821) [129, л. 58, 65] и Матфей Наркевич (1821–1832) [234; 248, с. 243–245].

Кроме Креславской и Могилевской семинарий в период управления Римско-католической церковью на белорусских землях митрополита Станислава Богуша-Сестренцевича были образованы также Киевская (Звенигородская) и Белостокская семинарии [39, с. 187; 56, с. 34; 88, с. 76].

Киевская (Звенигородская) семинария была основана 26 июня (8 июля) 1803 г., благодаря пожертвованию на ее строительство и содержание графини Соломеи Солтык (урожденной Бжостовской) 15 тыс. руб. сер. [134, л. 9]. В ней должно было учиться шесть семинаристов из Киевского архидиаконата. Правом преподавать в новой семинарии Станислав Богуш-Сестренцевич наделил орден миссионеров [240, с. 185, 191–192]. Однако вплоть до июля 1820 г. семинаристы учились при Житомирской духовной семинарии. 31 августа (12 сентября) 1820 г. духовная семинария открыла свои двери в Звенигороде [134, л. 7]. Первым ее регентом стал отец Ян Оссолинский [132, л. 2 об.]. 8 (20) августа 1839 г. указом императора данное учебное заведение было присоединено к Могилевской духовной семинарии [93, л. 1].

Потребности Белостокского архидиаконата в священниках удовлетворяла Белостокская духовная семинария, открытая по указанию митрополита С. Богуша-Сестренцевича в 1815 г. и просуществовавшая до 1842 г. [316, с. 229–230].

К началу XIX в. относится создание Виленской главной римско-католической духовной семинарии. Датой ее создания можно считать 18 (30) июля 1803 г., когда император Александр I подписал указ об организации высшего учебного заведения для римско-католического и униатского духовенства при Виленском университете [120, л. 68–69]. Однако процесс открытия семинарии затянулся. Только через 3 года [6 (18) сентября 1806 г.] был

утвержден ее устав [21, с. 300–305], а само торжественное открытие состоялось лишь 24 мая (5 июня) 1808 г. [123, л. 586]. Главная семинария должна была обеспечить образование и воспитание наиболее способных клириков как Римско-католической, так и Униатской церковью империи [219, с. 294].

Создание высшего учебного заведения при ведомстве, не подчинявшемся власти могилевского митрополита, вызвало у С. Богуша-Сестренцевича сопротивление. С целью иметь хоть какой-либо контроль над деятельностью Главной семинарии он попытался получить от российского правительства право на назначение ее регента [229, с. 249], но добился только права его утверждения Римско-католической духовной коллегией, главой которой являлся [22, с. 300]. Первым регентом Главной семинарии стал минский прелат Валентин Знамеровский [124, л. 9]. После его смерти 4 (16) мая 1810 г. был избран кс. Анджей-Бенедикт Клонгевич [124, л. 590]. Он руководил Главной духовной семинарией вплоть до 1816 г. [21, с. 521; 88, с. 78]. С 1816 г. по 1826 гг. регентом был кс. Ян Лесневич [49, с. 256].

Незадолго перед своей смертью С. Богуш-Сестренцевич сделал очередную попытку ликвидировать Главную семинарию. В ноябре 1825 г. в письме к министру внутренних дел и в мае 1826 г. к Николаю I митрополит просил о ее ликвидации [259, с. 85, 88]. «Семинария существует уже четверть века, и за это время не воспитала ни одного ценного работника для виноградаря Господнего» – такими словами закончил С. Богуш-Сестренцевич свою просьбу к императору [259, с. 88–89].

Таким образом, в период руководства Могилевским архиепископством С. Богуша-Сестренцевича была создана система духовного образования будущих римско-католических священников, состоящая из четырех семинарий. Креславская духовная семинария удовлетворяла потребности в священниках латвийские приходы. Могилевская – белорусские, Киевская – украинские. Белостокская – польские.

Итак, С. Богуш-Сестренцевич, являясь могилевским архиепископом, занимался вопросами кадровой политики, созданием органов церковного управления, организацией архидеканальной, деканальной и приходской структуры архидиоцезии, вопросами духовного образования и т.д. Благодаря гибкой поли-

тике он свел к минимуму степень вмешательства государства во внутреннюю жизнь костела. Законодательные инициативы правительства, которые шли в разрез с интересами церковного развития, остались декларацией и на практике не применялись. В управлении Могилевским архиепископством С. Богуш-Сестренцевичу помогало 9 епископов-суффраганов и 36 членов капитула (прелатов и каноников). Митрополит смог создать четко организованную суффрагальную, архидеканальную, деканальную и приходскую сеть. К концу его правления Могилевское архиепископство делилось на 3 суффраганата (Могилевский, Полоцкий, Киевский), 3 архидеканата (Белорусский, Киевский, Белостокский), 32 деканата и 231 приход. Важную роль в своей деятельности С. Богуш-Сестренцевич придавал развитию системы духовного образования. Митрополитом было создано три семинарии (в Могилеве, Киеве и Белостоке), которые вместе с Креславской семинарией смогли удовлетворить потребности архиепископства в духовенстве. Кроме того, с целью воспитания будущих церковных иерархов, российское правительство создало при Виленском университете Главную духовную семинарию. Станислав Богуш-Сестренцевич, оберегая размеры своих полномочий, выступил против ее существования.

Портреты митрополита С. Богуша–Сестренцевича в разные годы жизни

ГЛАВА 4 ЛИТЕРАТУРНАЯ И НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Ежедневная, часто рутинная работа по управлению самой обширной католической церковной провинцией в мире – Могилевской митрополией, пастырские обязанности и участие в придворном этикете все же не смогли помешать митрополиту С. Богушу-Сестренцевичу быть в центре интеллектуальной жизни Российской империи.

Член Императорской Академии наук, президент Императорского Вольного экономического общества, почетный член Вольного общества любителей российской словесности, Общества учреждения училищ по методу взаимного обучения (Белла и Ланкастера), Российского минералогического общества, Варшавского и Рижского обществ друзей наук, Краковского научного общества, почетный профессор Московского, Виленского, Краковского, Дерптского, Абосского университетов, Санкт-Петербургской медико-хирургической академии и Лондонской агрономической ассоциации – вот далеко неполный перечень научных и общественных титулов митрополита Станислава Богуша-Сестренцевича. Интеллектуальный свет знал его как проповедника, поэта, драматурга, переводчика, филолога и, конечно же, историка.

Могилевский митрополит считался одним из лучших проповедников Российской империи конца XVIII – первой четверти XIX вв. Проповедь в то время являлась главной формой идеологического воздействия на людей, основным средством пропаганды и агитации тех либо иных политических идей. Именно проповедь, сказанная Станиславом Богушем-Сестренцевичем в кафедральном соборе св. Станислава в Вильно 13 ноября 1771 г., стала отправной точкой для его карьерного взлета [180]. В ней, будущий митрополит под воздействием известия об убийстве отца барскими конфедератами эмоционально осудил всякую попытку неповиновения королю Станиславу-Августу Понятовскому и призвал во всем подчиняться монар-

шей воле³. Воззвание, прозвучавшее в виленском римско-католическом кафедральном соборе, имело огромный общественный резонанс. В условиях антиправительственного и антироссийского вооруженного восстания шляхты (вошедшего в историческую литературу под названием Барской конфедерации 1768–1772 гг.), негативного общественного мнения по отношению к Станиславу-Августу Понятовскому и Екатерине II, надо было обладать смелостью и блестящим ораторским мастерством, чтобы убедить присутствующих в правильности своей точки зрения. Благодаря ее оглашению С. Богуш-Сестренцевич не только приобрел благосклонность короля Речи Посполитой (Станислав-Август Понятовский тогда наградил его орденом св. Станислава), но и впервые обратил на себя внимание российской

³ Bohusz-Siestrzeńcewicz, S. Kazanie J.X. S. Bohusza-Siestrzeńcewicza wileńskiego katolickiego kanonika, dyecezyi duchownych y świeckich rządów generalnego administratora w dzień świętego Stanisław Kostki w roku 1771 w katedrze Wileńskiej miane. – [B.m.r.]; Нем. пер.: Predigt des herrn Stanislaus von Bohus Siestrzencewicz Canonic, der kathedra kirche zu Wilna etc. welche er am tage des h. Stanislaus Kostka anno 1771 in der katedral-kirche zu Wilna gehalten, aus dem polnischhen ins Deutsche übersetzt von T.J. [B.m.r.]; Рус. пер.: Сестренцевич-Богуш, С. Слово, сказанное в Вильне в кафедральной церкви св. Станислава 1771 года ноября в 13-й день, тогдашним Виленской кафедры каноником и епархиальным администратором, а ныне митрополитом всех римско-католических церквей в России и кавалером Станиславом Сестренцевичем Богушем. / С. Сестренцевич-Богуш. – Санкт-Петербург: Типография Шнора, 1810. – 8 с. (2-е изд.: Санкт-Петербург: Типография И. Глазунова, 1819. – 8 с.). Bohusz-Siestrzeńcewicz St. Kazania i mowy w językach polskim i łaćńskim, miewane w różnych Białoruskich kościołach. – Mohilew: Drukarnia Uprzywil: J.W. Arcybiskupa Mohilewskiego Kościół: Rzymski, 1783. Kazania i mowy w językach polskim i ruskim etc. – Mohilew: Drukarnia Uprzywil: J.W. Arcybiskupa Mohilewskiego Kościół: Rzymski, 1794. Sermo die nalali Augustissimae Principis Calherinae II, Rossiarum omnium Imperatricis, ab Illustrissime Stanislas Siestrzencewicz-Bohusz dum paroecias visitarel in aède Parocchiali Rezitensi dictus, die 21 aprilis v.s. 1794 anno. – Mohilew: Drukarnia Uprzywil: J.W. Arcybiskupa Mohilewskiego Kościół: Rzymski, 1794. Kazanie miane w Wilnie 1819 r. – Wilnia: J. Zawadski, 1819. (Рус.пер.: СПб., 1819.)

императрицы Екатерины II и ее посла Г. Сальдерна. Неслучайно именно факт оглашения проповеди станет решающим для российского правительства, когда оно будет искать подходящую кандидатуру на пост главы римских католиков империи.

В последствии, будучи уже могилевским архиепископом-митрополитом, Станислав Богуш-Сестренцевич обращался к прихожанам со своими посланиями-проповедями, в которых с помощью библейских цитат защищал правильность правительственного курса. По свидетельству С. Парчевского, на протяжении 53-летнего периода управления Римско-католической церкви в Российской империи, С. Богуш-Сестренцевич опубликовал более десяти проповедей [313, с. 52]. На сегодняшний день удалось найти только четыре.

Станислав Богуш-Сестренцевич никогда не был великим поэтом. Но, как современник эпохи Просвещения, он часто пытался выразить свои мысли с помощью стихотворной рифмы. Еще в 1752 г. он написал оду «*I gdzież mi to Hipokrene zachwycone myśli niesie*» («И куда это Гиппокрен несет мои воодушевленные мысли»). Получив работу секретаря князя Станислава-Игнацы Радзивилла и воспитателя его детей, С. Богуш-Сестренцевич, как требовала того эпоха, сочинил панегирик в честь своего благодетеля [313, с. 44–45].

Впоследствии, будучи уже священником, он, с целью еще больше понравиться королю Станиславу-Августу Понятовскому, опубликовал поэму «*Król ocalony*» («Спасенный король»), осуждающей заговорщиков и превозносящей монархов. С. Парчевский, анализируя ее, восхищается поэтическим талантом своего родственника, богатством его воображения и способностью облекать свои мысли в наиболее выразительные стихотворные формы [313, с. 47].

В 1783 г., после путешествия в Крым, впечатленный и желающий отблагодарить за назначение могилевским архиепископом Григория Александровича Потемкина, С. Богуш-Сестренцевич сочиняет трагедию в стихах «*Gicya w Taurydzie. Tragedya przez autora „Historii Tauryckiej” napisana*» («Гиция в Тавриде») (Mohilew, 1783; след. изд.: Mohilew, 1788.), неоднократно поставленную на сцене театра белорусского генерал-губернатора Захара Григорьевича Чернышева [291, с. 47]. Сего-

дня оригинал трагедии хранится в библиотеке Виленского университета (фонд 3459, опись 1, дело 156). Ирина Кадульская (профессор Гданьского университета, исследующая историю польского театра XVIII в.) предполагает, что пьеса была написана С. Богушем-Сестренцевичем при подготовке к приезду в 1780 г. Екатерины II в Могилев. Сюжет трагедии прост. Царица Херсона Гиция полюбила сарматского короля Сауромату. В военном столкновении между ними побеждают войска херсонской царицы. Победенный сарматский монарх становится мужем Гиции. Образ царицы Херсона, по задумке автора, должен был символизировать образ российской императрицы Екатерины II [335, с. 55].

В дальнейшем, могилевский митрополит неоднократно отзывался с помощью рифмы на различные российские политические события. Так, в 1789 г. он написал поэму, прославляющую русское оружие, «O wzięciu Oczakowa» («О взятии Очакова»), а в 1825 г. «Элегию на смерть императора Александра I» («Elegię na śmierć Aleksandra I») [313, с. 46–47].

Свое прекрасное знание польского, белорусского, русского, литовского, эстонского, немецкого, французского, английского, латинского и древнегреческого языков Станислав Богуш-Сестренцевич продемонстрировал переводами. В 60-ые гг. XVIII в. в Европе была безумно популярна работа английского медика Дж. Маккензи (J. Mackenzie) «Искусство быть здоровым...». После тяжелого ранения в руку (в битве под Кессельдорфом 15 декабря 1745 г. во время войны за австрийское наследство) С. Богуш-Сестренцевич усиленно интересовался медициной. Эта заинтересованность впоследствии привела к появлению перевода на польский язык настольной книги европейского врача середины XVIII в. «Искусства быть здоровым и истории этого, или собрание всего того, что древние и современные врачи и философы предписали для выздоровления, с приложением первостепенных, для этого необходимых, правил» («Sztuka utrzymania zdrowia i onej historia albo zebranie wszystkiego tego, co lekarze i filozofowie dawni i terażniejsi przepisali do utrzymania zdrowia». Wilnia, 1769; 2-е изд.: Wilnia, 1775.). Наградой будущему митрополиту за труд было согласие короля Речи Посполитой, как ктитора, основателя и благотвори-

теля римско-католического прихода в Гомеле, на получение с него доходов [313, с. 46].

В 1777 г., будучи белорусским епископом, С. Богуш-Сестренцевич перевел с русского языка на польский «Учреждения о губерниях» Екатерины II («*Nayprawosławnieyszey, naysamowładnieyszey wielkiey pani imperatorowey Katarzyny II ustawy na gubernie państwie cało-Rossyiskiego z narodowego na polski język przełożone przez Stanisława Siostrzeńcewicza-Bohusza, biskupa białoruskiego kościołów katolicko-łacińskich, prałata wileńskiego, kawalera orderu świętego Stanisława*». Mohilew, 1777. 2-ое изд.: Mohilew, 1795.). В благодарность он получил от российской императрицы золотую, осыпанную бриллиантами, табакерку. Не остался в долгу и король Речи Посполитой Станислав-Август Понятовский, наградивший епископа Станислава орденом Белого Орла [183, с. 54].

Францишек Стаховский упоминает также, о том, что могилевский митрополит оставил после себя в рукописях «Граматику литовского языка» («*Gramatyka litewska*») и «Критико-филологическое исследование об эстонском и литовском языках, а также сокращенный словарь этих языков» («*Krytyczno-filologiczne rozprawy o języku estońskim i litewskim oraz skrócony słownik tych języków*») [332, с. 166–181]. Ставшая популярной в белорусской историографии (благодаря Г.А. Кохановскому [64–68]) версия о том, что данные работы представляют собой филологические исследования белорусского языка, не имеет под собой основания. В труде «Исторические исследования о происхождении славян или эскавонов и сарматов и эпох принятия ими христианства» С. Богуш-Сестренцевич приводит выдержки из этих рукописей. В них он сравнивает между собой значение слов литовского, эстонского, польского и русского языков. Слова «литовского языка», под которым ряд белорусских исследователей видят современный белорусский язык, являются словами современного литовского языка.

Имя Станислава Богуша-Сестренцевича известно также историографам в качестве одного из наиболее влиятельных российских историков первой четверти XIX в. Как историка могилевского митрополита интересовало три тесно переплетенные

между собой темы: история Крыма, происхождение славян и проблема становление у них государственности.

Манифест 8 апреля 1783 г. ознаменовал собою включение в состав Российской империи Крыма. Новороссийским генерал-губернатором был назначен светлейший князь Григорий Александрович Потемкин, который сразу же развил активную деятельность по органичному включению новоприсоединенных земель в состав империи. Одной из составляющих данной деятельности было историко-географическое изучение новых территорий. В конце 1782 г. Г.А. Потемкин поручил полковнику Херсонского пикинерского полка И. Синельникову и надворному советнику П. Неверовскому изучить новороссийские земли и сделать их описание с планами всех важнейших мест. Аналогичное поручение получил генерал-майор Н.Д. Языков, в задачу которого ставилось описать территории, вошедшие в состав Азовской губернии. Для изучения древнего Херсонеса в 1783 году был послан подполковник Бальдани. К изучению юга Российской империи подключилась также Императорская Академия Наук. С июля 1773 г. по февраль 1775 г. в нижнем Подонье и Приазовье работала экспедиция И.А. Гюльденштедта (1745–1781). В 1781–1782 гг. в Крым была направлена экспедиция В.Ф. Зуева (1754–1794) [193, с. 42–44].

Летом 1783 г. Г.А. Потемкин поручает К.И. Габлицу (1752–1821)⁴ составить естественнонаучное описание Крыма «по всем трем царствам природы». Ученый сумел собрать и обработать данные в рекордный срок. «Физическое описание Тавриды» увидело свет в 1785 г. За этот труд, явившийся первым геологическим, ботаническим и биологическим описанием Крыма К.И. Габлиц удостоился от императрицы «благоволения» и осыпанной бриллиантами табакерки, а также повеления составить историческое описание Крымского полуострова [193, с. 45]. Этой работой он занимался в Москве и Санкт-Петербурге в 1785 г., а также осенью 1786 г. в Крыму. 29 мая 1787 г. в Карасубазаре К.И. Габлиц поднес императрице первую часть исторического

⁴ Одновременно с К.И. Габлицом коллежскому советнику М.И. Афонину было поручено составить «обозрение Екатеринославской губернии»

описания Тавриды, а также труд с анализом географических известий античных и средневековых авторов, за что был награжден орденом св. Владимира IV ст. и бриллиантовым перстнем [193, с.45–46].

Заинтересованность прошлым новых южных территорий России была настолько велика, что в интеллектуальной элите общества получили распространение краткие рукописные исторические известия, как правило, анонимные [193, с.39]. В это же время в Западной Европе одно за другим стали появляться сочинения, посвященные историческому, этнографическому и географическому описанию Крыма. Среди них особое место принадлежит трудам Жана-Батиста Бургиньона д'Анвиля, Иоганна-Эриха Тунманна, Обри де Ла Мотре, Шарля Пейсоннеля, Николауса-Эрнесте Клемана, Франца де Тотта, Элизабет Кравен и др. В Речи Посполитой историей юга России заинтересовался Адам Нарушевич (1733–1796). Сопровождая в 1787 г. короля Станислава-Августа Понятовского в поездке по польской части Украины, он был представлен в Каневе императрице Екатерине II и преподнес ей свое «Описание Тавриды».

Среди этого достаточно многочисленного списка авторов, интересующихся историей Крыма, наиболее ярко засияло имя могилевского римско-католического митрополита Станислава Богуша-Сестренцевича. Но какова же причина того, что человек, на первый взгляд, не имеющий никакого отношения к Крыму, заинтересовался его историей?

Дело в том, что 17 (28) января 1782 г. Екатерина II подписала указ, согласно которому в границах всей Российской империи было образовано Могилевское римско-католическое архиепископство, а его главою был назначен Станислав Богуш-Сестренцевич. Данный указ должен был быть передан ему Г.А. Потемкиным. Тот вызвал новоназначенного архиепископа к себе в Новороссию (современный юг Украины).

Весной 1783 г. Станислав Богуш-Сестренцевич тронулся в путь. В Кременчуге он встретился с всесильным фаворитом. А. Старчевский пишет о том, что, вероятно, во время одной из встреч, Г.А. Потемкин, пораженный эрудицией могилевского архиепископа, предложил ему написать «историю новоприобретенной страны». Вскоре в Могилевской типографии С. Богуша–

Сестренцевича была издана драма в стихах «Гиция в Тавриде. Трагедия, написанная автором «Истории Тавриды». Не смотря на то, что заглавие книги позволяет утверждать уже о существовании исследования по истории Крыма⁵, надо считать последнее выражение названия лишь анонсом скорого появления труда. Однако «имев по...должности мало свободных часов», могилевский митрополит сумел завершить свой труд лишь спустя 17 лет. В 1800 г. в городе «Брунsvик» (Брауншвейг) увидело свет двухтомное исследование на французском языке «История Тавриды»⁶. Интеллектуальное сообщество смогло познакомиться с работой могилевского митрополита год спустя, о чем свидетельствует посвящение Александру I, датированное июлем 1801 г. Через 5 лет (в 1806 г.) Станислав Богуш-Сестренцевич издал ее русский перевод⁷.

В своем сочинении автор опирается на данные античных и средневековых авторов (цитирует Страбона, Аппиана Александрийского, Аммиана Марцелина, Тацита, Плиния, Птолемея, Овидия, Светония, Диона Кассия, Георгия Синкелла, Прокопия Зонарру, Кедрена, Тертуллиана, летопись Дуклянина, хронику Длугоша). Однако отмечает их отрывочность и неполноту: «Мрачные записки древности, – писал он, – подобны тем старым медалям, коих надписи стерлись до половины и коих уничтожившиеся буквы невозможно возобновить иначе, как догадками по тем, кои остаются у нас». Труд состоит из 16 книг и охватывает период с древнейших времен до 1783 г. – года включения Крыма в состав Российской империи. Его содержание следующее: I. Тавры – первые обитатели Херсонеса Таврического, II и

⁵ Что дало, по всей видимости, повод польскому библиографу Эстрейхеру причислить первое издание «Истории Тавриды» к 1780 г. (Bohusz-Siestrzeńciewicz St. Histoire de la Tauride. – Brunświk, 1780).

⁶ Bohusz-Siestrzeńciewicz, S. Histoire de la Tauride / S. Bohusz-Siestrzeńciewicz. – Brunswick: Pierre-François Fauche et Comp., Imprimeurs-Libraires, 1800. – Vol. 1–2. (2-е изд.: Bohusz-Siestrzeńciewicz, S. Histoire du royaume de la Chersonese Taurique. Seconde éd. revue/ S. Bohusz-Siestrzeńciewicz. – St. Petrsbourg: L’Imprimerie de l’Academie Russe Imperiale, 1824. – Vol. 1–2.)

⁷ Богуш-Сестренцевич, С. История о Таврии / С. Богуш-Сестренцевич. – Санкт-Петербург: Типография Шнора, 1806. – Т. I.–II.

III. Таврия под властью киммереян, а потом скифов, IV. Скифы, тавры – обитатели Таврических гор, современники скифов до X века по христианскому летоисчислению, V. Херсонесская республика, или Херсонес в Тариде, VI. Таврия при босфорцах, VII. Амазонки, VIII. Сарматы в Тавриде, IX. Таврида под властью римлян, X. Таврида под владчеством гуннов, XI. Хозары в Тавриде с 679 по 894 год, XII. Таврида под властью печенегов, XIII. Таврида под властью руссов. XIV. Таврида под властью команов, или половцев. XV. Таврида под властью генуэзцев. XVI. Таврида под властью монголов и татар.

Однако, несмотря на огромный материал, собранный в данной работе, труд является лишь пересказом прочитанных автором источников, очень часто напоминая скорее историческую фантастику, чем научную монографию. В пользу «Истории Тавриды» можно привести лишь слова Ирины Владимировны Тункиной отметившей, что «несмотря на компилятивный характер и полное отсутствие критики использованных автором источников...эта книга явилась одним из первых сводных пересказов нарративной традиции о северном побережье Понта» [193, с. 42]. Для последующих поколений исследователей сочинение стало «вернейшим указателем источников, в коих можно находить сведения о Тавриде» [193, с. 42].

Вторым вопросом, наиболее волновавшим С. Богуша-Сестренцевича, как историка, была проблема происхождения славян. В XVII–XVIII веках в Речи Посполитой особенной популярностью пользовалась сарматская теория, согласно которой прародину славян надо искать в Сарматии (то есть в северном Причерноморье). Митрополит С. Богуш-Сестренцевич не был исключением. Работая над «Историей Тавриды», он заинтересовался доказательством того, что прямыми предками славян были сарматы. Еще 18 (30) января 1785 г. он написал письмо к архиепископу Евгению (Булгарису) (1716–1806), в котором просил его разъяснить: на каком языке разговаривали сарматы. Меньше чем через месяц (25 февраля (8 марта) 1785 г.) архиепископ Евгений, находящийся в то время в Херсоне, ответил письмом-трактатом, смысл которого сводился к тому, что сарматы разго-

варивали на славянском языке⁸. В 1810 краткое содержание наработанного С. Богушем-Сестренцевичем материала было опубликовано на французском языке в «Кратком перечне исторических исследований об истоках сарматов, эскавон и славян» («Sommaire de recherches historiques sur les origines des Sarmates, des Esclavons et des Slaves»). Mohilew, 1810).

В августе 1811 г. могилевский митрополит планировал опубликовать в Вильно на польском языке «Эпоху крещения сарматов, склавинов и истоки этих народов» («Epochy chrztu Sarmatów, Skławinów i początków tych narodów») [340, с. 299], но по каким-то неизвестным причинам с этой работой интеллектуальный свет Российской империи так и не познакомился. Вероятнее всего, рукопись этого труда под несколько иным заглавием «Исторические исследования о происхождении славян, а также литовского народа и его князей и эпох принятия ими христианской веры» («Badania historyczne o pochodzeniu Skławian a między niemi Litewskiego narodu i jego książąt i epokę przyjęcia przez nich wiary chrześcijańskiej») хранится в библиотеке Чарторыйских в Кракове. В конце концов, итог 25 летних изысканий С. Богуша-Сестренцевича был опубликован в «Исторических исследованиях о происхождении славян или эскавон и сарматов и эпох принятия ими христианства» («Recherches historiques sur l'origine des Slaves ou Esclavons et des Sarmates et sur les époques de la conversion de ses peuples au Christianisme» St. Petrsbourg, 1812. – Vol. 1–4. (2-ое изд.: *Precis des recherches historiques sur l'origine des Slaves ou Esclavons et des Sarmates et sur les époques de la conversion de ses peuples au Christianisme*. St. Petrsbourg, 1812. – Vol. 1–4; 3-е изд.: St. Petrsbourg, 1833. – Vol. 1–4.).

Если отделить часто противоречащие друг другу сведения и слишком явное фантазерство и выдумку, то основные выводы, к которым пришел автор, можно очертить следующими

⁸ Евгений (Булгарис). Письмо преосвященного Станислава Сестренцевича, архиепископа Могилевского, к преосвященному Евгению, архиепископу Булгарскому, и ответ сего святителя о том, что древние арматы говорили языком славянским / Евгений (Булгарис), С. Богуш-Сестренцевич // Вестник Европы. – 1805. – Ч. 21. – № 9. – С. 3–23.

тезисами: 1) общими предками славян и сарматов являются мидяне; 2) скифы, напавшие на Мидию в середине II тыс. до н.э., увели часть мидян на берега Танаиса (Дона). В древнегреческой литературе эти пленники получили название савроматы; 3) с течением времени сарматы завоевали огромные территории от Дона до Эльбы и Дуная; 4) славяне являются прямыми потомками сарматов; 5) поселившиеся в «Вагиварии» славяне (названные Константином Порфирородным кроатами (или хорватами)), являются предками «литвинов», «пруссов», «самогитян», «куронов» и «леттов»; 6) язык, на котором разговаривали сарматы – санскрит, на основе которого сформировались, в том числе, славянский и литовский языки; 7) существует 5 ветвей «Славянского языка»: а) «славянский первоначальный», сохранённый фракийцами и, используемый в богослужениях; б) «сербская» ветвь, включающая в себя, кроме сербского «болгарский» и «фессалоникийский» (македонской – *М.П.*) языки; в) «богемская» (чешская – *М.П.*) – «моравский», «силезский», «иллирийский», «далматинский», «хорватский»; г) «польская» – «кашубский», «вендский», «козакский», «сорабский»; д) «современный русский» – «современный малороссийский», язык «гор Венгрии», «боснийский», «расциенский», «краниэнский» и «стириенский».

Одновременно с изучением проблемы этногенеза славян митрополит Станислав Богущ-Сестренцевич приходит к выводу о существовании некогда единого восточнославянского государства – Русь, в состав которого входили, в том числе, белорусские и украинские земли (Западная Россия). Отметим, что для могилевского митрополита термины «Русь» и «Россия» были синонимичны. Фактически могилевский митрополит стоял на позициях «западноруссизма». Свои идеи он выразил в работе «О Западной России» («*O Rossyi Zachodniey niegdyś z państwem rossyiskim złączoney, potym zaś w smutnych czasach oderwaney*»), увидевшей свет в Могилевской типографии митрополита в 1793 г. По существу она является своеобразным популярным справочным пособием по истории восточных славян до XIII в. В первой главе автор излагает взгляды по проблеме происхождения славян, их прародины, этимологии этнонимов славянских племен, а также процессов образования у них государственности. Следующие главы фактически представляют собой ряд неболь-

ших заметок о наиболее значимых городах удельных княжеств Западной Руси, в которых приводится местоположение селения, и перечисляются князья, правившие в нем. По С. Богушу-Сестренцевичу славяне являются потомками сарматов, некогда живших на огромных территориях между Доном и Вислой и, разговаривавших на «финском языке». Со временем их оттеснили на север другие племена, среди которых были и эне-ты (венеды). Именно взаимная ассимиляция сарматов и венедов стала основой для будущего славянского этноса, начавшегося формироваться в районе реки Дунай. В V в. н.э. славяне были вытеснены валахами и хазарами. В зависимости от наиболее характерных особенностей рельефа местности, где они проживали, славянские племена получили этнонимы. Славяне, поселившиеся «на правом, высоком берегу Днепра, напротив впадающей в него Десны», получили название киевляне (от финского «Кы» – горец, житель гор). Славян, поселившихся севернее киевлян вплоть до реки Припять, стали называть древлянами (жителями лесов). На территории, ограниченной Припятью, Двиною, Березиной, Неманом, Бугом и Днепром, стали жить дреговичи. За Двиной, в районе болот около реки Полота – полочане. Около Смоленска, на «кривой», пересечённой местности поселились кривичи. От реки Рось славяне, жившие по её берегам, получили название поросяне, от реки Буг – бужане. Радимичи, пришедшие в междуречье Днепра и Сожа, принесли вместе с собою и собственный этноним в память о родине (Радомль на Висле) и предводителя. В Карпатах поселились «Горпады» (или Белые хорваты). По реке Морава – моравяне. Где р. Варта образует «лэнк» – ленчане. Ляхами стали называться славяне, жившие около реки Вислы и принявшие христианство латинского (ляцкого) обряда. Поляками стали называться племена, поселившиеся в «полях» около Вислы и на левой стороне Днепра. Этнонимом чехи «сарматы» называли славянские племена, живших на западе за Вислой и Татрами. Начало российской государственности С. Богуш-Сестренцевич относит к 862 году, когда, исполняя предсмертную просьбу посадника Гостомысла, жители Великого Новгорода призвали его внуков (сыновей «Варяго-русского короля» в Финляндии) Рюрика и двух его братьев. Рюрик принял титул великого князя русского. При его сыне Игоре столица Ру-

си была перенесена в Киев. Период «гражданских войн», начавшихся после смерти Владимира I и, продолжавшийся 200 лет, привел к завоеванию Руси татарами. Именно татарское иго привело к тому, что некогда единая Русь была разорвана на куски между ее соседями. Сегодня работа не представляет научной ценности. Она является лишь одним из библиографических примеров становления идей «западноруссизма» на белорусских землях и источником, позволяющим охарактеризовать видение могилевским митрополитом прошлого белорусов и украинцев.

Вновь проблема становления государственности на восточнославянских землях была затронута Станиславом Богушем-Сестренцевичем почти через четверть столетия в 1818 году, когда в Морской типографии (Санкт-Петербург) увидело свет «Исследование о происхождении русского народа». Труд включал в себя следующие разделы: I. Славяне новгородские призывают руссов из-за моря княжить. II. Отечество русских была земля, которую первоначально обитали скифы и готы. III. Роксоланы – древнейшие обитатели северных стран Европы. IV. Россы в Азии и Европе. V. Россы пришли в Новгород из Швеции или Свионии. VI. Тожество свионов и шведов. VII. Какая часть Швеции была Отечеством русских? VIII. Варяги нападают на Новгород, побеждают тамошних славян и налагают на них дань. IX. Новгородцы призывают варягов на княжение. X. Варяг-россы овладевают Новгородом. XI. Всему государству присвоено название России. Могилёвский митрополит вновь не был нов. Его рассуждения полностью построены в рамках «норманнской теории» происхождения государства у восточных славян.

Мнения современников о Станиславе Богуше-Сестренцевиче, как историке были противоречивы. Во многом на их характеристику влияло то положение, которое занимал могилевский митрополит среди российской бюрократической элиты и те политические взгляды, которыми наделяли его современники.

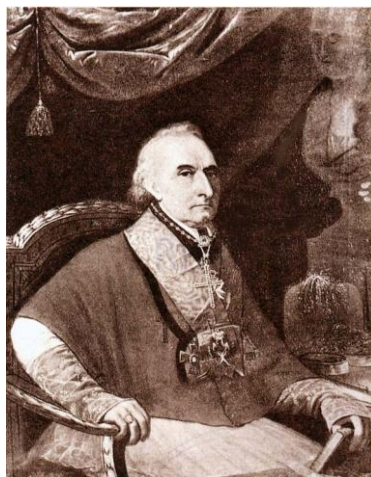
28 марта 1815 г. архиепископ Евгений (Булгарис) в сердцах воскликнул в письме к В.Г. Анастасевичу: «Если вы прочтете Сестренцевичеву историю о скифах, то сообщите мне свое мнение. Если эта книга подобна истории о Таврии, по достоинству разруганной покойным Шлецером, то не велико прираще-

ние литературе. Я читал сию историю беспорядочную, бездоказательную (ибо многие цитации весьма лживы и собраны ему разными езуитами, а не самим им), во многом неполную, а большим непринадлежащим наполненную, со многими странными в Истории парадоксами и проч. Я выходил иногда из терпения. Это не лучше затейливых книг Потоцкого» [200, с. 71–72]. Мнение православного иерарха еще дальше развил Зориан Доленга-Ходаковский, который анализируя исторические труды могилевского митрополита также не выдержал и написал: «...как в лесу после пожара, не нашел ни грибка, не одно высказывание не насытило меня». И в тоже время в защиту исторических работ Станислава Богуша-Сестренцевича выступили чешский славист кс. Юзеф Добровский [340, с. 300], профессор Виленского Университета Ян Лобойко, российский историограф Александр Старчевский. Их характеристики можно объединить в емком высказывании последнего: «В нашей исторической литературе начала XIX века Сестренцевич должен занять первое место после Карамзина» [183, с. 75]. Другой не менее известный историк и профессор Иоахим Лелевель, упоминая исторические исследования могилевского митрополита, нейтрально заметил: «...представляют они, так скажу, старинный летописный способ, соединённый с новым стилем. ...Много в них для чтения, а исследование не всегда от сомнения в правильности свободно, не всегда избавлено от противоречий...» [340, с. 132, 299].

Итак, митрополит Станислав Богуш-Сестренцевич оставил после себя сравнительно большой багаж из художественных и научных трудов (17 опубликованных и неопубликованных работ). Поэт, драматург, переводчик, философ, лингвист, филолог и историк, он пользовался среди своих современников заслуженной славой эрудита и популяризатора научного знания. Как историк могилевский митрополит не внес в историческую науку ничего нового. Его работы чаще напоминают историческую фантастику, чем научную монографию. Но он по праву может считаться одним из лучших популяризаторов прошлого в Российской империи начала XIX века. Беларусь для него является только составной частью России, которая входила в ее состав с начала формирования у славян государственности и только бла-

годаря татарскому игу на некоторое время оказавшейся оторванной от нее.

**Портреты митрополита С. Богуша–Сестренцевича в
разные годы жизни**

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в период с 1773 по 1826 гг. во главе Римско-католической церкви в Российской империи (в т.ч. на белорусских землях) стоял митрополит Станислав Богуш-Сестренцевич. Все важнейшие события, произошедшие в костеле, напрямую связаны с его деятельностью.

В историографии церковная деятельность митрополита оценивается двояко: часть исследователей (вслед за Д.А. Толстым) относятся к нему с похвалой, другая (вслед за С. Шантырем) – с порицанием. Но все они рассматривают могилевского митрополита в качестве «вдохновителя» российского правительства и инициатора большинства его законодательных и административных мероприятий. Анализ исторических источников показывает неправомочность подобных суждений. Станислав Богуш-Сестренцевич был не вдохновителем мероприятий российского правительства, а борцом с ними. Являясь приверженцем идей епископализма, он поставил во главу угла своей политической деятельности достижение автономии костела в Российской империи. Подобное не могло нравиться ни приверженцам цезаропапизма (ультрамонтанам), ни приверженцам жесткого государственного контроля. Современник эпохи Просвещения, С. Богуш-Сестренцевич во многом разделял ее идеи. Однако среди многочисленных ярких личностей этого сложного времени его судьба выделяется своей неординарностью. Воспитанный как протестант, он в зрелом возрасте сознательно и добровольно вернулся в католицизм и принял духовный сан. Воспитание в поликонфессиональной среде сделало его религиозно терпимым. Учеба в Германии расширила его кругозор и позволила познакомиться с идеями западноевропейской философской мысли. Набожность и серьезное отношение к исполняемым обязанностям были по достоинству оценены виленским епископом И. Массальским и Радзивиллами, которые помогли С. Богушу-Сестренцевичу подняться к вершинам иерархической лестницы Римско-католической церкви на белорусских землях. Переломным в судьбе С. Богуша-Сестренцевича стал 1773 г. Определяя его на белорусскую кафедру, российская императрица Екатерина II надеялась найти сотрудника, который не только был бы вер-

ным исполнителем ее воли, но также сумел бы понять ее политику, разделить ее идеи. Сам митрополит являлся одним из тех представителей католического духовенства, которые в XVIII в. выступали за идею подчинения церкви государству, видя в нем гаранта стабильного развития. Как церковный иерарх, С. Богуш-Сестренцевич был приверженцем идеи уменьшения вмешательства центра (римской курии) в региональные дела поместных церквей и был сторонником расширения власти епископов на местах. Митрополит никогда не желал играть роль мученика во имя церковных интересов. Даже если его мнение совпадало с требованием Ватикана, он все равно принимал сторону правительства. Во многом такая позиция была обусловлена негативным отношением к нему самой курии. Российские же монархи не оставались в долгу и щедро оплачивали ему его «измены» Святому Престолу. Екатерина II возвела С. Богуша-Сестренцевича в сан могилевского архиепископа-митрополита и заставила папу канонически утвердить свое назначение. Павел I наградил его рядом высших орденов и поставил во главе государственного органа, контролирующего деятельность Римско-католической церкви в империи — департамента римско-католических дел. Александр I строил планы создания автокефалии, что еще более расширило бы власть могилевского митрополита. Но эти победы давались С. Богушу-Сестренцевичу путем постоянной политической борьбы, как внутри самого костела (с приверженцами ультрамонтанов), так и с теми российскими бюрократами, которые стремились подчинить церковь тотальному контролю со стороны государства. Все же благодаря деятельности могилевского митрополита в Российской империи был создан политический институт, государственное вмешательство во внутренние дела которого, было минимальным. При внешнем согласии со всеми начинаниями правительства С. Богуш-Сестренцевич не переставал бороться за их изменение и приведение в соответствии со своими планами создания автокефалии.

В целом в церковно-государственной деятельности митрополита можно выделить три периода, которые хронологически определяются годами правления российских монархов (Екатерины II, Павла I и Александра I).

Первый период: 1773–1796 г. – период «знакомства» российского общества с ролью костела на белорусских землях и выработки основных направлений конфессиональной политики. Он, в свою очередь, делится на три подпериода: 1773–1783 гг. – время существования неканонического Белорусского епископства, 1783–1795 гг. – время существования Могилевского архиепископства и 1795–1796 гг. – время новых неканонических преобразований российского правительства территориально-административной структуры костела на белорусских землях. Станислав Богуш-Сестренцевич практически не оказывал никакого влияния на принятие российским правительством решений, касающихся Римско-католической церкви, и вынужден был внешне соглашаться с любым правительственным мероприятием. Такая позиция позволила ему не только создать у российских политиков мнение лояльного католического иерарха, но и фактически вывести костел из-под контроля государства и привести императрицу к мысли о необходимости организации Могилевского архиепископства-митрополии.

Второй период: 1796–1801 гг. – период повышения роли, оказываемой С. Богушем-Сестренцевичем на конфессиональную политику российского правительства. Первоначальная осторожность Павла I к католицизму и шаги по пути его подчинения по образцу протестантских государств (первый подпериод, 1796–1798 гг.), благодаря митрополиту были скорректированы на планы создания в империи автокефальной церкви (второй подпериод, 1798–1800 гг.). Они в свою очередь были изменены благодаря влиянию отца-иезуита Г. Грубера на идею объединения церквей и непосредственного подчинения католиков Апостольской Столице (третий подпериод, 1800–1801 гг.). Митрополит С. Богуш-Сестренцевич, проиграв иезуитам борьбу за влияние на Павла I, вынужден был удалиться в собственное имение Мелятичи.

Третий период: 1801–1825 гг. – начало перехода российского правительства к установлению тотального государственного контроля над деятельностью костела в империи. Если в первый период царствования Александра I (с 1801 по 1812 гг.) российское правительство лавировало между двумя противоборствующими в Римско-католической церкви партиями (автокефа-

листами и ультрамонтанами), то после непродолжительного этапа (1813–1816 гг.) поддержки идеи автономии костела в империи перешло на путь установления бюрократического контроля над жизнью католиков в империи (1816–1825 гг.).

В целом, статус Римско-католической церкви рассматривался российским правительством в связи с вопросом органичного включения белорусских земель в государственный механизм империи. Формирование политики по отношению к костелу основывалось на принципе примата государства над церковью. Позицию правительства прекрасно понимал С. Богуш-Сестренцевич. Законодательные основы, регулирующие положение Римско-католической церкви в Российской империи были заложены перед его приездом в Могилев. Благодаря продуманной политической деятельности митрополита законодательные распоряжения российского правительства, направленные на подчинение жизни костела в империи или остались декларацией намерений, или были отменены. Но проекты С. Богуша-Сестренцевича по созданию автокефалии также не были законодательно закреплены государством. Они натолкнулись на сопротивление как со стороны некоторых церковных иерархов и иезуитов, стоявших на позициях цезаропапизма, так и со стороны ряда российских бюрократов, выступавших за установление жесткого государственного контроля. Как результат, правовое положение Римско-католической церкви менялось в зависимости от того, какая группа политиков побеждала в борьбе за благосклонность императора.

Наравне с церковно-государственной деятельностью С. Богуш-Сестренцевич активно занимался вопросами внутреннего развития костела в империи: формировании суффраганальной, архидеканальной, деканальной и приходской структуры. На протяжении 53 лет управления сначала Белорусской епархией, а затем Могилевским архиепископством ему в работе помогало 9 викарных епископов, 10 архидьяконов, 36 прелатов и каноников. Возглавив в 1773 г. Римско-католическую церковь в Российской империи, С. Богуш-Сестренцевич активно включился в процесс развития деканальной и приходской структуры как на восточно-белорусских землях, так и в границах всей империи. Если в 1773 г. религиозные потребности верующих в восточной Беларуси

обслуживало 34 прихода, входивших в состав 4 деканатов, то к концу его руководства число парафий увеличилось до 46, входящих в состав 15 деканатов. Еще большее увеличение наблюдалось в рамках всего архиепископства: с 69 (в 1773 г.) до 231 (в 1823 г.) приходов. Количественный рост приходов требовал увеличения числа грамотных священнослужителей, необходимых для их обслуживания. Для этого митрополитом было создано три семинарии (в Могилеве, Киеве и Белостоке), которые вместе с Креславской семинарией смогли удовлетворить потребности архиепископства в духовенстве. Такие успехи стали возможны благодаря гибкой политике митрополита Станислава Богуша-Сестренцевича, направленной на сотрудничество с государственными органами власти.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абабурка, М. Дзядзька Станіслаў. Пра асветніка Магілёўшчыны XVIII і XIX стст. Станіслава Іванавіча Богуш-Сестранцэвіча / М. Абабурка // Магілёўская праўда. – 1990 – 7 жн. – С. 4.
2. Акты и грамоты о устройстве и управлении Римско-католической церкви в Российской империи и Царстве Польском. – Санкт-Петербург: Тип. Второго отд. собств. е.и.в. канцелярии, 1849. – 240 с.
3. Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией. Документы, относящиеся к истории церковной унии в России. – Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1889. – Т. XVI. – 705 с.
4. Альбовский, Е. Император Павел I и митрополит Станислав Сестренцевич-Богуш (по фамильным преданиям) / Е. Альбовский // Русская старина. – 1897. – Т. 90. – С. 279–282.
5. Амара-Пуянье, М. Посол Его Святейшества. Деятельность Томмазо Ареццо, апостольского нунция в Санкт-Петербурге в царствование Александра I / М. Амара-Пуянье. – СПб.: Глаголь, 1996. – 198 с.
6. Андреев, А.Н. Католицизм и общество XVIII в.: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / А.Н. Андреев. – Челябинск, 2004. – 229 л.
7. Андреев, А.Р. История ордена иезуитов. Иезуиты в Российской империи. XVI – начало XIX вв. / А.Р. Андреев. – М.: Русская панорама, 1998. – 256 с.
8. Аникеев, А.А. Принципы и методы классической историографии // Исторический портал [Электронный ресурс] – 2006. – Режим доступа: <http://www.history.perm.ru/modules/smartsection/item.php?itemid=28> – Дата доступа: 11.05.2007.
9. Анішчанка, Я.К. Беларусь у часы Кацярыны II (1772–1796 гг.) / Я.К. Анішчанка; пад рэд. У.А. Сосны. – Мінск: ЗАО Веды, 1998. – 220 с.
10. Анішчанка, Я.К. Дзеля адной цікавасці (Аб апісанні рымска-каталіцкіх кляштароў Полацкай губерніі ў 1782 г.) / Я.К. Анішчанка // Хрысціянская думка. – 1993. – № 2. – С. 173–179.

11. Анішчанка, Я.К. Канфесійнае становішча ў Магілёўскай і Полацкай губерніях (70–80 гг. XVIII ст.) / Я.К. Анішчанка // Весці Акадэміі навук Беларусі. Серыя грамадскіх навук. – 1994. – № 4. – С. 51–60.

12. Анішчанка, Я.К. Перавод беларускіх уніятаў у праваслаўе ў 1781–1783 гг. / Я.К. Анішчанка // 3 гісторыі ўніяцтва ў Беларусі (да 400 – годдзя Брэсцкай уніі) / С. Марозава, Т. Казакова, Ю. Бохан [і інш.]; пад рэд. М.В. Біча і П.А. Лойкі. – Мінск: Экаперспектыва, 1996. – С. 85–89.

13. Антановіч, З.В. Арганізацыя справаводства рыма-каталіцкіх кансісторый на Беларусі ў сярэдзіне XIX ст. / З.В. Антановіч // Беларускі археаграфічны штогоднік. – 2008. – Вып. 9. – С. 155–166.

14. Антановіч, З.В. Дакументацыя па дыяцэзіяльнаму кіраўніцтву ў архівах Мінскай і Магілёўскай рымска-каталіцкіх кансісторый (1773 – 1918 гг.) / З.В. Антановіч // Мінулае і сучаснасць: архівы ў сістэме гуманітарных ведаў: матэрыялы Міжнар. навук. канф., прысвечанай 100-годдзю Віцебскай вучонай архіўнай камісіі. Мінск. 20 мая 2009 г. / рэдкал.: Н.М. Дзятчык, С.У. Жумар, В.С. Пазднякоў [і інш.]. – Мінск: БелНДІДАС, 2010. – С. 129 – 138.

15. Антановіч, З.В. Крыніцы па асабістым складзе духавенства XIX ст. у архіўным фондзе НГАБ «Магілёўская рымска-каталіцкая кансісторыя» / З.В. Антановіч // Архіварыўс. – 2009. – Вып. 7. – С. 100–109.

16. Антановіч, З.В. Роля рымска-каталіцкіх кансісторый у захаванні польскіх культурных традыцый на Беларусі ў 1772—1917 гг. / З. Антановіч // Актуальныя праблемы паланістыкі: [зборнік навуковых артыкулаў] / рэд.: С. Важнік, А. Кожынава. – Мінск : Права і эканоміка, 2009. – С. 5—12.

17. Антановіч, З.В. Фармулярныя спісы рымска-каталіцкага духавенства Магілёўскай архідыяцэзіі як крыніца па гісторыі Каталіцкай царквы / З.В. Антановіч // Архівы і справаводства. – 2009. – № 6. – С. 128–134.

18. Аркетти, Д.А. Слово, говоренное в Санкт-Петербургской кафолической церкви папским послом при императорском российском дворе Халкидонским архиепископом

Аркетти 18 генваря 1784 г. / Д.А. Аркетти. – СПб.: Тип. Мор. кадет. корп., 1784. – 9 с.

19. Архив Государственного Совета. – СПб: Тип. Второго отд. собств. е.и.в. канцелярии, 1869. – Т. 1, ч. 2. – III, 932, XLVIII с.

20. Белецкий, А.В. Заботы императрицы Екатерины II о распространении образования в Полоцкой и Могилевской губерниях. Исторический очерк / А.В. Белецкий. – Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1905. – 62 с.

21. Белецкий, А.В. Исторический обзор деятельности Виленского учебного округа 1803–1903 гг. / А.В. Белецкий. – Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1905. – Ч. 1, отд. 1. – 565 с.

22. Белоголов, И.М. Акты и документы, относящиеся к устройству и управлению Римско-католической Церкви в России / И.М. Белоголов. – Петроград: Тип. Д.А. Алексеева, 1915. – Т. 1. – 482 с.

23. Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов / Составители В.В. Чепко, В.В. Шатилло. – Минск: Изд. Акад. наук БССР, 1961. – Т. III. – 626 с.

24. Блинова, Т.Б. Иезуиты в Белоруссии. Роль иезуитов в организации образования и просвещения / Т.Б. Блинова. – Гродно: ГрГУ, 2002. – 425 с.

25. Богословский, К. Государственное положение Римско-католической церкви в России от Екатерины II до настоящего времени / К. Богословский. – СПб.: [б.м.и.], 1898. – 144 с.

26. Булавина, М.А. Правовое положение Католической церкви в России в XVIII в.: автореф. дис. ... канд. юр. наук 12.00.01 / М.А. Булавина; Рос. акад. гос. службы при Президенте Российской Федерации. – М., 2008. – 26 с.

27. Великович, Л.Н. Черная гвардия Ватикана / Л.Н. Великович. – М.: Мысль, 1981. – 231с.

28. Вигель, Ф.Ф. Записки: в 7 частях / Ф.Ф. Вигель. – М.: Изд. Русского архива, 1891–1893. – Ч. 1–7.

29. Винтер, Э. Папство и царизм / Э. Винтер. – М.: Прогресс, 1964. – 533 с.

30. Вишленкова, Е.А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века /

Е.А. Вишленкова. – Саратов: Изд. Саратовского университета, 2002. – 467 с.

31. Вишленкова, Е.А. Религиозная политика в России (первая треть XIX века): автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02 / Е.А. Вишленкова; Казанский гос. ун-т. – Казань, 1999. – 39 с.

32. Вишленкова, Е.А. Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение» России Александровской эпохи / Е.А. Вишленкова. – Казань: КГУ, 1997. – 189 с.

33. Внешняя политика России XIX и начала XX веков: документы российского министерства иностранных дел. Серия первая. 1801–1815. – М.: Гос. изд. полит. лит., 1960–1965. – Т. 2. – 744 с.

34. Внешняя политика России XIX и начала XX веков: документы российского министерства иностранных дел. Серия вторая. 1815–1830. – М.: Госполитиздат, 1974–1982. – Т. 1. – 822 с.

35. Ганчарук, І.Г. Палітыка царызму ў адносінах да Каталіцкай царквы (1772–1830) / І.Г. Ганчарук // Беларускі гістарычны часопіс. – 2002. – № 1. – С. 39–46.

36. Ганчарук, І.Г. Каталіцкі касцёл на Беларусі ў складзе Расійскай імперыі. 1772–1830 гг.: дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / І.Г. Ганчарук. – Мінск, 2005. – 136 л.

37. Ганчарук, І.Г. Каталіцкія манаскія ордэны на Беларусі ў 1770–1820-ыя гг. / І.Г. Ганчарук // Наша вера. – 2004. – № 4. – С. 66–71.

38. Ганчарук, І.Г. Каталіцкія манаскія ордэны ў Беларусі ў 1770–1820-ыя гг. (Спецыфіка духоўнасці і фармацыйныя дамы) / І.Г. Ганчарук // Гістарычны альманах. – 2003. – Т. 9. – С. 185–196.

39. Ганчарук, І.Г. Навучальныя ўстановы Рыма-каталіцкай царквы ў Беларусі: канец XIV–XX стст. / І.Г. Ганчарук // Беларусіка=Albaruthenica. – Мінск: Нацыянальны навукова-асветніцкі цэнтр імя Ф. Скарыны, 1997. – Т. 6, ч. 1: Беларусь паміж Усходам і Захадам. Праблемы міжнацыянальнага, міжрэлігійнага і міжкультурнага ўзаемадзеяння, дыялогу і сінтэзу. – С. 180–188.

40. Ганчарук, І.Г. Палітыка рускага самадзяржаўя ў адносінах да Каталіцкага касцёла 1772–1830 гг. / І.Г. Ганчарук // Наша вера. – 2001. – № 3. – С. 47–51.
41. Ганчарук, І.Г. Становішча і арганізацыйная структура Рымска-каталіцкага касцёла на беларускіх землях у складзе Расійскай імперыі (1772–1830 г.) // Гістарычны альманах. – 2002. – Т. 6. – С. 96–117.
42. Гейкінг, К.Г. Император Павел и его время. Записки курляндского дворянина. 1796–1801 / К.Г. Гейкінг // Русская старина. – 1887. – Т. 56. – № 11. – С. 365–394.
43. Глаголев, А. Воспоминание о митрополите Римско-католической Церкви в России: Станислав Богуш-Сестренцевич и Гаспар Колюмна-Цецишовский / А. Глаголев // Журнал Министерства Внутренних дел. – 1835. – Ч. XV. – № 1. – С. 149–163.
44. Глебов, И. Историческая записка о Слуцкой гимназии с 1617–1630–1901 гг. / И. Глебов. – Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1903. – XII, 217 с.
45. Горючко, П. Материалы для истории воссоединения униатов в Белоруссии 1780–1795 гг. Списки воссоединенных церквей / П. Горючко. – Могилев: Тип. Ш. Фридланда. 1903. – 8 с.
46. Григорьев, С.Л. Религиозные взгляды и религиозная политика Павла I: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / С.Л. Григорьев. – Екатеринбург, 2004. – 248 л.
47. Грицкевич, В.П. Теория и история источниковедения. Учебное пособие / В.П. Грицкевич, С.Б. Каун, С.Н. Ходин. – Минск: БГУ, 2000. – 130 с.
48. Губіна, В.У. Канфесійная палітыка расійскага ўрада на тэрыторыі Беларусі ў 1801–1839 гг. / В.У. Губіна // Весці Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. Серыя 2. – 1999. – № 1. – С. 72–77.
49. Жукович, П.Н. Об основании и устройстве Главной духовной семинарии при Виленском университете (1803–1832) / П.Н. Жукович // Христианские чтения. – 1887. – Ч. 1. – С. 237–286.

50. Задворный, В. История Католической церкви в России. Краткий очерк / В. Задворный, А. Юдин. – М.: Колледж католической теологии св. Фомы Аквинского, 1995. – 32 с.

51. Законодательство Екатерины II: в 2 томах / редкол.: О.И. Чистяков [и др.]. – М.: Юридическая литература, 2000. – 1056 с.

52. Законоположения и правительственные распоряжения до Римско-католической церкви в России, относящиеся со времени правления царей Петра и Иоанна Алексеевичей с 1669 по 1867 г. включительно. – Вильна: Тип. А. Киркора, 1868. – 508 с.

53. Записки о том, как было сохранено в Белоруссии Общество Иисуса // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. – М.: Наука, 1991. – Вып. 2. – С. 163–171.

54. Захаров, В.А. Мальтийский орден и его место в системе европейских государств / В.А. Захаров // Вопросы истории. – 2006. – № 8. – С. 22–37.

55. Зінченко, А.Л. Акти визитації монастирів і костьолів XVIII – першої половини XIX ст. як історичне джерело / А.Л. Зінченко // Винницький краєведческий музей [Электронный ресурс] – Винница, 2006. – Режим доступа: http://museum.vn.ua/PagEd+index-printerfriendly-1-page_id-96.html. – Дата доступа: 26.05.2007.

56. Зянюк, Р.У. Фарміраванне сеткі духоўных семінары на тэрыторыі Віленскай, Мінскай і Магілёўскай дыяцэзіі ў канцы XVIII – XIX ст. / Р.У. Зянюк // Весці Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. Сер. 2. – 2010. – № 4. – С. 32–37.

57. Ивановский, А. Станислав Богуш–Сестренцевич, первый римско-католический митрополит в России / А. Ивановский // Русский мир. – 1872. – №234–235.

58. Ільяшэвіч, М. Расійская палітыка на землях былога беларуска-літоўскага гаспадарства за панавання Кацярыны II і Паўлы I (1772–1801) / М. Ільяшэвіч. – Вільня: Друк. Я. Левіна, 1933. – 24 с.

59. Инглот, М. Общество Иисуса в Российской империи (1772-1820 гг.) и его роль в повсеместном восстановлении

Ордена во всем мире / М. Инглот. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2004. – 632 с.

60. Ішчанка, С. Вучоны і паэт ... ў кардынальскай мантыі / С. Ішчанка // *Культура*. – 2001. – 8–14 чэрв. – С. 14.

61. Казуля, С. Слуцкая гімназія / С. Казуля, А. Самусік // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т.* – Мінск, 2001. – Т. 6, кн. 1: – С. 349.

62. Каленік, Н. Пралат Станіслаў Шантыр / Н. Каленік // *Наша вера*. – 2002. – № 2. – С. 66–67.

63. Катлярчук, А.С. Жазэф дэ Местр і Тадэвуш Бржазоўскі ў справе адкрыцця Полацкай езуіцкай акадэміі / А.С. Катлярчук // *Віцебскі сшытак*. – 1997. – № 3. – С. 95–99.

64. Каханоўскі, Г.А. Богуш-Сестранцэвіч С. // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т.* – Мінск, 1994. – Т. 2. – С. 52.

65. Каханоўскі, Г.А. Богуш-Сестранцэвіч С. // *Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі: у 5 т.* – Мінск, 1984. – Т. 1. – С. 458.

66. Каханоўскі, Г.А. Зменлівая фартуна / Г.А. Каханоўскі // *Адчыніся таямніца часу: Гістарычна-літаратурныя нарысы* / Г.А. Каханоўскі. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1984. – С. 69–75.

67. Каханоўскі, Г.А. Зменлівая фартуна / Г.А. Каханоўскі // *Краязнаўчая газета*. – 2006. – кастрычнік. – № 39. – С. 4.

68. Каханоўскі, Г.А. Сем прыгод Богуш-Сестранцэвіча / Г.А. Каханоўскі // *Голас Радзімы*. – 1980. – 20 сак. – С. 7–8.

69. Кирьянов, А.А. Религиозное течение католицизма в контексте политического курса Александра I. Автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / А.А. Кирьянов; Московский гос. педагог. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. – М., 1999. – 18 с.

70. Кіштымаў, А. Станіслаў Богуш-Сестранцэвіч / А. Кіштымаў // *Славутыя імяны Бацькаўшчыны: зборнік*. / Беларускі фонд культуры; рэдкал.: А. Грыцкевіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2003. – Вып. 2. – С. 366–373.

71. Кіштымаў, А. Чалавек сваей эпохі: Станіслаў Сестранцэвіч-Богуш – першы рыма-каталіцкі мітрапаліт Расійскай імперыі / А. Кіштымаў // Історія релігії в Україні: Праці XIII-ї Міжнародної наукової конференції, Львів, 20–24 травня 2002 р. – Львів: Логос, 2002. – Кн. 1. – С. 199–206.
72. Криксин, В.С. Несколько слов о дневнике Сестренцевича, первого митрополита всех Римско-католических церквей в России. По поводу изданного в книге XVI «Старины и новизны» дневника Сестренцевича за 1797 и 1798 гг. / В.С. Криксин – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. – 23 с.
73. Кузнецов, Н.Д. Управление делами иностранных вероисповеданий в России в его историческом развитии / Н.Д. Кузнецов. – Ярославль: Тип. Э.Г. Фалька, 1898. – 240 с.
74. Лиценбергер, О.А. Римско-католическая и евангелическо-лютеранские церкви в России: сравнительный анализ взаимоотношений с государством и обществом (XVIII – начало XX вв.): автореф. дис. ... д-ра истор. наук. 07.00.02 / О.А. Лиценбергер; Саратов. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. – Саратов, 2005. – 36 с.
75. Лиценбергер, О.А. Римско-католическая церковь в России: история и правовое положение / О.А. Лиценбергер. – Саратов: ПАГС, 2001. – 384 с.
76. Лукша, С.В. Рускае заканадаўства ў адносінах да Каталіцкага касцёла на беларускіх землях у 1772–1830 гг. / С.В. Лукша, С.П. Барыс // Гісторыя Беларусі: новае ў даследаванні і выкладанні. Матэрыялы рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі. Мінск. 25 кастрычніка 2002 г. / Белар. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка; рэдкал.: У.В. Тугай (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск., 2002. – С. 34–38.
77. Лушпай В.Б. Иезуиты в политике Екатерины II / В.Б. Лушпай // Вопросы истории. – 1999. – № 8. – С. 130–137.
78. Лушпай В.Б. Иезуиты в России второй половины XVIII века: автореф. дис. канд. истор. наук: 07.00.02 / В.Б. Лушпай; Рос. гос. гум. ун-т. – М., 2002. – 24 с.
79. Лушпай, В.Б. Антипапская пропаганда белорусских иезуитов во второй половине XVIII в. / В.Б. Лушпай // Вопросы истории. – 2001. – № 1. – С. 124–134.

80. Мальдзіс, А.І. Мітрапаліт Станіслаў Богуш-Сестранцэвіч як асоба энцыклапедычная / А.І. Мальдзіс // Нашыя святыні: Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі, прысвечанай 500-годдзю Мінскага фарнага касцёла, 225-годдзю Магілёўскай архідыяцэзіі, 210-годдзю Мінскай дыяцэзіі, Мінск, 7 чэрвеня 2008 г. / Польскі інстытут у Мінску; рэдкал.: Т. Кандрусевіч [і інш.]; навук. рэд. Т. Кандрусевіч, А.І. Мальдзіс, М. Каламайска. – Мінск: Выд. В. Хурсік, 2009. – С. 36–40.

81. Мараш, Я.Н. Очерки истории экспансии католической церкви в Белоруссии XVIII в. / Я.Н. Мараш – Минск: Вышэйшая школа, 1979. – 288 с.

82. Мельников, М. ... И прадедов слава травой по-росла. О могилёвском архиепископе Станиславе Богуше-Сестренцевиче / М. Мельников // Магілёўская праўда –1993. – 2 лют. – С. 3.

83. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1802. – СПб.: Импер. акад. наук, 1802. – Ч. I. – XXIV, 511, VIII с.

84. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1804. – СПб.: Импер. акад. наук, 1804. – XXIV, 279, 355, XI с.

85. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1810. – СПб.: Импер. акад. наук, 1810. – Ч. I. – 602 с.

86. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1826. – СПб.: Импер. акад. наук, 1826. – Ч. I. – X, 920, XIX с.

87. Морошкин, М. Иезуиты в России с царствования Екатерины II и до нашего времени: в 2 частях / М. Морошкин. – СПб.: Тип. Второго отд. собств. е.и.в. канцелярии, 1867. – Ч. 1–2.

88. Мосейчук, Л.И. Высшее духовное католическое образование в Беларуси первой трети XIX в. / Л.И. Мосейчук // Адукацыя і выхаванне. – 2004. – № 11. – С. 76–79.

89. Муравская, Е.А. Правовое регулирование государственно-конфессиональных отношений в России в XVIII–XX вв.: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Е.А. Муравская. – Ставрополь, 2002. – 198 л.

90. Мурзакевич, Н. Архиепископ католический Станислав Богуш-Сестренцевич / Н. Мурзакевич // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. – 1875. – Т. IX. – С. 339–342.

91. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 1297. – Оп. 1. – Д. 1988. Дело по прошению Чериковского поветового маршала Сестрженцевича и коллежского асессора Богуша о разделе имения между наследниками митрополита Сестрженцевича. 1828 г.

92. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 1297. – Оп. 1. – Д. 6820. Дело о вступлении епископа Валериана в должность администратора Могилевской римско-католической епархии. 1833 г.

93. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 1297. – Оп. 1. – Д. 11276. Дело о соединении Звенигородской римско-католической семинарии с Могилевской. 1839 г.

94. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 1297. – Оп. 1. – Д. 15689. Дело по предложению генерал-губернатора об отчислении из Могилевской римско-католической епархии Белостокской области. 1847 г.

95. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 1297. – Оп. 1. – Д. 20411. Дело по отношению МВД о присоединении Киевского римско-католического архидьяконатства к Луцко-Житомирской епархии. 1849 г.

96. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 367. Дела о высылке из России иезуитов. 1816–1822 гг.

97. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 1781. – Оп. 2. – Д. 5. Дело о Шкловском монастыре по жалобам приора Повсловского. 1792–1796 гг.

98. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 1781. – Оп. 2. – Д. 30. О перемещении администраторов и куратов церквей. 1803 г.

99. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 1781. – Оп. 2. – Д. 47. О поручениях даваемых архиепископским управлением Белорусскому архидьякону ксендзу Ваньковичу. 1803 г.

100. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 1781. – Оп. 2. – Д. 53. Дело прелата Ваньковича с таковым же Станкевичем об имение Вядзец. 1797–1800 гг.
101. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 1781. – Оп. 2. – Д. 67. Дело об употреблении суммы на Могилевскую семинарию и о прочем. 1802 г.
102. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 1781. – Оп. 2. – Д. 74. Дело покойного официала ксендза Берента Ливенмуйжского. 1805–1807 гг.
103. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 1781. – Оп. 2. – Д. 1929. Документы умершего епископа суффрагана и официала могилевского Мождженевского. 1810–1819 гг.
104. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 1781. – Оп. 3. – Д. 23. О неблагоприятных поступках священников. 1800–1823 гг.
105. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 1781. – Оп. 3. – Д. 36. Дела посмертные. 1803–1831 гг.
106. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 1781. – Оп. 25. – Д. 1 Наряд входящих бумаг за 1785 г.
107. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 1781. – Оп. 25. – Д. 2. Наряд входящих бумаг за 1786 г.
108. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 1781. – Оп. 25. – Д. 3. Наряд входящих бумаг за 1789 г.
109. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 1781. – Оп. 25. – Д. 4. Наряд входящих бумаг за 1815 г.
110. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 1781. – Оп. 25. – Д. 8. Наряд входящих бумаг за 1819–1821 гг.
111. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 1781. – Оп. 25. – Д. 12. Наряд входящих бумаг за 1824. Ч.1.
112. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 1781. – Оп. 25. – Д. 75. Формулярные списки киевских каноников за 1824 г.
113. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 1781. – Оп. 26. – Д. 1. Указы Римско-католической духовной коллегии за 1797–1800 гг.

114. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 1781. – Оп. 26. – Д. 4. Указы Римско-католической духовной коллегии за 1799 г.
115. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 1781. – Оп. 26. – Д. 5. Указы Римско-католической духовной коллегии за 1800 г.
116. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 1781. – Оп. 26. – Д. 6. Указы Римско-католической духовной коллегии за 1801 г. Ч. 1.
117. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 1781. – Оп. 26. – Д. 8. Указы Римско-католической духовной коллегии за 1801–1802 гг.
118. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 1781. – Оп. 26. – Д. 9. Указы Римско-католической духовной коллегии за 1802 г. Ч. 1.
119. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 1781. – Оп. 26. – Д. 11. Указы Римско-католической духовной коллегии за 1803 г. Ч. 1.
120. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 1781. – Оп. 26. – Д. 12. Указы Римско-католической духовной коллегии за 1803 г. Ч. 2.
121. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 1781. – Оп. 26. – Д. 14. Указы Римско-католической духовной коллегии за 1803–1805 гг.
122. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 1781. – Оп. 26. – Д. 15. Указы Римско-католической духовной коллегии за 1804 г. Ч. 1.
123. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 1781. – Оп. 26. – Д. 23. Указы Римско-католической духовной коллегии за 1807–1808 гг.
124. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 1781. – Оп. 26. – Д. 28. Указы Римско-католической духовной коллегии за 1809–1810 гг.
125. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 1781. – Оп. 26. – Д. 31. Указы Римско-католической духовной коллегии за 1811–1813 гг.

126. Национальный исторический архив Беларуси. — Фонд 1781. — Оп. 26. — Д. 46. Указы Римско-католической духовной коллегии за 1817–1819 гг.

127. Национальный исторический архив Беларуси. — Фонд 1781. — Оп. 26. — Д. 353. Журналы Могилевской римско-католической духовной консистории за 1799–1800 гг.

128. Национальный исторический архив Беларуси. — Фонд 1781. — Оп. 27. — Д. 627. Письма митрополита С. Сестренцевича за 1799 гг.

129. Национальный исторический архив Беларуси. — Фонд 1781. — Оп. 28. — Д. 21. Инвентарные описи имуществ римско-католических монастырей и церквей, в том числе принадлежавших им фольварков. 1816–1836 гг.

130. Национальный исторический архив Беларуси. — Фонд 1781. — Оп. 28. — Д. 23. Сведения о завещаниях и пожертвованиях в пользу римско-католических церквей. 1818–1822 гг.

131. Национальный исторический архив Беларуси. — Фонд 1781. — Оп. 28. — Д. 25. Рапорты, донесения и ходатайства разных лиц, характеризующие положение римско-католических монастырей и церквей. 1819–1898 гг.

132. Национальный исторический архив Беларуси. — Фонд 1781. — Оп. 28. — Д. 59. Дело о состоянии учебных заведений. 1815, 1826–1857.

133. Национальный исторический архив Беларуси. — Фонд 1781. — Оп. 28. — Д. 66. Сведения о жизни и деятельности митрополита Сестренцевича. 1816–1827 гг.

134. Национальный исторический архив Беларуси. — Фонд 1781. — Оп. 28. — Д. 84. Личные документы: аттестаты о службе, метрические выписки, паспорта. 1816–1916.

135. Национальный исторический архив Беларуси. — Фонд 1781. — Оп. 28. — Д. 215. Переписка князя А.Н. Голицына с митрополитом Сестренцевичем о высылке из России иезуитов. 1815–1822 гг.

136. Национальный исторический архив Беларуси. — Фонд 1781. — Оп. 28. — Д. 281. Наряд входящих бумаг, в том числе ревизские сказки, инвентари фольварков, ведомости об имуществе и другие документы, содержащие сведения о тяжелом положении крестьян. 1800–1829 гг.

137. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 1781. – Оп. 28. – Д. 287. Протоколы заседаний Могилевского архикафедрального капитула, денежные отчеты и приходно-расходные ведомости, сведения о ремонте архикафедральной церкви. 1818 г.

138. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 50. Дело об удалении из России иезуитов, о принятии ведомствами казённой палаты принадлежавших им имений с крестьянами. 1821–1821 гг.

139. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 2567. – Оп. 1. – Д. 47. Ведомости консисторий о количестве церквей, монастырей и численности населения католического, униатского и лютеранского вероисповеданий, проживающих на территории Полоцкой и Могилёвской губерний. 1782–1785 гг.

140. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 3219. – Оп. 1. – Д. 769. Дело об объявлении указа Сената от 9 марта 1798 г. о назначении членов коллегии. 1798 г.

141. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 3219. – Оп. 1. – Д. 771. Дело об объявлении указа Сената об учреждении 6 римско-католических епархий. 1798 г.

142. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 3219. – Оп. 1. – Д. 772. Указ Сената от 10 июня 1798 г. о сохранении в России Мальтийского ордена и учреждении приорств и командорств этого ордена. 1798 г.

143. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 3219. – Оп. 1. – Д. 778. Указ Сената с приложением утвержденного регламента для церквей и монастырей римско-католического исповедания. 1798 г.

144. Некрология // Северная пчела. – 1826. – 16 дек. – С. 1.

145. Ножнікаў, М. Афіцэр, святар, паліграфіст Станіслаў Богуш–Сестранцэвіч (1731–1826) / М. Ножнікаў // Веснік Магілёва. – 1997 – 22 ліп. – С. 4.

146. Оболенский, М.А. Переписка по делу об открытии в Белоруссии иезуитского новициата / М.А. Оболенский // Сборник Русского императорского исторического общества. – 1867. – Т. 1. – С. 421–539.

147. Оржеховский, И.В. Богуш–Сестренцевич Станислав / И.В. Оржеховский, В.А. Теплова, Е.Н. Филатова // Православная энциклопедия. – Т. 5. – С. 558–559. [Электронный ресурс] – 2009. – Режим доступа: <http://www.pravenc.ru/text/149629.htm> – Дата доступа: 06.08.2009.
148. Петрова, М.А. Отношение к иезуитам Екатерины II и ее ближайшего окружения / М.А. Петрова // Россия и иезуиты. 1772–1820 / Институт всеобщей истории РАН, Исторический институт Общества Иисуса; под ред. М. Инлота SJ, Е.С. Токаревой. – Москва: Наука, 2006. – С. 61–90.
149. Петрова, М.А. Иезуиты в церковной политике Павла I / М.А. Петрова // Россия и иезуиты. 1772–1820 / Институт всеобщей истории РАН, Исторический институт Общества Иисуса; под ред. М. Инлота SJ, Е.С. Токаревой. – Москва: Наука, 2006. – С. 161–180.
150. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. [Первое собрание]. – СПб.: Тип. Второго отд. собств. е.и.в. канцелярии, 1830. – Т. IX – XL.
151. Пржецлавский, О.А. Станислав Сестренцевич–Богуш / О.А. Пржецлавский // Русская старина. – 1890. – Т. 66. – № 4. – С. 158–166.
152. Пушкін, І. Станіслаў Богуш-Сестранцэвіч (1731–1826) / І. Пушкін // Магілёўскія ведамасці. – 1998. – 31 студ. – С. 4.
153. Пушкин, И. Архиепископ Могилевщины, который был главным российским академиком / И. Пушкин, И. Курков // Могилевщина: легенды, события, люди / И. Пушкин, И. Курков. – Минск: Медиафакт, 2004. – С. 95–97.
154. Романовская, Л.Р. Иноверцы в Российской империи (историко-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Л.Р. Романовская; Нижегородский гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2006. – 27 с.
155. Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. – Фонд 1000. – Оп. 3. – Д. 317. Департамент римско-католических юстицких дел при Государственной юстиц-коллегии лифляндских, эстляндских и финляндских дел. Входящие документы (указы, распоряжения, письма и др.), адресованные начальнику департамента епископу могилевскому и митро-

политу всех в России католических церквей Станиславу Сестренцевичу по вопросам управления департаментом и подчиненными ему католиками. Подлинники, копии и отпуски ответов. 1796–1800 гг.

156. Российский государственный архив древних актов. – Фонд 12. – Оп. 1. – Д. 161. О православных, вступающих в брак с католиками в Белоруссии. 1773 г.

157. Российский государственный архив древних актов. – Фонд 12. – Оп. 1. – Д. 166. Об учреждении в Белоруссии католической епархии и назначении епископом в нее Станислава Сестренцевича-Богуша. 1772–1773 гг.

158. Российский государственный архив древних актов. – Фонд 12. – Оп. 1. – Д. 179. Речь Нунция Аркетти при возложении паллиума на архиепископа Сестренцевича. 1784 г.

159. Российский государственный архив древних актов. – Фонд 28. – Оп. 1. – Д. 20. Правительственные постановления относительно ордена Святого Иоанна Иерусалимского. 1798 г.

160. Российский государственный исторический архив. – Фонд 821. – Оп. 11. – Д. 2. Реестр всеподданнейшим докладным запискам за 1829 г.

161. Российский государственный исторический архив. – Фонд 821. – Оп. 11. – Д. 18. Реестр всеподданнейшим докладным запискам за 1843 г.

162. Российский государственный исторический архив. – Фонд 821. – Оп. 11. – Д. 44. Реестр всеподданнейшим докладным запискам за 1868 г.

163. Российский государственный исторический архив. – Фонд 821. – Оп. 11. – Д. 48. Реестр всеподданнейшим докладным запискам за 1873 г.

164. Российский государственный исторический архив. – Фонд 821. – Оп. 144. – Д. 220. Дело о составлении расписания по духовенству римско-католического исповедания. 1810 г.

165. Российский государственный исторический архив. – Фонд 821. – Оп. 144. – Д. 243. Об определении кс. Липского к Друйскому приходу и в производстве его в каноники Могилевской архикафедры. 1811 г.

166. Российский государственный исторический архив. – Фонд 821. – Оп. 149. – Д. 1. Подлинный регламент императрицы Екатерины II. 1769 г.

167. Российский государственный исторический архив. – Фонд 821. – Оп. 149. – Д. 2. Подлинная грамота императрицы Екатерины II об учреждении Белорусской римско-католической епархии. 1774 г.

168. Российский государственный исторический архив. – Фонд 821. – Оп. 149. – Д. 3. Подлинная грамота императрицы Екатерины II об учреждении Могилевского римско-католического архиепископства. 1783 г.

169. Российский государственный исторический архив. – Фонд 821. – Оп. 149. – Д. 4. Подлинный акт апостольского посла архиепископа Архетти об учреждении в Могилеве архиепископской римско-католической кафедры. 1783 г.

170. Российский государственный исторический архив. – Фонд 821. – Оп. 149. – Д. 5. Подлинный акт Архетти о возведении Сестренцевича в архиепископское достоинство. 1783 г.

171. Российский государственный исторический архив. – Фонд 821. – Оп. 149. – Д. 6. Подлинный акт Архетти об учреждении Могилевского капитула. 1783 г.

172. Российский государственный исторический архив. – Фонд 821. – Оп. 149. – Д. 7. Подлинная булла папы Пия VI о даровании могилевским архиепископам права носить красную одежду и берет. 1798 г.

173. Российский государственный исторический архив. – Фонд 821. – Оп. 149. – Д. 8. Подлинный акт апостольского посла архиепископа Литты о Могилевской митрополии. 1798 г.

174. Рубинштейн, С.Ф. Хронологический указатель указов и правительственных распоряжений по губерниям Западной России, Белоруссии и Малороссии за 240 лет с 1652 по 1892 год. / С.Ф. Рубинштейн. – Вильна: С.Ф. Рубинштейн, 1894. – 918 с.

175. Ряжев, А.С. Просвещенное духовенство при Екатерине II / А.С. Ряжев // Вопросы истории. – 2004. – № 9. – С. 43–57.

176. Самусік, А.Ф. Развіццё сістэмы асветы на беларускіх землях у 70-ыя гг XVIII ст. – 30-ыя гг. XIX ст.: дыс. ... канд. гістар. навук: 07.00.02 / А.Ф. Самусік. – Мінск, 1998. – 136 л.

177. Сапунов, А.П. Заметка о коллегии и академии иезуитов в Полоцке / А.П. Сапунов. – Витебск: Тип. губерн. правл., 1890. – 34 с.

178. Серпинский (Шерпинский), О.С. Краткое начертание деятельной и трудолюбивой жизни Его Высокопреосвященства Митрополита Римских Церквей в России Станислава Сестренцевича-Богуша / О.С. Серпинский // Отечественные записки. – 1826. – Ч. XXVIII. – С. 372–402.

179. Сестренцевич-Богуш, С. Дневник и переписка / С. Сестренцевич-Богуш // Старина и новизна. – 1913. – Кн. 16. – С. I–III, 1–185; 1914. – Кн. 18. – С. I–II, 187–281; 1915. – Кн. 19. – С. 277–330; 1916. – Кн. 21. – С. 307–372; 1917. – Кн. 22. – С. 373–457.

180. Сестренцевич-Богуш, С. Слово, сказанное в Вильне в кафедральной церкви св. Станислава 1771 года ноября в 13-й день, тогдашним Виленской кафедры каноником и епархиальным администратором, а ныне митрополитом всех римско-католических церквей в России и кавалером Станиславом Сестренцевичем Богушем. / С. Сестренцевич-Богуш. – СПб.: Тип. Шнора, 1810. – 8 с.

181. Сидорцов, В.Н. Методология исторического исследования (механизм творчества историка) / В.Н. Сидорцов. – Минск: БГУ, 2000. – 209 с.

182. Смяховіч, М. Узаемаадносіны самадзяржаўя з Каталіцкай царквой на Беларусі (1772–1867) / М. Смяховіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 1995. – № 1. – С. 45–51.

183. Старчевский, А. Русская историческая литература в первой половине XIX века. Карамзинский период с 1800–1825 год / А. Старчевский // Библиотека для чтения. – 1852. – Т. 112. – С. 49–108.

184. Таляронак, С.В. Тайныя таварыствы ў Літве і Беларусі ў канцы XVIII ст. Віленская асацыяцыя 1796–1797 гг. / С.В. Таляронак // Весці Акадэміі навук Беларусі. Серыя грамадскіх навук. – 1992. – № 5–6. – С. 87–94.

185. Таляронак, С.В. Віленская асацыяцыя 1796–1797 гг. / С.В. Таляронак // Беларускі гістарычны часопіс. – 1994. – № 1. – С. 24–31.
186. Таляронак, С.В. Палітыка царызму ў адносінах да Каталіцкай і Уніяцкай царквы на Беларусі (1772–1839) / С.В. Таляронак // Весці Акадэміі навук Беларусі. Серыя грамадскіх навук. – 1992. – № 2. – С. 60–66.
187. Тихонов, А.К. Власти и католическое население в России в XVII–XIX веках / А.К. Тихонов // Вопросы истории. – 2004. – № 3. – С. 140–146.
188. Тихонов, А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. / А.К. Тихонов. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. – 355 с.
189. Тихонов, А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII — начале XX в. / А.К. Тихонов. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2008.— 368 с. — 2-е изд., испр. и доп.
190. Тихонов, А.К. Политика Российской империи по отношению к католикам, мусульманам, иудеям в последней четверти XVIII – начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра истор. наук. 07.00.02 / А.К. Тихонов; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2007. – 46 с.
191. Толстой, Д.А. Римский католицизм в России. Историческое исследование: в 2 томах / Д.А. Толстой. – СПб.: В.Д. Демаков, 1876. – Т. 2. – 438 с.
192. Третьяк, А. Кардинал Сестренцевич / А. Третьяк // Вісник Одеського історико-краєзнавчого музею [Електронний ресурс] – 2006. – Вып. 2. – Режим доступа: <http://www.history.odessa.ua/publication2/stat02.htm>. – Дата доступа: 26.05.2007.
193. Тункина, И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII–сер. XIX в.) / И.В. Тункина. – Санкт-Петербург: Наука, 2002. – 676 с.
194. Тургенев, А.И. Политическая проза / А.И. Тургенев. – М.: Советская Россия, 1989. – 368 с.

195. Филатова, Е.Н. Конфессиональная политика царизма в Белоруссии. 1772–1860: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / Е.Н. Филатова; Белорусский государственный университет. – Минск, 2001. – 22 с.

196. Филатова, Е.Н. Конфессиональная политика царского правительства в Беларуси 1772–1860 / Е.Н. Филатова. – Минск: Белорусская наука, 2006. – 192 с.

197. Філатава, А.М. Станіслаў Богуш-Сестранцэвіч: Жыццё і тастамент / А. Філатава // Культура. – 1993. – 3 жн. – С. 6–7.

198. Филатова, Е.Н. Судьбы трех митрополитов: С. Сестренцевича-Богуша, И. Булгака, И. Семашко / Е.Н. Филатова // Наш радавод: матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі «Царква і культура народаў Вялікага Княства Літоўскага і Беларусі XIII – пачатак XX стст.». Гродна. 28 верасня – 1 кастрычніка 1992 г. / Беларускі дзяржаўны музей гісторыі рэлігіі, Гродзенскі гарадскі выканаўчы камітэт народных дэпутатаў, Аддзел культуры, Кафедра ўсеагульнай гісторыі ГрДУ імя Янкі Купалы; рэдкал.: Д.У. Караў [і інш.]. – Гродна:, 1992. – Кн. 4, ч. 3. – С. 628–632.

199. Філатава, А.М. Хрысціянскія канфесіі пасля далучэння Беларусі да Расійскай імперыі (1772–1860) / А.М. Філатава // Канфесіі на Беларусі. (канец XVIII – XXстст.). / В.В. Грыгор’ева [і інш.]; пад нав. рэд. У.І. Навіцкага. – Мінск: Экаперспектыва, 1998. – С. 5–58.

200. Францев, В.А. Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX ст. / В.А. Францев. – Прага Чешская: Типография Политики, 1906. – V, 491, CLXXII с.

201. Хаўратовіч, І.П. Богуш–Сестранцэвіч Станіслаў Іванавіч / І.П. Хаўратовіч // Мысліцелі і асветнікі Беларусі (X–XIX стагоддзі): энцыкл. давед. / склад. Г.А. Маслыка; гал. рэд. Б.І. Сачанка. – Мінск, 1995. – С. 183–185.

202. Хлопова, И.Ю. Деятельность Общества Иисуса в России (конец XVI – начало XIX вв.): автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / И.Ю. Хлопова; Ставропольский государственный университет. – Ставрополь, 1999. – 20 с.

203. Ходзін, С.М. Крыніцы гісторыі Беларусі (спроба гісторыка-генетычнага і кампаратыўнага вывучэння) / С.М. Ходзін. — Мінск: БДУ, 1999. — 195 с.

204. Храевич, К. Сестренцевич-Богуш С. / К. Храевич // Русский Биографический Словарь / редкол.: А.А. Половцов [и др.]. — СПб., 1904. — Т. Сабенеев — Смыслов. — С. 388–392.

205. Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве (ЦГИАУ в г. Киеве). — Фонд 257. — Оп. 1. — Д. 128. Записная книжка митрополита Сестренцевича. 1731–1752.

206. Чапко, В.У. Беларусь у складзе Расіі // Гісторыя Беларускай ССР: у 5 тамах / рэдкал.: К.І. Шабуня (гал.рэд.) [і інш.]. — Мінск: Навука і тэхніка, 1972. — Т. 1. — С. 444–449.

207. Черкасов, П.П. Двуглавый орел и королевские лилии: Становление русско-французских отношений в XVIII в. 1700–1775 / П.П. Черкасов. — М.: Наука, 1995. — 440 с.

208. Чимаров, С.Ю. Станислав Богущ-Сестренцевич — первый митрополит римско-католических церквей в России / С.Ю. Чимаров // Народы России, Советского Союза: взгляд в прошлое и будущее. Материалы XXV Всероссийской заочной научной конференции / под ред. С.Н. Полторака. — СПб.: Нестор, 2002. — С. 21–25.

209. Чуркина, И.В. Иезуиты в России (1772–1820 гг.) / И.В. Чуркина // Вопросы истории. — 1996. — № 10. — С. 144–150.

210. Швед, В.В. Расійская палітыка ў галіне адміністрацыйнага ўладкавання далучаных тэрыторый Беларусі пасля падзелаў Рэчы Паспалітай / В.В. Швед // Беларусіка=Albaruthenica. — Мінск: Нацыянальны навукова-асветніцкі цэнтр імя Ф. Скарыны, 1997. — Т. 6, ч. 2: Беларусь паміж сходам і Захадам. Праблемы міжнацыянальнага, міжрэлігійнага і міжкультурнага ўзаемадзеяння, дыялогу і сінтэзу. — С. 295–300.

211. Ягич, И.В. История славянской филологии / И.В. Ягич. — Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1910. — VIII, 961 с.

212. Яковенко, С. Иезуиты в России. «Записки» по истории Общества Иисуса в царствование Екатерины II / С. Яко-

венко // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. – М.: Наука, 1991. – Вып. 2. – С. 154–162.

213. Янушкевіч, Я.Я. Патрыярх з Малой Люцынкі / Я.Я. Янушкевіч // За архіўным парогам: Беларуская літаратура XIX-XX стст. у святле архіўных пошукаў / Я.Я. Янушкевіч. – Мінск: Мастацкая літаратура, 2002. – С. 3–60.

214. Archetti, G.A. Oratio habita Petropoli in ecclesia catholica die 18. Januarii 1784. ab excellentissimo et reverendissimo nuntio Archetti, legato summi pontificis, propter impositionem pallii r. archiepiscopo Mohiloviensi Mowa J.W. Imci Xiędza nuncyusza Archetti, posła od oycy swietego do nayiasnieyszey imperatorowy Calej Rossyi, miana w Petersburgu w kosciele katolickim przy włożeniu palliusza na J.W. Imci X. Stanisława Bohusza Siestrzenciewiczza arcy-biskupa Mohilewskiego, dnia 18. Stycznia, 1784 / G.A. Archetti. – Petropoli: s.n., 1784. – 8 p.

215. Archetti, G.A. Un nonce du Pape a la cour de Catherine II. Memoires d'Archetti / G.A. Archetti. – Paris–Bruxelles: Victor Palmé, A.Vromant, 1872. – 207 p.

216. Archetti, J.A. Actus erectionem Metropolitanae Mohilievensis Catholicae Ecclesiae concementes ab illustrissimo excellentissimo domino Joanne Andrea Archetti Archi-episcopo Chalcedonensi, Legato apostolico ad serenissimam ac potentissimam dominam Catharinam II Imperatricem et Autocratorem totius Rossiae. Signati et in charta pergamena cum appensis sigillis illustrissimo Excellentissimo ae Reverendissimo Domino Stanislao Siestrzenciewicz a Bohusz insignium polonorum aquilae Albae et Sancti Stanislai Equiti, Dictae Ecclesiae Primo Archi-Episcopo Exhibiti Petropoli Anno 1784 / J.A. Archetti // Statuta Imperialia Romanas Ecclesias Quae in Rossia spectantia. – Mohileviae: Typografia privilegiata archiepiscopal, 1784. – P. 1–36.

217. Archiwum Prowincji Polski Południowej Towarzystwa Jezusowego w Krakowie. – Rękopis 1024. Catalogus ecclesiarum latino romano catholicarum sitarum in Impero Rossiaco dioecesumque Albae Russiae constituntium ordine alphabetico comparatus. 1774.

218. Beauvois, D. Les Jésuites dans l'Empire Russie. 1772-1820 / D. Beauvois // Dix-huitième siècle. Revue annuelle

publiée par la Société française d'Étude de 18 siècle avec le concours du C.N.R.S. – 1976. – № 8. – P. 257–272.

219. Beauvois, D. Szkolnictwo polskie na ziemiach litewsko-ruskich. 1803–1832 / D. Beauvois. – Rzym–Lublin: Fundacja Jana-Pawła II – Redakcja wydawnictw KUL, 1991. – T. 1. – 383 s.

220. Biblioteca Apostolica Vaticana. – Processus Consistorialis. – Vol. 219. – F. 108–179. Processus R.D. Matthaei Lipski nominate episcopi suffraganei Polocensis expeditus 1823, nec non super redditibus ad episcopalem dignitatem sustinendam necessartis. 1823.

221. Biblioteca Apostolica Vaticana. – Processus Consistorialis. – Vol. 230. – F. 220–268. Processus R.D. Matthaei Lipski episcopi Aureopolitani in p. inf., suffraganei Polocensis, praelati praepositi Mohiloviensis, ad episcopatum Minscensem transferendi, tum de ecclesiae cathedralis Minscensis statu. 1830.

222. Biblioteca Apostolica Vaticana. – Processus Consistorialis. – Vol. 211. – F. 2–10 v. Processus R.D. Valeriani Henrici Kamionka praelati scholastici archicathedralis Mohilovienses, ad sufraganeatum Kijoviensem promovendi in archidiocesi Mohiloviensi. 1812.

223. Biblioteca Apostolica Vaticana. – Processus Consistorialis. – Vol. 211. – F. 13–26 v. Processus R.D. Mathiae Pauli Moździeniewski officialis generalis in spiritualibus Mohiloviensis, praelati archidiaconi, ad sufraganeatum Mohiloviensem promovendi. 1813.

224. Biblioteca Apostolica Vaticana. – Processus Consistorialis. – Vol. 227. – F. 73–139. Processus R.D. Joachimi Grabowski nominati archiepiscopi suffraganei Mohiloviensis, tum super ejus redditibus ad dignitatem episcopalem necesaris. 1827.

225. Biblioteca Apostolica Vaticana. – Processus Consistorialis. – Vol. 154. – F. 115–125. Processus R.D. Felicis Towiański OFM Conv. professi dandi in suffraganeum Albae Russiae in dioecesi Vlnensi episcopo Vlnensi. 1766.

226. Biblioteca Apostolica Vaticana. – Processus Consistorialis. – Vol. 179. – F. 7–17. Processus R.D. Georgii Pawłowski archidiaconi Livonae deputandi in suffraganeum Livoniae. 1780.

227. Bieńkowski, L. Ankieta zakonna Garampiego z 1773 roku // Zakony męskie w Polsce w 1772 roku. Ordines regulares virorum in Polonia anno 1772 / pod red. L. Bieńkowskiego, J. Kłoczowskiego, Z. Sułowskiego. – Lublin: Towarzystwo naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 1972. – S. 113–159.

228. Boudou, A. Stolica Święta a Rosją. Stosunki dyplomatyczne między nimi w XIX stuleciu / A. Boudou; przekład z francuskiego Z. Skowrońskiej. – Kraków: Wydawnictwo Księży Jezuitów, 1928. – T. 1. – 608 s.

229. Brumanis, A.A. Aus origins de la hiérarchie latine en Russie Mgr. Stanislas Siestrzencewicz – Bohusz. Premier archevêque – métropolitain de Mohilev (1731–1826) / A.A. Brumanis. – Louvain: Bureaux de recueil Bibliothèque de l'Université, 1968. – XXIII, 387 p.

230. Bullarum privilegiorum ac diplomatum Romanorum pontificum amplissima collection, cui accessere pontificum omnium vitae, notae et indices opportuni. Opera et studio Caroli Cocquelines. – Romae: Typ. S. Michaelis, 1758. – T. 6, p. 1. – 22, 420 p.

231. Chodyński, S. Dyrectorium, directorium / S. Chodyński // Encyklopedia Kościelna / pod red. M. Nowodworskiego. – Warszawa: Druk. Fr. Czerwieńskiego, 1874. – T. IV. – S. 416–420.

232. Clemens XIV. Dominus ac Redemptor Noster / Clemens XIV. – Romae: Tpographia Rev. Camerae Apostolicae, 1773. – XIX p.

233. Directorium officii divini et missarum generale pro utroque Clero Archi-Diocesis Mohileviensis in Annum Domini Bissextilem MDCCCX // Сайт Александра Александровича Бовкало [Электронный ресурс] – 1810. – Режим доступа: <http://petergen.com/bovkalo/sp/mohylow1810.html>. – Дата доступа: 11.05.2007.

234. Directorium officii divini et missarum Generale pro utroque Clero Archi-Diocesis Mohileviensis in Annum Dni MDCCCXXI (1821) acutoritate et mandato illustrissimi excellentissimi ac reverendissimi domini domini Stanislai Siestrzencewicz à Bohusz Metropolitan Archi-Episcopi Mohileviensis. Administratoris Episcopatus Vilnensis. Collegii Romano Catholici I Paptitionis Praesidentis, Commen: et Eqvit:

Ordinis S. Andrae Apostoli Eqvit: Ord: Alexandri Neven: S. Vlodimiri et S. Annae I Classis, S. Joannis Hierosolymitani Magnae Crucis, Aquilae Albae et S. Stanislai.– Mohileviae: Typis Palatii Metropolitanii Rom: Catholici, 1821. –145 p.

235. Długosz, T. Biskupia visitatio liminum / T. Długosz // *Collectanea theologica*. – 1933. – R. 14. – S. 173–249, 273–388.

236. Długosz, T. Dzieje diecezji Smoleńskiej / T. Długosz. – Lwów: Druk. urzędnicza, 1937. – 95 s.

237. Długosz, T. Schematyzmy diecezjalne jako źródło historyczne / T. Długosz // *Sprawozdania z czynności wydawniczej i posiedzeń naukowych, oraz Kronika Towarzystwa naukowego Katolickiego uniwersytetu Lubelskiego*. – 1961. – № 12. – S. 89–92.

238. Długosz, T. Seminaria duchowne we wschodniej Polsce do 1800 roku / T. Długosz // *Collectanea Theologica*. – 1935. – R. 16. – S. 23–37.

239. Długosz, T. Wartości relacji rzymskich biskupów polskich jako źródła historycznego / T. Długosz // *Sprawozdania z czynności wydawniczej i posiedzeń naukowych, oraz Kronika Towarzystwa naukowego Katolickiego uniwersytetu Lubelskiego*. – 1961. – № 12. – S. 86–89.

240. Dukała, J. «Ratio studiorum» w seminariach diecezjalnych pod zarządem księży misjonarzy (1675–1864) / J. Dukała // *Nasza przeszłość*. – 1984. – T. 61. – S. 149–231.

241. Dukała, J. Formacja alumnów diecezjalnych przez księży misjonarzy w latach 1675–1864 / J. Dukała // *Nasza przeszłość*. – 1996. – T. 86. – S. 11–70.

242. Dylągowa, H. Duchowieństwo katolickie wobec sprawy narodowej (1764–1864) / H. Dylągowa. – Lublin: Towarzystwo naukowe Katolickiego uniwersytetu Lubelskiego, 1981. – 196 s.

243. *Encyklopedia wiedzy o jezuitach na ziemiach Polski i Litwy 1564–1995* / oprac.: L. Grzebienia (red.nacz.) [i in.]. – Kraków: WAM, 2004. – 882 s.

244. Fijałek, J. Kościół rzymsko-katolicki w Inflantiach pod władztwem polskim (1582–1772 / 1795) / J. Fijałek // *Kwartalnik teologiczny wileński*. – 1923–1924. – R. 1–2. – S. 177–198.

245. Flaga, J. Ankieta zakonna nuncjusza Guiseppe Garampiego z lat 1773-1774 jako podstawa źródłowa nad studiami zakonnymi i ich organizacją // *Roczniki teologiczno-kanoniczne*. – 1989. – R. 36. – Z. 4. – S. 35–44.

246. Gach, P.P. Kasaty zakonów na ziemiach dawnej Rzeczypospolitej i Śląska. 1773–1914 / P.P. Gach. – Lublin: Redakcja wydawnictw Katolickiego uniwersytetu Lubelskiego, 1984. – 254 s.

247. Gach, P.P. Struktury i działalność duszpasterska zakonów męskich na ziemiach dawnej Rzeczypospolitej i Śląska w latach 1773–1914 / P.P. Gach. – Lublin: Redakcja wydawnictw Katolickiego uniwersytetu Lubelskiego, 1999. – 675 s.

248. Giżycki, J.M. (Smora). Seminaria diecezjalne pod zarządem księży Misjonarzy / J.M. Giżycki // *Rocznik obydwóch zgromadzeń św. Wincentego à Paolo*. – 1913. – R. XIX. – S. 226–246.

249. Giżycki, J.M. Materiały do dziejów Akademii Połockiej i szkół od niej zależnych / J. Giżycki. – Kraków: W.L. Anczyz, 1905. – 20 s.

250. Glemma, T. Wizytacje diecezji krakowskiej z lat 1510–1570 / T. Glemma // *Nasza przeszłość*. – 1946. – T. 1. – S. 43–96.

251. Godlewski, M. Arcybiskup Siostrzeńcewicz i Stanisław August w Petersburgu. W 130 rocznicę śmierci ostatniego króla polskiego z niewydanych źródeł / M. Godlewski. – Kraków: Druk. Przeglądu powszechnego, 1928. – 19 s.

252. Godlewski, M. Beniśławski J. // *Polski słownik biograficzny* / pod nacz. red. W. Konopczyńskiego. – Kraków, 1935. – T. 1. – S. 434–435.

253. Godlewski, M. Berendt J. / M. Godlewski // *Polski słownik biograficzny* / pod nacz. red. W. Konopczyńskiego. – Kraków, 1935. – T. 1. – S. 447–448.

254. Godlewski, M. De kardynalatu Stanisłai Siostrzeńcewicz-Bogusz (1784–1817) / M. Godlewski. – Petropoli: Typ. J. Mansfeld, 1909. – 53 s.

255. Godlewski, M. Dola i niedola Stanisława Siostrzeńcewicza-Bogusza za rządów cesarza Pawła I /

M. Godlewski // *Polonia sacra. Kwartalnik teologiczny.* – 1948. – R. I. – S. 145–175; 1949. – R. II. – S. 301–326.

256. Godlewski, M. Lipski M. / M. Godlewski // *Podręczna encyklopedia kościelna* / pod red. Z. Chełmickiego. – Warszawa – Kraków, 1911. – T. XXIII–XXIV. – S. 357.

257. Godlewski, M. *Monumenta ecclesiastica Petropolitana* / M. Godlewski. – SPb., 1906–1913. – T. I–V.

258. Godlewski, M. O kardynalacie Stanisława Sierstrzeńcewicza-Bogusza / M. Godlewski // *Kwartalnik litewski.* – 1910. – T. 2. – S. 13–22; 1910. – T. 3. – S. 51–58; 1910. – T. 4. – S. 13–24.

259. Godlewski, M. Ostatnie pragnienie Stanisława Sierstrzeńcewicza-Bogusza / M. Godlewski // *Przegląd historyczny.* – 1908. – T. 6. – S. 83–92.

260. Godlewski, M. Prymasowstwo Wilenskie / M. Godlewski // *Przegląd katolicki.* – 1905. – R. 43. – S. 666–668, 745–747; 1906. – R. 44. – S. 129–131.

261. Godlewski, M. Sierstrzeńcewicz-Bohusz S. / M. Godlewski // *Podręczna encyklopedia kościelna* / pod red. Z. Chełmickiego. – Warszawa, 1912. – T. XXXV–XXXVI. – S. 242–257.

262. Grabski, A.F. *Myśl historyczna polskiego Oświecenia* / A.F. Grabski. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1976. – 487 s.

263. Grzywacz, J. *Nominacja biskupów w Polsce przedrozbiorowej* / J. Grzywacz. – Lublin: Wyd-wo Towarzystwa naukowego Katolickiego uniwersytetu Lubelskiego, 1960. – 143 s.

264. *Hierarchia Catholica medii et recentioris aevi sive summorum pontificum – S.R.E. Cardinalium Ecclesiarum antistitum series e documentis tabularii praesertim Vaticani collecta–digesta–edita* / per p. Remigium Ritzler OFMConv. et p. Pirminum Sefrin OFMConv. – Patavii: Typis et Simptibus Domus editionis editorialis Il Messagero di S. Antonio apud Basilicam S. Antonii-Patavii (Italia), 1958. – Vol. 6. – XII, 488 p.

265. *Hierarchia Catholica medii et recentioris aevi sive summorum pontificum – S.R.E. Cardinalium Ecclesiarum antistitum series e documentis tabularii praesertim Vaticani collecta–digesta–edita* / per p. Remigium Ritzler OFMConv. et p. Pirminum Sefrin

OFMConv. – Patavii: Typis et Simptibus Domus editionis editorialis Il Messagero di S. Antonio apud Basilicam S. Antonii-Patavii (Italia), 1968. – Vol. 7. – VIII, 450 p.

266. Inglot, M. Gabriel Gruber, S.J. (1740-1805): Nel bicentenario della sua elezione a generale della compagnia di Gesù / M. Inglot // Archivum historicum Societatis Iesu. – 2002. – Vol. 71. – № 142. – P. 353–368.

267. Janczak, Ł.J. Smoleńskie biskupstwa obrządku łacińskiego i wschodniego / Ł.J. Janczak // Encyklopedia Kościelna / pod red. ks. M. Nowodworskiego. – Warszawa, 1903. – T. XXVI. – S. 34.

268. Južnic, S. Gabrijel Gruber med Rusi / S. Južnič // Arhivi. – 2004. – L. XXVII. – S. 209–242.

269. Južnic, S. Gabrijel Gruber: od ljubljanskega prekopa do jezuitskega generala / S. Južnič. – Ljubljana: Družina, 2006. – 216 s.

270. Kadulski, I. Academia Połocka / I. Kadulski. – Gdańsk: Wyd-wo Uniwersitetu Gdańskiego, 2004. – 310 s.

271. Kalendarz Białoruski na Rok Pański 1785. – Mohilew: Druk. Uprzywilej. J.W. Arcybiskupa Mohilewskiego Kościoła Rzymskiego, 1784. – 81 p.

272. Kasabuła, T. Ignacy Massalski. Biskup Wileński / T. Kasabuła. – Lublin: Redakcja Wydawnictw Katolickiego uniwersytetu Lubelskiego, 1998. – 626 s.

273. Kasabuła, T. Lipski Mateusz / T. Kasabuła // Encyklopedia katolicka / pod red. nacz. A. Szostka, E. Ziemanna, R. Sawy [et al.] – Lublin, 2005. – T.10. – Kol. 1130.

274. Konarski, S. Szlachta kalwińska w Polsce / S. Konarski. – Warszawa: Druk. braci Wójcikiewicz, 1936. – 359 s.

275. Kopiec, J. Relacje biskupów wrocławskich «ad limina» z XVII i XVIII wieku // Nasza przeszłość. – 1987. – T. 68. – S. 93–132.

276. Krachel, T. Schematyzmy diecezji Wileńskiej / T. Krachel // Archiwa, biblioteki i muzea kościelne. – 1979. – T. 38. – S. 109–149.

277. Krahel, T. Historiografia (archi)diecezji Wileńskiej do 1939 roku / T. Krahel // Studia z historii Kościoła w Polsce.

Praca zbiorowa / pod red. H.E. Wyczawskiego. – Warszawa: Akademia teologii katolickiej, 1979. – T. 5. – S. 9–179.

278. Kramarz, H. Schematyzmy galicyjskie jako źródło historyczne / H. Kramarz // *Studia historyczne*. – 1982. – R. XXV. – Z. 1. – S. 27–48.

279. Kratz, W. Eks-jezuici polscy biskupami (1773–1822) / W. Kratz // *Nasze wiadomości prowincyi Małopolskiej i Wielkopolsko–Mazowieckiej*. – 1938. – T. X. – № 66. – S. 432–438.

280. Kumor, B. Granice metropolii i diecezji polskich (968–1939) / B. Kumor // *Archiwa, biblioteki i muzea kościelne*. – 1970. – T. 20. – S. 253–374.

281. Kumor, B. *Historia Kościoła* / B. Kumor. – Lublin: Redakcja wydawnictw Katolickiego uniwersytetu Lubelskiego, 1985. – Cz. 6. – 308 s.

282. Kumor, B. Katalog mikrofilmów Ośrodka Archiwów, Bibliotek i Muzeów Kościelnych przy Katolickim Uniwersytecie Lubelskim Nr.2 / B. Kumor // *Archiwa, biblioteki i muzea kościelne*. – 1966. – T. 13. – S. 171–265.

283. Kumor, B. Kościół i katolicy w Cesarstwie Rosyjskim (do 1918) / B. Kumor // *Odrodzenie Kościoła Katolickiego w byłym ZSRR. Studia historyczno-demograficzne* / pod red. E. Walewandra. – Lublin: Redakcja wydawnictw Katolickiego uniwersytetu Lubelskiego, 1993. – S. 17–81.

284. Kumor, B. Początki organizacji kapituły metropolitalnej w Mohylewie nad Dnieprem / B. Kumor // *Roczniki teologiczno–kanoniczne*. – 1975. – T. XXII. – Z. 4. – S. 159–164.

285. Kumor, B. Polityka władz carskich wobec Kościoła Katolickiego na ziemiach polskich do 1914 r. / B. Kumor // *Polacy w Kościele Katolickim w ZSRR* / pod red. E. Walewandra. – Lublin: Redakcja wydawnictw Katolickiego uniwersytetu Lubelskiego, 1991. – S. 11–27.

286. Kumor, B. Procesy informacyjne i relationes status jako źródła do demografii historycznej / B. Kumor // *Przeszłość demograficzna Polski*. – 1969. – № 3 – S. 29–61.

287. Kumor, B. Przedrozbiorowe wizytacje Kościelne jako źródło demograficzne / B. Kumor // *Przeszłość demograficzna Polski*. – 1969. – № 2. – S. 3–45.

288. Kumor, B. Schemtyzmy diecezji Tarnowskiej z XIX w. jako źródło demograficzne / B. Kumor // *Przeszłość demograficzna Polski*. – 1967. – № 3. – S. 67–87.

289. Kumor, B. Sieć seminariów duchownych obrządku łacińskiego w okresie niewoli narodowej (1772/95 – 1918) / B. Kumor // *Analecta Cracoviensia*. – 1972. – № 4. – S. 359–378.

290. Kumor, B. Ustrój i organizacja Kościoła polskiego w okresie niewoli narodowej (1772–1918) / B. Kumor. – Kraków: Polskie towarzystwo teologiczne, 1980. – 742 s.

291. Kurczewski, J. Biskupstwo Wileńskie od jego założenia aż do dnia obecnych, zawierające dzieje i prace biskupów i duchowieństwa diecezji wileńskiej, oraz wykaz kościołów, klasztorów, szkół i zakładów dobroczynnych / J. Kurczewski. – Wilno: Druk. J. Zawadzkiego, 1912. – 614 s.

292. Kurczewski, J. Kościół zamkowy, czyli katedra wileńska w jej dziejowym, liturgicznym, architektonicznym i ekonomicznym rozwoju / J. Kurczewski – Wilno: Druk. J. Zawadzkiego, 1916. – Cz. 3. – 607 s.

293. *La Compagnie de Jésus conservée en Russie après la suppression de 1772. Récit d'un jésuite de la Russie-Blanche*. – Paris: Victor Palmé, 1872. – 205 p.

294. Librowski, S. Katalog rubrycel i schematyzmów diecezji i zakonów historycznej Polski znajdujących się w księgozborze podręcznym Archiwum diecezjalnego we Włocławku / S. Librowski // *Archiwa, Biblioteki i Muzea Kościelne*. – 1971. – T. 23. – S. 213–220; 1972. – T. 24. – S. 5–94; 1972. – N. 25. – S. 38–113; 1973. – T. 26. – S. 89–197; 1973. – T. 27. – S. 57–130.

295. Lietuvos Makslu Akademijos biblioteka. Retų knygų ir rankraščių skyrius (Библиотека Литовской Академии наук, Вильнюс. Отдел рукописей). – Фонд 43. – Оп. 1. – Д. 236. *Acta Capituli Vilnensis. Voliminum XXVIII (1753–1766)*.

296. Lietuvos Makslu Akademijos biblioteka. Retų knygų ir rankraščių skyrius (Библиотека Литовской Академии наук, Вильнюс. Отдел рукописей). – Фонд 43. – Оп. 1. – Д. 237. *Acta Capituli Vilnensis. Voliminum XXIX (1767–1777)*.

297. Litak, S. Akta wizytacji generalnej diecezji inflanckiej i kurlandzkiej czyli piltyńskiej z 1761 roku / S. Litak. – Toruń: TNT, 1998. – XCV, 335 s.

298. Litak, S. Akta wizytacyjne parafii z XVI–XVIII wieku jako źródło historyczne / S. Litak // *Zeszyty naukowe KUL.* – 1962. – № 3. – S. 41–58.

299. Litak, S. Kościół łaciński w Polsce około 1772 roku. Mapa – Komentarz-Indeks / S. Litak; oprac. kartograficzne Z. Żuchowska. – Rzym–Lublin: Redakcja wydawnictw Katolickiego uniwersytetu Lubelskiego, Fundacja Jana-Pawła II, 1991. – 171 s.

300. Litak, S. Kościół łaciński w Rzeczypospolitej około 1772 roku: struktury administracyjne / S. Litak. – Lublin. Instytut Europy środkowo-wschodniej, 1996. – 633 s.

301. Litak, S. W sprawie publikowania i rejestracji akt wizytacyjnych kościołów i parafii / S. Litak // *Archiwa, biblioteki i muzea kościelne.* – 1967. – T. 14. – S. 133–149.

302. Litta, L. *Actus ad ecclesias metropolitanam Mohileviensem aliasque Catholicas Cathedrales Ecclesias Latini Ritus in Imperio Rossiaco spectantes ab illmo, excellmo, rndissimo dno Laurentio Litta Archi-episcopo Thebarum legato apostolico ad serenissimum, augustissimum et potentissimum Paulum I imperatorem et autocratorem totius Rossiae. etc.etc. etc. signati et illmo, excellmo, ac rndissimo dno Stanislao Siestrzencewicz de Bohusz metropolitano unico ecclesiae catholicae in Rossia, legato nato sedis apostolicae, arch. Mandatum suae Imperatoriae Autocratis totius Rossiae ex Dirigenti Senata Domino Mohileviensi Archi-Episcopo, Metropolitano Praefecto Romano-Catholicae Partitionis et Equiti Siestrzencewicz. Vi speciali suae Imperatoriae Majestatis Supremi Mandati dat. Senatui prateria die 28 aprilis / L. Litta.* – Polociae: Typis privil. a sua imperatoria majest. typog. coll. Poloc. Soc. Jesu impressi anno eodem, [1798]. – 99 p.

303. Loret, M. Kościół katolicki a Katarzyna II. 1772–1784 / M. Loret. – Kraków–Warszawa: Druk. W.L. Anczyca, 1910. – 321 s.

304. Loret, M. Kościół katolicki w początku panowania Aleksandra I. 1801–1825 / M. Loret // *Biblioteka Warszawska.* – 1913. – T. 1. – S. 493–568.

305. Loret, M. Kościół katolicki w zaborze rosyjskim za panowania Pawła I / M. Loret // *Przegląd powszechny.* – 1928. – R. 45. – S. 111–128, 268–284.

306. Łaszkiewicz, J. Mowa na pogrzebie jaśnie wielmożnego jegomości księdza Stanisława Bohusza-Sięstrzeńcewicza, metropolity rzymskich w Rosyi kościołów arcybiskupa mohilewskiego, prezydenta pierwszego departamentu rzymsko-katolickiego duchownego kollegium, różnych towarzystw uczonych członka, komandora i kawalera orderów s. Andrzeja Apostoła wielkiego krzyża, s. Włodzimerza pierwszej klasy, Aleksandra Newskiego, s. Anny I klasy, s. Jana Jerozulimskiego wielkiego krzyża, Orła Białego i s. Stanisława. Przez x. Jana Łaszkewicza Scholarum Piarum byłego prefecta, oraz nauczyciela literatury starożytnej w szkole wyższej Płockiej xx. piarów, miana w St. Petersburgu w kościele metropolitarnym katolickim dnia 9 grudnia 1826 roku / J. Łaszkiewicz..– Płock : Druk. XX. Piarów, 1827. – 29 s.

307. Misjonarze Świętego Wincentego a Paolo w Polsce (1651–2001) / pod red. S. Rosponda. – Kraków: Instytut wydawniczy księży misjonarzy Nasza Przeszłość, 2001. – T. 1. – 579 s.

308. Müller, W. Diecezja Krakowska w relacjach biskupów do Rzymu z XVII-XVIII wieku / W. Müller // Roczniki humanistyczne. – 1965. – T. 13. – Z. 2. – S. 69–70.

309. Müller, A. Pierwsza porozbiorowa konspiracja Litewska. Spisek ks. Ciecierskiego, przeora dominikanów wileńskich (1796–1797). Studium historyczne / A. Müller. – Kraków: OO. Dominikanie, 1936. – 174 s.

310. Niedziałkowski, K. (X.K.N.). Sięstrzeńcewicz–Bohusz S.J. / K. Niedziałkowski // Encyklopedia kościelna / pod red. M. Nowodworskiego. – Warszawa, 1902. – T. XXV. – S. 303–312.

311. Nitecki, P. Biskupi Kościoła w Polsce w latach 965–1999. Słownik biograficzny. / P. Nitecki; przedmowa ks. kardynała H. Gulbinowicza. – Warszawa: Instytut wydawniczy PAX, 2000. – XVI, 523, 41 s.

312. Olszamowska-Skowrońska, S. La correspondance des Papes et des Empereurs de Russie (1814–1878) selon les documents authentique / S. Olszamowska-Skowrońska. – Roma: Typis Pontificae Universitatis Gregorianae, 1970. –XIX, 386 s.

313. Parczewski, S. Mowa miana nad grobem jaśnie wielmożnego Stanisława Sięstrzeńcewicza-Bohusza, metropolity kościołów rzymsko-katolickiego w Rosyi, arcybiskupa

mohilewskiego etc. 15 decemera 1826 roku przez Stanisława Parczewskiego doktora teologii w kościele parafialnym, nowoustawionym w Petersburgu na Kolomnie. Przekład z francuzskiego w przypisach pomnożony / S. Parczewski. – Wilno: Druk A. Marcinowskiego, 1827. – 54 s.

314. Petrani, A. Kolegium Duchowne w Petersburgu / A. Petrani. – Lublin: Wydawnictwo Towarzystwa naukowego Katolickiego uniwersytetu Lubelskiego, 1950. – 152 s.

315. Petrani, A. Monografia o metropolie Sierżeńcewiczu / A. Petrani // Prawo kanoniczne. – 1970. – R. XIII. – № 1–2. – S. 292–309.

316. Piechnik, L. Seminaria duchowne w (Archi)diecezji Wileńskiej do 1939 r. // Studia teologiczne. – 1987–1988. – №5–6. – S. 201–231.

317. Pierling, P. Gabriel Gruber: et les jésuites réfugiés en Russie / P. Pierling; introd. de François Rouleau. – Meudon: Plamia, 1999. – 170 p.

318. Pierling, P. La Russie et le Saint-Siège. Etudes diplomatiques / P. Pierling. – Paris: Librairie Plon, 1912. – T. 5. – V, 480 s.

319. Przyałkowski, W. Żywoty biskupów Wileńskich / W. Przyałkowski. – Sankt-Petersburg: Druk. J. Ohryzki, 1860. – T. II. – 623 s.

320. Radwan, M. Repertorium archiwów archidiecezji mohylewskiej i diecezji mińskiej / M. Radwan. – Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 2001. – 268 s.

321. Radwan, M. Repertorium wizytacji kościołów i klasztorów w archiwach Petersburskiego Kolegium Duchownego (1797–1914). – Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 1998. – 231 s.

322. Relationis status dioecesium in Magno ducatu Lituaniae. Pluribus adlaborantibus in unum redegit Paulus Rabikauskas SJ. – Romae: Academiae Lituanae catholicae scientiarum, 1978. – Vol. II. – 776 p.

323. Rostocki, W. Berendt Andrzej / W. Rostocki // Encyklopedia Katolicka / pod red. R. Łukaszyka, Z. Sułowskiego [et al.]. – Lublin: Towarzystwo naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 1995. – T. 2. – Kol. 280.

324. Rouët de Journal, M.J. Nonciature d'Archetti. 1783–1784 / M.J. Rouet de Journal. – Citta del Vaticano: Biblioteca Apostolica Vaticana. 1952. – T. I. – 469, LXXVII p.

325. Rouët de Journal, M.J. Nonciature de Litta. 1797–1799 / M.J. Rouet de Journal. – Citta del Vaticano: Biblioteca Apostolica Vaticana. 1943. – T. II. – 452, LXXVIII p.

326. Rouët de Journal, M.J. Nonciature d'Arezzo. 1802–1806. Première partie: 1802–1804 / M.J. Rouet de Journal. – Rome: Imprimerie Polyglotte Vaticane. 1922. – T. III. P. 1. – 749, CLXVIII p.

327. Rouët de Journal, M.J. Nonciature d'Arezzo. 1802–1806. Seconde partie: 1804–1806 / M.J. Rouet de Journal. – Rome: Imprimerie Polyglotte Vaticane. 1927. – T. III. P. II. – 508 p.

328. Rouët de Journal, M.J. Benvenuti. 1799–1803 / M.J. Rouet de Journal. – Roma: Biblioteca Apostolica Vaticana, 1957. – T. IV. – XL, 471 p.

329. Salwa, T. Litewska prowincja księży misjonarzy (1794–1842) / T. Salwa // Nasza przeszłość. – 1981. – T. 56. – S. 147–235.

330. Skarbek, J. Organizacja parafialna w diecezji wileńskiej w latach 1772/3 – 1914 / J. Skarbek // Studia teologiczne. – 1987–1988. – № 5–6. – S. 118–143.

331. Spisek łacinskiego duchowienstwa Mohilewskiej archidiecezyi. Roku 1808. – Mohilew: Druk. J.W.J.X. metropolity rzymskich kościołów w Rosyi, 1808. – 46 p.

332. Stachowski, J.F.K. Rys życia i prac naukowych szanownego pana Stanisława Sierzeńcewicz, arcybiskupa mohilewskiego, metropolity kościołów rzymsko-katolickich w Rosyi, wielu orderów kawalera i wielu uczonych towarzystw honorowego członka: Skreślony i przedstawiony na publicznem posiedzeniu Towarzystwa naukowego krakowskiego z Uniwersytetem Jagiellońskim połączonego dnia 27 Maja 1839 roku przez J.X. Fr. Stachowskiego K.K.K. profesora przy tymże Uniwersytecie / J.F.K. Stachowski // Rocznik Towarzystwa naukowego z Uniwersytetem Krakowskim połączonego. – 1841. – T. I. — S. 166–181.

333. Statuta Imperialia Romanas Ecclesias quae in Rossia spectantia. Имянные указы касательно до правления римских

церквей в России находящихся. – Mohileviae: Typografia Privilegiata Archiepiscopal, 1784. – 103, 36 p.

334. Szantyr, S. Zbiór wiadomości o Kościele i religii katolickiej w Cesarstwie Rosyjskiem, a szczególnie w prowincjach od Polski przyłączonych od czasu pierwszego rozbioru Polski aż do końca panowania Aleksandra I i początków panowania Mikołaja I. Zebrany z piśm urzędowych, dokumentów i własnego widzenia przez jednego urzędnika rządowego – rosyjskiego / S. Szantyr. – Poznań: Wyd-wo i druk. W. Stefańskiego, 1843. – Cz. 1. – 405 s.

335. Teatr Jezuicki XVIII i XIX wieku w Polsce. Z antologią dramatu / Wstęp i opracowanie Irena Kadulka. – Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1997. – 552 s.

336. Thejner, A. Die neusten zustände der Katolischen Kirche beider Ritus in Polen und Russland seit Katharina II bis auf unsere Tage. Mit einem Bande Dokumente / A. Thejner. – Augsburg: K. Kollmann, 1841. – Bd. 2. – 378 p.

337. Wasilewski, J. Arcybiskupi i administratorowie archidiecezji mohilewskiej / J. Wasilewski. – Pińsk: Druk. diecezjalna, 1930. – 198 s.

338. Werycha-Darowski, A. Młodość Stanisława Bohusza Siestrzeńcewicza / A. Werycha-Darowski // Rocznik dla archeologów, numizmatyków i bibliografów polskich. Rok 1870. – Kraków: Druk. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1873. – S. 1–14.

339. Wołoszyński, R. Siestrzeńcewicz Bohusz S. / R. Wołoszyński // Polski Słownik Biograficzny. – Warszawa–Kraków, 1996–1997. – T. XXXVII. – S. 375–380.

340. Wołoszyński, R. Polsko – rosyjskie związki w naukach społecznych 1801–1830 / R. Wołoszyński. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1974. – 492 s.

341. Wyczawski H.E. Archidiecezja Warszawska w świetle schematyzmu z 1863 roku / H.E. Wyczawski // Studia theologia Varsavensia. – 1968. – R. 6. – № 1. – S. 289–341.

342. Wyczawski, H.E. Schematyzm bernardyński z 1755 roku / H.E. Wyczawski // Archiwa, biblioteki i muzea kościelne. – 1973. – T. 26. – S. 278–283.

343. Wyczawski, H.E. Siestrzeńcewicz Bohusz S. / H.E. Wyczawski // Słownik polskich teologów katolickich / pod red. H.E. Wyczawskiego. – Warszawa, 1983. – T. 4. – S. 79–82.

344. Załęski, S. Historya zniesienia zakonu jezuitów i jego zachowanie na Białej Rusi / S. Załęski. – Lwów. Druk. ludowa, 1874–1875. – T. 1–2.

345. Załęski, S. Jezuici w Polsce / S. Załęski. – Kraków: Druk. W.L. Anczyca, 1906. – T. 5. – 1300 s.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1772 г. Декабря 14.

Именной, данный Сенату. — О препорученіи въ Духовное управленіе Католическому Епископу всѣхъ Римскихъ Католическихъ монастырей и церквей, какъ въ присоединенныхъ отъ Польши Провинціяхъ, такъ и во всѣхъ городахъ находящихся, а Уніатскому Архіепископу монастырей и церквей въ однѣхъ только новопріобрѣтенныхъ Провинціяхъ; о бытіи при нихъ Духовнымъ Консисшоріямъ, о содержаніи ихъ, и о необнародованіи Папскихъ буллъ и повелѣній безъ Высочайшаго соизволенія.

Въ пріобрѣтенныхъ Нами нынѣ отъ Польши къ имперіи Российской провинціяхъ, въ разсужденіи духовнаго начальства п правленія дѣлъ духовныхъ, какъ для церквей Нашего православнаго закона, такъ для католицкихъ и уніатскихъ учреждаемъ слѣдующее: 1) Провинціи Витебская, Полоцкая и Двинская состоятъ имеютъ, касательно до православнаго грекороссійскаго закона, въ епархіи Псковской. 2) Могилевская, Оршанская, Мстиславская и Рогачевская, въ разсужденіи церквей и обывателей Нашего же православнаго закона, быть должны до указа енархією Могилевскою, и повелѣваемъ въ ней оставаться нынѣшнему епископу Георгію, которому и именоваться такъ, какъ сія епархія до сего времени именовалася. О сихъ двухъ пунктахъ Мы особенный Нашъ указъ дали Нашему Синоду. 3) Хотя католицкаго епископа нынѣ еще нѣтъ, но онъ вскорѣ быть имѣеть, которому Мы поручаемъ всѣ римскіе католицкіе монастыри и церкви въ духовное правленіе, и сверхъ того церкви же римскаго католицкаго закона, нахо-

дящіяся въ разныхъ городахъ всей Нашей имперіи, въ которыя сей католицкій епископъ не токмо по требованіямъ ихъ прихожанъ посвящать долженъ патровъ и приходскихъ католицкихъ поповъ, но и разбирать всякія духовный дѣла между прихожанами и ихъ духовными, по ихъ вѣрѣ и обрядамъ ихъ церковнымъ. А дабы церкви католицкія управлялись въ разсужденіи ихъ экономическихъ дѣлъ подаенія церковнаго отъ прихожанъ и прочихъ къ доброму порядку принадлежащее обстоятельства то даемъ епископу католицкому за правило тотъ самый регламентъ, который Мы Санктпетербургской католицкой киркѣ 1769 года февраля 12 дня за собственнымъ Нашимъ подписаніемъ дали, въ которомъ то только оставляется, что предписано по тогдашнимъ обстоятельствамъ, о выписываніи патровъ, а въ прочемъ всѣ сомнительные пункты ясно истолкованы, по чему и поступать надлежитъ. 4) Уніатскій нынѣшній архіепископъ остаться имѣетъ въ той же епархіи архіепископомъ, въ которой и нынѣ находится, и ему поручаются единственно во всѣхъ сихъ пріобрѣтенныхъ провинціяхъ монастыри и церкви уніатскіе съ ихъ прихожанами въ управленіе духовное, который въ разсужденіи порядка приходскихъ церквей, касающагося до содержанія ихъ, поступать долженъ по изображенному предписанію въ томъ же регламентѣ Санктпетербургской католицкой киркѣ. 5) Обоимъ симъ епископамъ имѣтъ при домахъ своихъ духовныя консисторіи для отправленія ихъ духовныхъ дѣлъ, въ которыя они онредѣлить могутъ по своему усмотрѣнію по 2 или по 3 человекъ изъ своихъ духовныхъ. 6) Епископу католицкому со всѣмъ своимъ домомъ и консисторіею содержать себя отъ каноничествъ Виленскихъ, къ Нашей имперіи нынѣ принадлежащихъ, отъ маетностей духовныхъ

римско-католицкнхъ и отъ посвященія во всѣ монастыри и церкви католицкія, которыя сему епископу принадлежатъ, разнаго званія духовныхъ и поповъ приходскпхъ; а Уніатскому архіепископу остаться на томъ содержаніи, на которомъ онъ и нынѣ находится, что и быть долженствуетъ до указа. 7) Губернаторамъ, Псковскому и Могилевскому крайнее наблюденіе имѣть, дабы католицкіе и уніатскіе епископы, каноники, приходскіе попы и всякаго званія ихъ духовные отнюдь не дерзали ни подѣ какимъ видомъ ни тайно, ни явно преклонять и обращать православныхъ Нашего греческаго исповѣданія въ другой законъ: о чемъ генераль-губернаторъ по Нашему повелѣнію, особеннымъ отъ себя манифестомъ во всѣхъ сихъ пріобрѣтенныхъ провинціяхъ публиковать имѣеть, съ угроженіемъ, за таковое преступленіе взысканія по законамъ. 8) Ежели епископъ римско-католицкій или уніатскій рѣшитъ дѣло духовное, касающееся экономіи и добраго порядка въ монастыряхъ и церквяхъ приходскихъ и тѣмъ его судомъ кто доволенъ не будетъ, таковымъ апеляція дается въ юстицъ-коллегіи Лифляндской, а на оную по порядку въ сенатъ такъ, какъ то Нами предписано въ регламентѣ отъ Насъ данномъ Санктпетербургской католицкой кирхѣ. 9) Какъ въ сихъ провинціяхъ католицкая и уніатская церкви, въ разсужденіи ихъ вѣры остаются при своихъ догматахъ и правилахъ, о чемъ уже и опубликовано: то ежели отъ папы прямо или чрезъ посредство конгрегаціи или инаго католицкаго духовнаго начальства прислана будетъ къ какой ни есть духовной власти булла или ипое какое повелѣніе для обнародованія находящимся въ сихъ новопріобрѣтенныхъ отъ Польши провинціяхъ католикамъ и уніатамъ, таковыя папскія буллы и повелѣнія, помянутый власти духовныя отсылать прежде должны къ генераль-губернатору Бѣло-

русскому для представленія Намъ самимъ и ожидать о объявленіи того въ народъ, Нашего соизволенія. Что по всему вышеписанному принадлежитъ до Нашего синода и до генераль-губернатора Бѣлорусскаго, о томъ Мы дали имъ особенные за Нашимъ подписаніемъ указы.

Поли. Собр. Зак. № 13922.

Источник – Акты издаваемые Виленскою археографическою комиссіею. Т. XVI Документы, относящіеся къ исторіи церковной уніи въ Россіи. – Вильна: тип. А.Г. Сыркина, 1889. – 701 с. – I Правительственныя распоряженія. – С. 2.

1779 г. Іюль3.

Именной, данный Бѣлорусскому генераль-губернатору графу Чернышеву. — О недозволеніи въѣзжать въ Россію духовнымъ римскаго и уніатскаго законовъ.

Согласны съ вами будучи, что пріѣздъ своевольный въ Бѣлорусскія губерніи заграничныхъ духовныхъ римскаго и уніатскаго законовъ, подъ именемъ провинціаловъ, визитаторовъ и тому подобныхъ, паже же распоряженія ими дѣлами церковными въ тѣхъ губерніяхъ, перемѣна начальниковъ и переводъ монашествующихъ не сходствуютъ первымъ учрежденіямъ по вступленіи сихъ провинцій подъ державу Нашу учиненнымъ и по многomu не полезны, Мы желаемъ, чтобъ вы архіепископу уніатскому и епископу католицкому тамошнымъ объявили соизволеніе Наше, дабы таковыя самоизвольно пріѣзжающіе и покушающіеся мѣшались въ правленіе церковное законовъ ихъ въ земляхъ Нашего подданства, отнюдь терпимы не были, но все бы то правленіе оставалось при помянутыхъ архіере-

яхъ, такъ какъ оное по волѣ Нашей имъ ввѣрено; чего ради предпишите, чтобъ прїѣзжающихъ на границахъ духовныхъ спрашиваемо было о причинахъ вѣзда ихъ, и тѣхъ, кои предъявляютъ собственныя свои нужды, препровождать съ границы католицкихъ къ Бѣлорусскому той церкви епископу, а уніатскихъ къ Полоцкому архіепископу, которые о ихъ прїѣздѣ, принятіи, употребленіи или же отсылкѣ по надобности вамъ извѣщали бы и за поведеніемъ ихъ надзирая отвѣтствовали, ѣдущихъ же для носѣщенія и осмотру монастырей независимо отъ помянутыхъ епархіальныхъ архіереевъ, отнюдь не пропускать.

П. С. З. № 14891.

Источник – Акты издаваемые Виленскою археографическою комиссіею. Т. XVI Документы, относящіеся къ исторіи церковной уніи въ Россіи. – Вильна: тип. А.Г. Сыркина, 1889. – 701 с. – I Правительственныя распоряженія. – С. 2.

1780 г. Генваря 9.

**Именной, данный всѣмъ генераль-губернаторамъ.—
О подчиненіи всѣхъ монастырей и церквей Римско-католическаго исповѣданія въ Россіи, Бѣлорусскому Епископу Сестренцевичу.**

Какъ въ имперіи Нашей, при свободномъ исповѣданіи римско-католическаго закона главное церковное начальство сего закона, по волѣ Нашей, ввѣрено епископу Бѣлорусскому Станиславу Сестренцевичу: то дабы сіе соизволеніе наше вездѣ въ точности исполняемо было, повелѣваемъ со стороны нашихъ генераль-губернаторовъ и прочихъ начальствъ наблюдать, во первыхъ: Чтобы отъ всѣхъ монастырей и церквей римскихъ, въ Россіи обрѣтающихся, ему епископу должное повиновеніе ока-

зывается было. А второе: Чтобы никто изъ духовныхъ римскихъ въ церковное служеніе, визитацію, исправленіе и прочія по обрядамъ того закона потребности не дерзаль вступаться, кромѣ тѣхъ единственно, кои отъ помянутаго епископа, яко по волѣ Нашей учрежденная въ имперіи Нашей законнаго римскія церкви пастыря, имѣють на то дозволеніе и бдагословеніе, и оное на письмѣ предъявить: чего ради о всякомъ изъ сихъ духовныхъ, когда кто изъ нихъ смертію или инымъ случаемъ выбудетъ изъ мѣста своего, Бѣлорусекаго епископа увѣдомлять. Если же таковые безъ вѣдома его въ духовныя римской церкви дѣла и служенія вмѣшивающіеся найдутся, таковыхъ отъ уѣзда къ уѣзду и отъ губерніи къ другой препровождать къ границамъ для высылки внѣ оныхъ, о чемъ и намъ донести. Подтверждаемъ при томъ, чтобы и въ грапицы никто изъ духовенства сего допускаемъ не былъ ниако, какъ когда онъ представить свидетельство призыва, или дозволенія епископа Бѣлорусскаго; а ежели которые изъ подобныхъ объявятъ, что къ нему имѣють нужду, оныхъ отсылать къ Бѣлорусскому нашему генераль-губернатору; въ небытность же его къ правителю Могилевскаго намѣстничества, кои могутъ препровождать ихъ къ епископу.

П. С. 3. № 4966.

Источник – Акты издаваемые Виленскою археографическою комиссіею. Т. XVI Документы, относящіеся къ исторіи церковной уніи въ Россіи. – Вильна: тип. А.Г. Сыркина, 1889. – 701 с. – I Правительственныя распоряженія. – С. 3.

1782 г. Генваря 17.

Именный, данный Сенату. — Объ учрежденіи въ городѣ Могилевѣ Архіепископства Римско-католическаго исповѣданіа.

Въ уваженіи, что Римская церковь, по дарованной отъ предковъ Нашихъ и отъ Насъ свобода различнымъ вѣрамъ въ

Имнерін Нашей, имѣть немалое число исповѣдующихъ догматы ея въ разныхъ мѣстахъ и самыхъ отдаленныхъ предѣлахъ Россійскихъ, въ 1773 году признали Мы нужнымъ для нихъ опредѣлить Архіерея изъ подданныхъ Нашихъ, къ каковому служенію тогда же избрали Епископа Станислава Сестренцевича, который, по долгу вѣрнаго Намъ подданства и по усердію къ церкви своей, добропорядочнымъ управленіемъ паствы ему ввѣренной и многими о пользѣ общей стараніями заслужилъ Наше Монаршее къ себѣ благоволеніе. Мы нынѣ разпространяя попеченія Наши о вѣрныхъ подданныхъ Нашихъ Римскаго исповѣданія, по отобраніи надлежащихъ свѣдѣній къ лучшему управленію церковныхъ дѣлъ, разсудили заблаго учинить слѣдующія распоряженія:

1) Могилевскаго Намѣстничества въ губернскомъ городѣ Могилевѣ повелѣваемъ отнынѣ быть Архіепископству Римскаго исповѣданія, заключаая въ Епархіи сего Архіепископа всѣ приходы и монастыри того закона, находящіеся какъ въ Могилевскомъ и Полоцкомъ Намѣстничествахъ, такъ въ обѣихъ Нашихъ Столицахъ и во всѣхъ мѣстахъ Всероссійской Имперіи.

2) Въ санъ Архіепископа Могилевскаго Римской церкви Всемиловѣйше жалуемъ Епископа Станислава Сестренцевича.

3) Въ пособіе ему опредѣляемъ быть коадьютору, назначая въ чинъ сей Игумена Іоана Вениславскаго, каноника Архіепископства Могилевскаго, Настоятеля Динабургскаго, о посвященіи котораго въ Епископскій санъ указали Мы принять надлежащія мѣры.

4) Кoadьютору Архіепископства Могилевскаго Римской церкви производить жалованье по 1200 рублей на годъ.

5) Архіепископу Могилевскому Римской церкви ни отъ кого болѣе не получать указовъ, кромѣ Насъ и Сената Нашего.

6) Сему Архіепископу для разсмотрѣнія и вершенія дѣлъ, въ коихъ церковные и гражданств законы предполагаютъ разборъ духовныхъ мѣстъ, учредить подъ предсѣданіемъ своимъ

консисторію изъ несколько канониковъ въ подданствѣ Нашемъ родившихся или въ немъ утвержденныхъ составленную, въ коей, если бы дѣло коснулось до осужденія мірскаго человѣка, требовать отъ гражданскаго Правленія депутата для присутствія въ консисторіи по тому дѣлу; а кто судомъ сея консисторіи и Архіепископа доволенъ не будетъ, тѣ могутъ приносить яшіюбы свои въ Сенатъ.

7) Юстицъ-коллегіи Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Финляндскихъ дѣлъ въ дѣла до Римской церкви принадлежащая вступаться вовсе запретить.

8) Отправленіе къ монастырямъ Настоятелей или Начальниковъ, а къ приходамъ поповъ и прочихъ духовныхъ Римской вѣры чиновъ во Всероссийской Имперіи принадлежитъ ко власти Архіепископа отъ Насъ поставленная, которому повелѣваемъ самому отчасти чрезъ коадьютора своего разсмотрѣть обо всѣхъ таковыхъ Настоятеляхъ и попахъ, и тѣхъ изъ нихъ оставить, или вновь опредѣлить. кои въ подданствѣ Нашемъ родилися или утверждены, а временно присылаемыхъ изъ заграницы отрѣшты и впредь не терпѣть, запрети пріемъ оныхъ подъ опасеніемъ мірскаго суда за престуленіе въ неисполнении указовъ верховной власти.

9) Въ прочемъ, что касается до обрядовъ Санкт-петербургскаго Римской вѣры прихода, утвержденныхъ Нашими привилегією и Регламентомъ, въ разсужденіи избранія церковныхъ старшинъ, управленія доходами и тому подобнаго въ пользу онаго прихода, въ томъ поступать по силѣ означенныхъ привилегии и Регламента; но въ разсужденіи опредѣленія поповъ и сей приходъ не исключается изъ вышепредписанныхъ правилъ; поелику призывъ и допущеніе къ оному монаховъ терпимъ былъ прежде по неимѣнію въ России собственнаго Епископа Римской вѣры.

10) Подтверждаемъ запрещенія Наши, въ указахъ нашихъ отъ 3 Іюля 1779 года къ Бѣлорусскому Генераль-Губернатору и отъ 9 Генваря 1780 года всѣмъ Генераль-

Губернаторамъ данныхъ изображенныя о не въѣздѣ въ границы Наши духовенству изъ чужихъ предѣловъ, и повелѣваемъ, гдѣ таковыя явятся, отсылать подъ стражею въ Губернскія Правленія для поступленія съ ними по законамъ; а равнымъ образомъ и тѣхъ, кои въ противность сему безъ Архіепископскаго дозволенія таковыхъ принимать будутъ, отсылать къ надлежащему суду для поступленія съ ними по законамъ.

11) Подтверждаемъ, чтобъ всѣ монашескіе ордена Римской вѣры, завися единственно отъ Архіепископа Могилевскаго, его коадьютора и консисторіи, не дерзали навлекать на себя зависимость отъ какой либо духовной власти внѣ Имперіи Нашей пребывающей, высылать имъ доходы или части оныхъ или же имѣть съ нимъ какое либо отношеніе подъ опасеніемъ мірскаго суда за преступленіе въ неисполненіи указовъ верховной власти.

12) Могилевскому Архіепископу Римской церкви повелѣваемъ прислать Намъ обстоятельное извѣстіе о всѣхъ монастыряхъ той церкви съ означеніемъ, которые изъ нихъ прямо въ богоугодныхъ и обществу полезныхъ упражненіяхъ обращаются, разумѣя просвѣщеніе юношества, служеніе немощнымъ и призрѣніе помощи требующихъ, каковыя установленія долженъ онъ всемѣрно охранять, или же которые въ праздности и уединенной жизни безъ всякаго ближнему пособія живутъ въ тягость міру, дабы Мы въ славу Богу и на пользу общества могли о всемъ томъ учредить лучшимъ по возможности образомъ.

13) Подтверждаемъ прежніе указы Наши о неприниманіи никакихъ буллъ Папскихъ, или отъ имени его писанныхъ посланій, повелѣвая отсылать оныя въ Нашъ Сенатъ, который разсмотря содержание ихъ и особливо не находится ли въ нихъ чего-либо несходственнаго съ гражданскими законами Всероссійской Имперіи, съ правами самодержавной власти, отъ Бога Намъ данныя, обязанъ будетъ мнѣніе свое Намъ представлять и ожидать позволенія или запрещенія Нашего на обнародованіе подобныхъ буллъ и посланій. Сей указъ Нашъ опубликовать

вездѣ, гдѣ надлежитъ; въ церквахъ же Римскаго исповѣданія оный для всенародная свѣдѣнія выставленъ быть долженъ.

Источник – Акты издаваемые Виленскою археографическою комиссіею. Т. XVI Документы, относящіеся къ исторіи церковной уніи въ Россіи. – Вильна: тип. А.Г. Сыркина, 1889. – 701 с. – I Правительственныя распоряженія. – С. 3–4.

1783 г. Августа 22.

Сенатскій. – О невѣнчаніи жениховъ Грекороссійскаго исповѣданія съ невѣстами Римской или Уніатской религіи въ степеняхъ запрещенныхъ Православною церковью.

Правительствующая Сенать, слушавъ рапортъ Бѣлорусскаго Генераль-Губернатора, Сенатора и Кавалера Петра Богдановича Пассека, коимъ въ слѣдствіе указа изъ Сената, прописывая, какой порядокъ въ ввѣренныхъ ему Губерніяхъ при вступленіи въ бракъ жениховъ Греческаго исповѣданія съ невѣстами Уніатской церкви, и какая близость родства между ими въ такомъ случаѣ наблюдается, доносить, что какъ Римское, такъ и Уніатское духовенство, при вступленіи въ бракъ жениховъ Грекороссійской церкви съ невѣстами ихъ исповѣданія, не дѣлаетъ никакого сношенія съ священниками оной церкви; прошлаго жъ 1782 года Октябрю 31 дня Святѣйшій Правительствующій Синодъ вѣденіемъ Сенату сообщилъ, что Преосвященный Инокентій, Архіепископъ Псковскій доношеніемъ представлялъ, что Уніатскіе Священники, будучи оставлены въ разсужденіи поступленія съ сочетающими бракомъ на томъ же основаніи, каковое постановлено въ трактатѣ, заключенномъ 1768 года между Россійскою Имперіею и рѣчью Посполитою Польскою, столь далеко вольность свою простирать начали, что невѣсть Уніатской вѣры вѣнчаютъ съ женихами нашего Православнаго исповѣданія. не смотря на самое ближайшее между ими родство,

въ противность и нарушение Святыхъ Правиль, какъ-то: двухъ братьевъ соче-тають бракомъ съ родными сестрами, родныхъ отцовъ и сыновей съ матерями и дочерьми; почему Святѣйшій Синодъ, сообщая о семъ, просить о предписаніи Римскому и Уніатскому духовенству, чтобъ оно таковыхъ браковъ, въ которыя будутъ вступать нашего исповѣдапія женихи съ невѣстами Римской религіи, безъ надлежащаго о свободности ихъ къ браку освѣдомленія, сами собою не вѣнчали, а имѣли о томъ сношеніе съ Священниками Грекороссійскія церкви, у которыхъ въ приходѣ женихъ жительство имѣть. Приказали: хотя въ трактатѣ, заключенномъ въ 1768 году между Россійскою Имперіею и рѣчью Посполитою Польскою артикула 2 въ § 10 и постановлено, бракосочетаніе между людьми разной вѣры, то есть Католицкой, Римской, Греческой, Иеунитской и Евангелической обоого исповѣданія, не имѣють быть ни отъ кого запрещаемы и препятствуемы; но однако же содержаніе и смыслъ сего постановленія не распространяется такъ далеко, чтобъ сопрягающіяся лица Грекороссійскаго исповѣданія могли съ иновѣрными вступать въ браки безъ всякаго разбора такой близости родства, въ которой по правиламъ Святыхъ Отцовъ, Православною Греческою церковію принятымъ, бракосочетаніе возбраняется; почему само по себѣ уже разумеется, что хотя бракосочетанія по силѣ вышепрописаннаго заключеннаго договора съ иновѣрными и не возбраняются, однако же бракосочетающіяся лица Грекороссійскаго исповѣданія, при вступленіи въ бракъ съ иновѣрными, относительно до близости степеней родства, должны наблюдать Правила вѣры, ими исповѣдываемой; ибо, какъ законами строго запрещено подданнымъ Россійскимъ Грекороссійскаго исповѣданія переходить въ другую вѣру, то равно запрещается и преступать принятый Грекороссійскою церковію Правила; чего для и предписать Вѣлорусскому Г. Генераль-Губернатору, дабы онъ, снесясь съ Бѣлорусскимъ Римскія церкви Архіепископомъ Сестренцевичемъ, сдѣлалъ распоряженіе, дабы Римское и Уніатское духовенство такихъ браковъ, въ кото-

рые будутъ вступать женихи Грекороссійскаго исповѣданія съ невѣстами Римской и Уніатской религіи, кои по содержанію трактата вѣнчаться доляшы Священникъ о мѣ той вѣры, въ которой будетъ состоять невѣста, безъ надлежащаго о свободности ихъ къ браку отъ Россійскаго духовенства, у которыхъ въ приходѣ женихъ будетъ, освѣдомленія сами собою не вѣнчали; о чемъ дать знать изъ Сената и Бѣлорусскому Римскому Архіепископу Сестренцевичу, а Святѣйшему Синоду сообщить вѣденіемъ съ тѣмъ, чтобы оный благоволилъ, кому надлежитъ, по вѣдомству своему сдѣлать предписаніе, дабы Россійское духовенство, въ случаѣ доходящихъ до нихъ требованій отъ иновѣрнаго духовенства, объ увѣдомленіи онаго относительно близости родства въ браки вступающихъ, справливаясь о томъ въ своихъ приходахъ, немедленно давали требуемый извѣстія безъ всякаго медленія и проволочки.

П. С. З. № 15819.

Источник – Акты издаваемые Виленскою археографическою комиссіею. Т. XVI Документы, относящіеся къ исторіи церковной уніи въ Россіи. – Вильна: тип. А.Г. Сыркина, 1889. – 701 с. – I Правительственныя распоряженія. – С. 5.

1797 г. Февраля 26.

Именной, данный Сенату Объ учрежденіи при Юстицъ-Коллегіи Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Финляндскихъ дѣлъ Департамента для Римско-Католическихъ Юстицкихъ дѣлъ.

Желая доставить удовлетвореніе вѣрнымъ Нашимъ поданнымъ Римско-Католическаго исповѣданія въ Бѣлоруссіи, такожъ въ нововозвращенныхъ отъ Польши Губерніяхъ, и въ другихъ частяхъ Нашей Имперіи обитающихъ, по дѣламъ, до духо-

венства и брачныхъ тяжбъ относящимся, повелѣваемъ: учредить въ Санктпетербургѣ при Юстицъ-Колллегіи Лифляндскпхъ, Эстляндскихъ и Финляндскихъ дѣлъ, подѣ особымъ надзираніемъ Президента той Колллегіи, Департаментъ для Римско-Католическихъ Юстицкихъ дѣлъ, въ которомъ производится симъ дѣламъ на основаніи принадлежащихъ. тѣмъ народамъ законовъ, подобно какъ оныя въ самой Юстицъ-Колллегіи теченіе свое имѣютъ; и для того долженствуетъ Сенатъ во первыхъ постановить, чтобы дѣла сіи по окончаніи въ частныхъ Духовныхъ Правительствахъ, входили на вершеніе въ сей Департаментъ, а изъ онаго по апелляціи въ Сенатъ; во вторыхъ составить сему Департаменту штатъ въ количестве Членовъ и нхъ жалованья протнву Юстицъ-Колллегіи; на секретаря же, приказныхъ служителей и на расходъ определить ежегодно по 5.000 рублей.

П. С. З. № 17536.

Источник – Акты издаваемые Виленскою археографическою комиссіею. Т. XVI Документы, относящіеся къ исторіи церковной уніи въ Россіи. – Вильна: тип. А.Г. Сыркина, 1889. – 701 с. – I Правительственныя распоряженія. – С. 13.

1797 г. Марта 6.

Высочайше утвержденный докладъ Сената. – Обь устройствѣ Департамента для Римско-Католическихъ Юстицкихъ дѣлъ.

Докладъ. Нменнымъ Вашего Императорскаго Величества указомъ, даннымъ Сенату минувашаго Февраля въ 26 день повелеть соизволили, для удовлетворения вернымъ Вашего Императорскаго Велпчества подданнымъ Римско-Католическаго исповеданія въ Белоруссіи, также въ нововозвращенныхъ отъ Польши Губерніяхъ и въ другихъ частяхъ Имперіи Вашего Величества обитающихъ по дѣламъ до духовенства и брачныхъ тяжбъ относящимся, учредить въ Санктпетербургѣ при Юстицъ-

Коллегіи Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Финляндскихъ дѣлъ подъ особымъ надзираіемъ Президента той Коллегіи Департаментъ для Римско-Католическихъ Юстицкихъ дѣлъ, въ которомъ производится симъ дѣламъ на основаніи принадлежащихъ тѣмъ народамъ законовъ. подобно, какъ оныя въ самой Юстицъ-Коллегіи теченіе свое имѣютъ; и для того долженствовать Сенатъ: во первыхъ, постановить, чтобы дѣла сіи по окончаніи въ частныхъ Духовныхъ Правительствахъ входили на вершеніе въ сей Департамента, а изъ онаго по апелляціи въ Сенатъ; во вторыхъ, составить сему Департаменту штатъ въ количестве Членовъ и пхъ жалованья нротиву Юстицъ-Коллегіи; на Секретаря же, приказныхъ служителей и на расходъ опредѣлить ежегодно по 5.000 рублей. Сенатъ во исполненіе сего Высочайшаго указа, принявъ для составленія ввелѣннаго Вашимъ Императорскимъ Величествомъ штата образцомъ штатъ 1763 года Декабря 27 дня Юстицъ-Коллегіи Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Финляндскихъ дѣлъ, какъ въ количестве членовъ, и въ жалованье имъ, признаетъ за нужное положить и особеннаго въ новоучреждаемый Департаментъ Прокурора съ жалованьемъ нротиву Юстицъ-Коллежскаго, въ таковомъ уваженіи, что какъ въ оный Департаментъ будутъ вступать изъ частныхъ Духовныхъ Римско-Католическихъ Правительствъ дѣла относящаяся до духовенства и до брачныхъ тяжбебъ; въ Юстицъ же Коллегіи Лифляндской но большей части определяемы бывають въ Прокуроры изъ Протестантскаго закона; а при томъ чрезъ возвращеніе вновь отъ Польши Губерній число дѣлъ Римско-Католическихъ умножится несравненно нротиву прежнихъ временъ, то не безъ великихъ будетъ затрудненій иметь подъ паблюденіемъ столь обширную и еще совсѣмъ новую часть одному Юстицъ Коллегіи Прокурору, а паче ежели онъ Протестантская исповѣданія, то по существу имеющихъ вступать въ оный Департаментъ дель, ему надъ онымъ иметь паблюденіе и неудобно. Сверхъ же того въ слѣдствіе Высочайше конфирмованная сего года Генваря 14 дня ноложенія о юнкерахъ, Сенатъ въ семъ же штате назначаетъ при Юстицъ-Коллегіи Лифлендской для старого и вновь учреждаемаго Департамента всего 7 Коллегіи Юнкеровъ съ жалованьемъ

нротиву штата Коллегіи Юнкеровъ изданная, и на семь основаніи составя означенному Департаменту штатъ, имѣть счастье всеподданнейше поднести оный при семь на Высокомонаршее Вашего Императорская Величества благоусмотрѣніе и ожидать Высочайшая указа. Резолюція: быть по сему.

П. С. З. № 17870.

Источник – Акты издаваемые Виленскою археографическою комиссією. Т. XVI Документы, относящіеся къ исторіи церковной уніи въ Россіи. – Вильна: тип. А.Г. Сыркина, 1889. – 701 с. – I Правительственныя распоряженія. – С. 14.

1797 г. Марта. 18.

Манифестъ. – О свободномъ вѣроисповѣданіи, о непривлеканіи въ присоединившихъ отъ Польши Губерніяхъ людей изъ Грекороссійской вѣры въ Католическую, и о свободы тѣмъ, кои сами отъ другихъ исповѣданій къ Православной Церкви присоединиться пожелаютъ.

Объявляется всенародно. Вступивъ на прародительский Нашъ Императорскій Престоль, предположили мы священнымъ Себе долгомъ обезпечить каждому свободу исповеданія вѣры имъ содержимой, охранять всѣми мѣрами Святую-Грекороссійскую Православную вѣру, Нами Самими и природными Россійскими верноноданными исповедываемую, и наблюдать притомтъ, дабы каждый изъ вѣрноподданнаго Намъ народа обращался въ пределахъ званію и состояние его преднаписанныхъ, исполняя его обязанность и удаляясь всего тому противная, яко разрушающая порядокъ и спокойствіе въ обществѣ. Ныне уведомляемся, что въ некоторыхъ присоединенныхъ отъ Польши къ Державѣ Нашей Губерніяхъ, духовенство и помѣщики Римско-Католическаго исповѣданія, обращая во зло данную отъ Насъ таковую свободу исповеданія веры, явнымъ образомъ притѣсняютъ священнослужителей Православной Грекороссійскія Церкви, и не токмо тайно внушеніями. но даже

и насильственно отторгають отъ Церкви сей людей, добровольно къ ней прилѣпившихся, обращая ихъ къ Уніятству. Болѣзную милосердно о таковыхъ неблагонамѣренныхъ Нашихъ подданныхъ, и полагая тутъ источникомъ единую разность исповѣданія народъ тамошній раздѣляющую, восхотѣли Мы предварительно употребить средства къ отвращенію междоусобныхъ распръ; почему Монаршимъ и Отеческимъ гласомъ Нашимъ повелѣваемъ, дабы пребывающіе въ присоединенныхъ отъ Польши Губерніяхъ Нашихъ разныхъ наименованій и чиновъ духовенство, помѣщики и другаго званія люди, Римско-Католическое исповѣданіе содержащіе, пользуясь сами свободою исповѣдыванія, не только не привлекали въ оное тайно совѣтами и внушеніями, или же явно насильственно, всякого рода вѣрноподдапныхъ Нашихъ, одну съ Нами Православную Грекороссійскую вѣру исповѣдующихъ, но даже и не стѣсняли бы свободы тѣмъ, кои по добровольному руководству со-вѣсти сами отъ другихъ исповѣданій къ Православной Церкви присоединиться возжелаютъ, не дѣлая отнюдь и самомалѣйшаго помѣшательства въ правилахъ и священнослуженіи на алтаряхъ сей церкви, и не оскорбляя ничѣмъ священныхъ и церковныхъ ея служителей, подъ опасеніемъ за преслушаніе сей Нашей воли наказанія по всей строгости законовъ. Сей указъ Нашъ читать означенныхъ присоединеніяхъ отъ Польши Губерній какъ въ Православныхъ, такъ и другихъ всѣхъ церквахъ всенародно.

Источник — Акты издаваемые Виленскою археографическою комиссіею. Т. XVI Документы, относящіеся къ исторіи церковной уніи въ Россіи. — Вильна: тип. А.Г. Сыркина, 1889. — 701 с. — I Правительственныя распоряженія. — С. 14.

1798 г. Генваря 26.

Именный, данный Сенату. – Объ отдѣленіи Департамента Римскаго исповѣданія отъ Юстицъ-Коллегіи Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Финляндскихъ дѣлъ.

Департаментъ для разбора дѣлъ Римскаго исповѣданія, учрежденный при Юстицъ-Коллегіи Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Финляндскихъ дѣлъ, повелѣваемъ отъ означенной Коллегіи отделить, и быть оному подъ особымъ начальствомъ Архіепископа Могилевскаго и Римскихъ церквей Сестренцевича.

П. С. З. № 18345.

Источник – Акты издаваемые Виленскою археографическою комиссіею. Т. XVI Документы, относящіеся къ исторіи церковной уніи въ Россіи. – Вильна: тип. А.Г. Сыркина, 1889. – 701 с. – I Правительственныя распоряженія. – С. 15.

1798 г. Апрѣля 28.

Именный, данный Сенату – Объ оставленіи изъ бывшихъ въ присоединенныхъ къ Россіи областяхъ разныхъ Уніатскихъ епархій Архіепископства Полоцкаго и Епископствъ Бржетскаго и Луцкаго, и о распространение указа о Епархіяхъ Римской вѣры и на Уніатовъ.

По распоряженіи о Епархіяхъ Римской вѣры, въ Имперіи Нашей обрѣтающихся, признали Мы заблаго сдѣлать таковыя же и о Епархіяхъ Унитскаго исповѣданія. Повелѣвая: 1. Изъ бывшихъ въ присоединенныхъ къ Имперіи Нашей Областяхъ разныхъ Унитскихъ Епархій, оставить Архіепископство Полоцкое для Уніатовъ, въ Губерніи Бѣлорусской обитающихъ, для таковыхъ же въ Литовской и Минской Губерніяхъ Епископство Бржесткое, а для прочихъ Губерній Епископство Луцкое, изъ коихъ въ первомъ находится Архіепископъ Ираклій Лисовскій, въ Брестскомъ Епископъ Арсеній Гловневскій, а въ Луцкомъ быть по прежнему Епископу Степану Левинскому. 2. Остаю-

щимся за симъ бывшимъ Унитскому Митрополиту Θεодосію Ростоцкому и Епископамъ, которымъ по указу, отъ 6 Сентября 1795 года, управлявшему томошними Губерніями данному, определены пенсіоны, пользоваться оными по смерть, пребывая спокойно въ городахъ, или монастыряхъ ихъ закона, гдѣ они изберутъ въ Имиеріи Нашей; а равнымъ образомъ таковой же противу Епископовъ пенсіонъ дать и бывшему Епископу Пинскому Іосафату Булгаку. 3. Все, что относительно церковнаго управленія, монашествующихъ школъ, разныхъ установленій и прочаго, предписано въ указѣ Нашемъ о Епархіяхъ Римской вѣры, наблюдать и исполнять въ самой точности и въ разсужденіи Унитовъ, въ Имперіи Нашей обитающихъ.

П. С. 3. № 18503.

Источник – Акты издаваемые Виленскою археографическою комиссіею. Т. XVI Документы, относящіеся къ исторіи церковной уніи въ Россіи. – Вильна: тип. А.Г. Сыркина, 1889. – 701 с. – I Правительственныя распоряженія. – С. 16.

1798 г. Апрѣля 28.

Именный, данный Сенату. — О бытіи въ Россіи для исповѣдающихъ Римскую вѣру шести Діоцезіямъ, о содержаніе Архіепископа, Епископовъ и при нихъ Суффрагановъ и Оффиціаловъ Генеральныхъ; о переносѣ на апелляцію дѣлъ изъ Консисторій; о зависимости чиновъ и должностей церковныхъ, а также Семинарій и школъ отъ Архіереевъ, о запрещеніе принимать или помѣщать Иностранныхъ Духовныхъ; о именованіи Архіепископа Могилевскаго Митрополитомъ, о пребываніи его и о неимѣніи ему сношеній съ Иностранными землями, безъ дозволенія Верховной власти.

Имея попеченіе, дабы подданные Наши Римской вѣры, въ разныхъ Областяхъ пространной Имперіи Нашей обитающіе, пользовался по церковнымъ дѣламъ надлежащимъ управ-

леніємъ, признали Мы за благо сдѣлать слѣдующія распоряженія: 1) Въ Имперіи Всероссійской, для исповѣдающихъ помянутую вѣру, Римской церкви, а именно: 1. Архіепископство Могилевское, прежде учрежденное, заключающее въ себѣ Губерніи Белорусскую и Кіевскую, со всѣми церквами того закона, въ прочихъ Губерніяхъ до 1793 года существовавшихъ. 2. Епископство Виленское въ Губерніяхъ Литовской и Курляндской, за исключеніемъ изъ первой земли Жмудской или Самогиціи. 3. Въ сей последней земле Епископство Самогитское. 4. Въ Губерніи Волынской Епископство Луцкое. 5. Епископство Каменецкое въ Губерніи Подольской; и накопецъ 6. Епископство Минское въ Губерніи того же названія. 2) Сверхъ Архіепископа Могилевскаго Станислава Сестренцевича, который уже издавна управляя радетельно своею паствою, усердіемъ своимъ къ службѣ Нашей пріобрѣлъ особливое Наше благоволеніе, и Жмудскаго Епископа Стефана Князя Гедроица, Епископомъ Виленскимъ определенъ уже отъ насъ бывший Лифляндскій Епископъ Іоаннъ Корвинъ Коссаковскій, а равномерно и въ прочія Епархіи назначаемъ, Епископомъ Луцкимъ, находившаяся въ томъ же званіи въ Житомире Гаспара Цецишовскаго, въ Каменецъ Кoadьютора тамошняго Іоанна Дембовскаго, и въ Минскъ Прелата Іакова Дедерка. 3) Содержаніе Архіепископа Могилевскаго и Епископа Виленскаго определено уже указами Нашими, Епископы Жмудскій и Луцкій должны получать оное отъ имѣній, къ катедрамъ ихъ припадающихъ, кои не розданы, а Епископамъ Каменецкому и Минскому производить на содержаніе ихъ съ домами и катедрами по 6.000 рублей изъ суммъ, назначенныхъ по Казначейству Нашему на содержание иноверныхъ Духовныхъ въ Государствѣ. 4) Всякой Епископъ будетъ содержать въ Епархіи своей одного Суффрагана, съ титуломъ Епископа въ странахъ неверныхъ, для помощи ему въ отправленіи техъ службъ, коихъ требуетъ санъ архіерея, для чего, сверхъ состоящихъ нынѣ, имѣютъ быть посвящены изъ получившихъ Буллы Прелаты: Адамъ Корвинъ Коссаковскій, Георгій Полубинскій, Давидъ Пелховскій и Адамъ Клокоцкій, и, по сношенію Архіепископа Могилевскаго съ прочими Епископами определены по

Епархіямъ. 5) Равномерно каждый Епархіальный Архіерей долженъ имѣть одного Оффиціала или Викарія генеральная, для управленія подъ нимъ Епархіею со властію, каковая отъ Епископа дана ему быть можетъ, сообразно ихъ правиламъ. Сей Оффиціальъ будетъ засѣдать въ Консисторіи съ Вице-Викаріемъ и Ассесорами; въ случае же апелляціи по деламъ вершимымъ въ Консисторіи, оныя переносятся не къ Архіерею, но въ Департаментъ, для дель церковныхъ Римскаго закона, въ Столице Нашей учрежденный. 6) Все Бенефиціи, Аббатства, Прелатства, Каноничества, Ректорства, мѣста въ приходскихъ церквахъ и словомъ, все чины и должности церковныя въ Епархіи безъ изключенія, раздачею зависятъ единственно отъ местная Архіерея. 7) Какъ одно изъ главныхъ попеченій Епископскихъ долженствуетъ быть, снабдить Епархію свою людьми, чужестранныя языки знающими; то и подтверждается строжайшее запрещеніе принимать или помещать иностранныхъ Духовныхъ, разве о комъ последуетъ точная Наша воля. 8) Архіепископу Могилевскому именоваться Архіепископомъ Митрополитомъ, и имѣя все те наружныя отличности, которыя по обрядамъ Римской церкви въ томъ преимущественномъ сане и месте свойственны, пользоваться и теми правами, кои только могутъ быть присвоены ему, не токмо по Епархіи, но и относительно къ другимъ единовернымъ къ Епископствамъ, какъ единственному Архіепископу Митрополиту той церкви въ Россіи. Въ разсужденіи обширности паствы его, дозволяемъ ему пребываніе имѣть какъ въ городѣ Могилевѣ, такъ въ Столицѣ или Губерніи Кіевской, токмо не внѣ его Епархіи. 9) А дабы его катедра не оставалася безъ службы, принадлежащей Епископскому сану, Препозитъ Могилевскій долженствуетъ быть всегда Епископомъ Суффраганомъ Могилевскимъ, и тамъ имѣть всегдашнее пребываніе; два же прочее Епископы его Суффраганы останутся для отправленія должности ихъ, Іоаннъ Бениславскій въ Полоцкѣ, а Георгій Павеловскій въ Кіевѣ. 10) Всѣ ордены законническіе и монашескіе обоюго пола и какого бы званія ни были. безъ изыята подчиняются Архіепископу и Епископамъ, каждому въ своей Епархіи, такимъ образомъ, что Провинціалы или другіе Началь-

ники единственно отъ нихъ зависѣть должны; и какъ употребленіе монашествующихъ на службу для пользы церковной и блага общественнаго, такъ въ обще распоряженіе монастырей, поколику то съ правилами ихъ церкви согласно къ нимъ относится. 11) Равномѣрно Семинаріи, школы и всякая церковныя или духовный установленія предлежать Главному управленію и попеченію Архіепископа и Епископовъ по Епархіямъ. 12) Подтверждаемъ существовавшее донынѣ распоряженіе, чтобъ Духовные Римской вѣры, въ Имперіи Нашей обрѣтающіеся, безъ дозволенія Верховной власти, не имѣли никакихъ отношеній внѣ предѣловъ Нашихъ; не высылали доходовъ за границу безъ воли Нашей, и въ случаѣ присылки Буллъ или посланій отъ Папы, чтобъ Архіепископъ и Епископы представляли оныя на усмотрѣніе и рѣшеніе Наше. 13) Въ которыхъ мѣстахъ для пребыванія Архіеревъ не находятся дома особые, тамъ оныя помѣщены быть имѣютъ въ монастыряхъ Римскаго исповѣданія, обрати для того преимущественно такіе, кои, по праздности монашествующихъ, не служатъ на пользу или надобность общественный, что и предоставляемъ на распоряженіе Гражданскихъ Губернаторовъ, по сношенію съ Архіепископомъ и Епископами.

П. С. 3. № 18504.

Источник – Акты издаваемые Виленскою археографическою комиссіею. Т. XVI Документы, относящіеся къ исторіи церковной уніи въ Россіи. – Вильна: тип. А.Г. Сыркина, 1889. – 701 с. – I Правительственныя распоряженія. – С. 16.

1798 г. Ноября 3.

Регламентъ для церквей и монастырей Римско-Католическаго исповѣданія въ Россійской Имперіи.

1. Верховная власть, дарованная Самодержцу отъ Бога, и Отеческое попеченіе о благоденствіи ввѣренныхъ свыше ему народовъ, распространяется равно и на Духовенство; по чему

оно и повинно хранить къ своему Государю, яко самимъ Богомъ избранному Начальнику, всеподданпическую вѣрность и оказывать во всѣхъ духовныхъ и мірскихъ дѣлахъ должное послушаніе.

2. Какъ белое, такъ и черное Духовенство обязаны исполнять во всей точности всякія законныя предписанія и повелѣнія Начальствъ постановленныхъ надъ ними; въ случаѣ же какого либо на нихъ неудовольствія, имѣють приносить жалобу Епархіальному своему Архіерею; а буде бы сей не доставилъ законнаго удовлетворенія, тогда могутъ просить о томъ Римско-Католицкій Департаментъ Юстиці Коллегіи.

3. Понеже каждый Архіепископъ или Епископъ, управляющій ввѣренною ему Епархіею, есть Пастырь порученнаго ему стада и первый въ Епархіи своей Начальникъ: то всѣ монахи и монахини безъ изыятія обязаны быть во всемъ ему послушными и имѣть должное уваженіе.

4. Консисторія, въ коей Оффиціаль или Епископскій Намѣстникъ есть Председатель, и которая по судопроизводству относится къ высшему надъ нею Правительству, долженствуетъ во всей строгости правосудія, на основаніи духовныхъ законовъ, разбирать и судить всякія дѣла, кроме тяжбныхъ и уголовныхъ, до разбора Гражданскихъ Правительствъ относящихся.

5. Прінадлежація къ монастырямъ и церквамъ зданія, которыя предопределены для Семинарій, Училищъ и богаделенъ, имѣють оставаться для означеннаго токмо употребленія; равномѣрно и собственный дома духовныхъ свободны отъ всякаго постоя.

6. Какъ селы, деревни, фольварки, земли, лѣса, огороды, сѣнокосы, озера, рыбныя ловли и всякія тому подобный угодья, равномѣрно и денежныя суммы, капиталный и процентный и прочія блага и чернаго духовенства стяжанія, суть общее ихъ достояніе, то и запрещается всемъ монастырямъ продавать ихъ, дарить и выменивать, равно какъ и отъ нихъ оныя отбирать, безъ особливаго Монаршаго соизволенія.

7. Каждому монашескому ордену дозволяется иметь одного Провинціала, Консультора и Секретаря, которыхъ избраніе зависитъ отъ Епархіальныхъ Архіереевъ; сіи же, при назначенныхъ, должны имѣть уваженіе къ мѣстамъ, поведенію, достоинству и заслугамъ.

8. Прочихъ монастырскихъ Настоятелей или Суперіоровъ избирать самому ихъ Архіепископу или Епископу.

9. Архіерей долженъ также избирать въ помощь Суперіору каждаго монастыря изъ числа находящихся въ опомъ братій еще одного Викарнаго и Прокуратора, которые обязаны прилежнѣйше смотрѣть, чтобъ монастырскіе доходы употребляемы были па самыя нужныя и законный надобности; для храненія же монастырскихъ доходовъ, разныхъ изъ оныхъ выдачь, записываніе ихъ въ приходный и расходный книги и соблюденія должнаго въ употреблены монастырской казны порядка, дозволяется монашескимъ обществамъ избирать изъ своей братіи чрезъ каждые три года особливаго брата.

10. Когда въ монастыряхъ, гдѣ находятся Архимандриты или въ Свѣтскихъ церквахъ Епископы, Суфраганы и Митрою удостоенные Аббаты, откроется праздное по сему званію мѣсто: Енархіальный Архіерей, избравъ заслуженная и примѣрнаго житія Кандидата, представляетъ объ немъ Юстиць-Коллегіи Римско-Католицкому Департаменту, а сей имѣетъ поднести докладъ на утвержденіе Императорскому Величеству.

11. Если бы паче чаянія случилось, что Настоятель церкви не впишетъ въ шнуровую книгу всѣ принимаемые церковные или монастырскіе доходы, или употребить ихъ на незаконныя надобности; тогда Прокураторъ обязанъ немедленно и обстоятельно доносить о томъ Епархіальному своему Архіерею и Провинціалу, тоже самое наблюдать и Протопресвитеру въ подчиненныхъ ему приходскихъ церквахъ; найденнаго же по слѣдствію виновнымъ, отрѣшати отъ мѣста и судить по законамъ.

12. Каждый монастырскій Настоятель или Суперіоръ при смѣнѣ его отъ должности, которую отправлять ему три года, повиненъ дать своему преемнику вѣрный во всѣхъ приходахъ и расходахъ отчетъ и здать по описи всякаго рода монастырскія и церковныя вещи, равно архивъ и библіотеку, въ надлежащемъ порядкѣ, подъ присмотромъ Протопресвитера.

13. Провинціаламъ содержать монаховъ въ должномъ повиновеніи, наипаче же смотрѣть за Настоятелями или Суперіорами, которымъ во всей точности исполнять ихъ приказанія; недовольные же ихъ рѣшеніемъ могутъ приносить на нихъ жалобу Консистоіи.

14. Каждый монастырскій Настоятель или Суперіоръ, яко начальникъ онаго, долженъ управлять имъ по предписанымъ для его ордена правиламъ, содержа при томъ подчиненныхъ своихъ въ надлежащемъ порядкѣ и подчиненности.

15. Провинціалу, или Консультору посѣщать и осматривать каждый монастырь ежегодно по одному разу и болѣе, если обстоятельства того востребуютъ.

16. Опись генеральной визиты должна быть сочиняема ясно и обстоятельно, съ прописаніемъ въ оной служенія каждаго по его званію особенно и состоянія каждой церкви, монастыря, строенія, деревень, фольварковъ, лѣсовъ, денежныхъ суммъ, прихода и расхода, словомъ, не уиущать въ оной ни одного нужнаго обстоятельства. Одинъ экземпляръ акта визиты имѣетъ оставаться за подписаніемъ Визитора въ монастырской архивѣ, а другой за его же рукою, долженъ быть отсылаемъ отъ него къ Епархіальному Архіерею; сей же по повѣркѣ онаго, представляетъ въ Римско-Католицкій Департаментъ Юстицъ-Коллегіи.

17. Архіепископамъ и Епископамъ представляется право посѣщать и осматривать во всякое время приходскія церкви и монастыри, осматривая оныя внутри и внѣ, или препоручать сіе другому.

18. Если въ которомъ монастырѣ, или и въ самомъ ордѣнѣ, окажется недостатокъ въ Іеромонахахъ къ приходской услугѣ, въ такомъ случаѣ Протопресвитеръ имѣеть представлять Архіерею.

19. Въ разсужденіи преращенія церковныхъ и монастырскихъ доходовъ, сбереженія лѣсовъ, яко общественной пользы, Протопресвитерамъ и Провинціаламъ требовать совѣта отъ Епархіальнаго своего Архіерея; сему же, по долгу своему наблюдать, чтобъ церковная собственность не была употребляема втуне и расточаема.

20. Никакому монашескому ордену не принимать отъ находящихся въ монастыряхъ подъ искусомъ, другихъ обѣтовъ, кромѣ такъ называемыхъ простыхъ (*Simplicia vota*), торжественные же обеты (*vota Solemnia*) принимать отъ Новиціатовъ не прежде, какъ по воспріятіи ими Иподіаконскаго сана, а въ монахи принимать не прежде двадцати двухъ лѣтняго возраста.

21. Запрещается монахамъ не токмо переходить изъ одной Епархіи въ другую, но и отлучаться изъ одной даже на время безъ крайнихъ монастырскихъ надобностей; однако же и въ такомъ случаѣ должны имѣть позволеніе отъ Архіерея. Равнымъ образомъ и внутри Епархіи ни одному монаху не отлучаться отъ монастыря на долгое время и безъ письменнаго дозволенія отъ Суперіора. а исправляющимъ приходскія требы (*Curam animarum*) безъ таковаго же отъ своего Протопресвитера.

22. Запрещается имъ также говорить на каѳедрѣ или издавать сочиненія о дѣлахъ политическихъ, наиначе же относительныхъ до отечественнаго правленія. напоминая имъ упражняться по долгу своему болѣе въ Христіанскихъ добродѣтеляхъ и богомысліи.

23. Монахи способные къ преподаванію наукъ, какъ то Езуиты, Базиліане и Піары должны заниматься оными подъ покровительствомъ своего Архіерея, который, въ разсужденіи наукъ полезныхъ обществу, имѣеть сноситься съ Гражданскимъ Губернаторомъ.

24. Камальдуламъ, Цистерсамъ и всѣмъ прочимъ, которые по объѣту и правилу своему живутъ въ уединеніи, отдавать соразмѣрную часть изъ своихъ доходовъ на содержаніе богадѣлень, больницъ и училищъ.

25. Неимѣющимъ деревень и доходовъ, заниматься управленіемъ присылаемыхъ къ нимъ отъ Консисторіи на покаяніе и другими полезными и приличными имъ упражненіями.

26. Прочіе же всѣ монахи и конгрегаціи должны служить обществу или сами собою или вкладомъ части изъ своихъ доходовъ на содержаніе училищъ и богадѣлень, словомъ, каждый монашескій орденъ обязанъ всемѣрно служить Имперіи и содействовать къ ея благу.

27. Равнымъ образомъ и женскіе монастыри, зависящіе отъ Епархіальныхъ своихъ Архіереевъ и имѣющіе деревни и капитулы, должны воспитывать на своемъ иждивеніи благородныхъ, но бѣдныхъ дѣвицъ, а неимущіе деревень и капитуловъ, смотрѣть за больными своего пола или бѣдными, содержимыми другихъ монастырей доходами.

28. Дозволяется наконецъ Архіепископамъ во всемъ, что токмо къ общей и церковной пользѣ или къ просвѣщенію служить можетъ, и что не выходитъ изъ предѣловъ власти, сопряженной съ ихъ саномъ, дѣлать свои учрежденія и предписанія; о таковыхъ же положеніяхъ, къ которымъ сами собою приступить не могутъ, подавать проекты Юстицъ-Коллегіи въ Римска-Католицкій Департаментъ, которая будетъ ихъ разсматривать и представлять потомъ на утвержденіе Сенату.

П. С. З. № 18734.

Источник – Акты издаваемые Виленскою археографическою комиссіею. Т. XVI Документы, относящіеся къ исторіи церковной уніи въ Россіи. – Вильна: тип. А.Г. Сыркина, 1889. – 701 с. – I Правительственныя распоряженія. – С. 18.

1799 г. Января 12.

Сенатскій. — О непривлеканіи въ Римско-Католическую вѣру исповѣдающихъ другіе Христіанскіе законы.

Правительствующій Сенатъ Приказали: какъ изъ слѣдствія, произведенная въ 1796 году, со стороны Грекороссійской и Римско-Католической вѣры Духовными чиновниками, видно, что не только изъ Греко-Уніатскаго, но изъ Греко-Восточная исповѣданія, многіе изъ крестьянъ приняли Римско-Католическую вѣру; то хотя показанные въ оной Римской церкви Духовные отрекаются въ привлеченіи тѣхъ людей къ своей вѣрѣ; однако за всѣмъ симъ не заслуживаетъ сіе ихъ отречение ни малѣйшаго вѣроятія; ибо хотя всѣ означенные въ томъ слѣдствіи крестьяне показали, что ни кто ихъ не подговаривалъ къ переменѣнію ихъ прежней веры; но поелику многіе изъ нихъ допущены тѣми Ксензами къ исповѣди и причастію по обрядамъ Римско-Католической церкви, почему симъ самымъ и преступили уже свою должность, по тому, что Высочайшимъ Именнымъ указомъ, состоявшимся въ 1796 году Сентября въ 6 день, между прочимъ именно сими словами повелѣно: воспрещаемъ Духовенству Римской религіи подъ какимъ бы ни было пред-логомъ, склонять, привлекать и обращать въ исповѣданіе Римской вѣры не токмо Восточныя церкви, но и другихъ Христіанскихъ законовъ исповѣдниковъ. Следовательно, имея въ виду таковое Высочайшее воспрещеніе, не должны были тѣ Ксензы допускать ихъ къ принятію по обрядамъ своимъ Святыхъ Тайнъ. Въ разсужденіи чего предписать Волынскому Губернскому Правленію, дабы оно отослало всѣхъ тѣхъ крестьянъ, кои перешли изъ Греко-Восточнаго въ Римско-Католическій законъ, къ Подольскому Архіепископу, съ тѣмъ, чтобъ онъ, въ обращеніи ихъ къ прежде исповѣдуемой ими вѣрѣ, и за нарушение оной, поступилъ съ ними по Духовнымъ правиламъ; а Юстицъ-Коллегіи Римско-Католическому Департаменту предписать, чтобъ оный, не токмо сдѣлалъ подвѣдомственнымъ ему Властямъ строжайшее подтвержденіе о непривлеканіи людей къ Римско-

Католицкой вѣрѣ, но и отослалъ бы къ Суду всѣхъ тѣхъ Ксензовъ, кои допустили господствующей въ Россіи вѣры людей, по воснослѣдоизаніи помянутаго указа, къ исповѣди и причастію по обрядамъ ихъ закона. Относительно же переходенія показанныхъ въ томъ слѣдствіи крестьянъ изъ Греко-Уніатской въ Римско-Католицкую вѣру: то хотя достойны принимавшіе ихъ строжайшаго взысканія, но какъ сіе воспослѣдовало отъ недорозумѣнія тѣхъ Ксензовъ, чего ради оставить сіе безъ всякаго слѣдствія; но съ тѣмъ, чтобъ они и другихъ религій людей не осмѣливалпсь впредь подговаривать и принимать въ Римско-Католицкій законъ.

П. С. 3. № 15818.

Источник – Акты издаваемые Виленскою археографическою комиссіею. Т. XVI Документы, относящіеся къ исторіи церковной уніи въ Россіи. – Вильна: тип. А.Г. Сыркина, 1889. – 701 с. – I Правительственныя распоряженія. – С. 20.

1799 г. Марта 17.

Имсиный, данный Митрополиту Римской церкви Сестренцевичу. – Объ управленіи Духовнымъ Властямъ Римско-Католической церкви паствами и дѣлами на основаніи Россійскихъ узаконеній.

Въ дополнение къ прежде изданнымъ узаконеніямъ для управленія въ Имперіи Нашей Духовныхъ дѣлъ Римско-Католическія церкви, учредивъ указомъ Нашимъ въ 28 день Апрѣля 1798 года, по предмету сему надлежащія распоряженія, и снабдивъ церкви и монастыри сего исповѣданія Регламентомъ, въ 3 день Ноября того же года Нами утвержденнымъ, всѣ сіи постановленія почитаемъ Мы достаточными къ благоуспѣшному управленію дѣлъ, встрѣчающихся по сей части, безъ всякаго посторонняго вліянія Папскихъ Буллъ и посланій, кои, тѣмъ менѣе считаемъ Мы нужными, что самая Власть, отъ

коей они проистекають, по настоящему положенію обстоятельствъ, пребываетъ въ недѣйствіи. Симъ подтверждая 12 пунктъ вышеприведенная указа, въ 28 день Апрѣля даннаго, коимъ предоставили Мы Себѣ право разсматривать и рѣшить таковыя Буллы, Повелѣваемъ вамъ и зависящимъ отъ васъ, яко единственная Римскія церкви въ Россіи Архіепископа Митрополита, Духовнымъ Властямъ. управлять ввѣренными имъ паствами и дѣлами на единственномъ основаніи Нашихъ узаконеній и истекающихъ отъ Насъ Высочайшихъ повелѣній.

П. С. 3. № 18892.

Источник – Акты издаваемые Виленскою археографическою комиссіею. Т. XVI Документы, относящіеся къ исторіи церковной уніи въ Россіи. – Вильна: тип. А.Г. Сыркина, 1889. – 701 с. – I Правительственныя распоряженія. – С. 21.

1800 г. Декабря 11.

Высочайше утвержденные пункты. – Объ управленіи Римско-Католическаго Духовенства въ Россіи.

1. Верховная власть, дарованная Самодержцу отъ Бога, отеческое попеченіе о благоденствіи ввѣренныхъ свыше Ему народовъ, распространяется равно и на духовенство; почему оно и повинно хранить къ Своему Государю, яко самнмъ Богомъ избранному Начальнику, всеподданническую вѣрность и оказывать достоподобное послушаніе по словамъ Святаго Апостола Павла: „Повинуйтесь господіемъ своимъ яко Богу“. И повинуйтесь, какъ тотъ же Апостоль говорить, за совѣсть; следовательно должно быть послушно начальству во всѣхъ духовныхъ и мірскихъ дѣлахъ и исполнять волю, предписывающую соблюдать также права и догматы своей вѣры.

2. Какъ бѣлое духовенство, такъ и монашествующіе обязаны исполнять во всей точности всякія законныя предписанія и повелѣнія своихъ начальствъ, а по силѣ церковныхъ своихъ пра-

вилъ бѣлое духовенство въ обидахъ своихъ на нижнія начальства должно приносить жалобы Епархіальному Архіерею, и въ случаѣ недоставленія симъ удовлетворенія въ Римско-Католицкій Департаментъ Юстицъ-Коллегіи; а монашествующее по тѣмъ же церковнымъ правиламъ на нижнихъ начальниковъ въ сходство института каждаго ордена, имѣють жаловаться вышнимъ; поелику для высшаго въ монашескомъ собраніи спокойствія церковными законами подъ наказаніемъ запрещено прибегать съ жалобами къ начальству не своего ордена.

3. Понеже каждой Архіепископъ или Епископъ, управляющій вверенною ему Епархіею, есть пастырь порученная ему стада, то надлежитъ ему на основаніи постановленія Тридентинскаго Собора ведать и наблюдать свой долгъ, что онъ не ради роскоши, великолепія и излишества, но къ трудолюбію и попеченію для прославленія имени Всевышняго облеченъ въ сей санъ, и во истину не надобно сомневаться, что народъ взирая на своихъ начальниковъ, что они не мірской суеты, но спасенія душъ и блаженства будущей жизни ищутъ, охотнее поселить въ себе духъ Святой веры и невинной жизни; и для того Архіепископы и Епископы ведя смиренную жизнь изъ доходовъ на содержание ихъ предопределенныхъ не должны владеть ни въ своихъ, ни въ другихъ Епархіяхъ приходами, или же о полученіи оныхъ стараться.

4. Консисторія, въ коей Офіціалъ или Епископскіи намѣстникъ есть Председатель, и которая по судопроизводству относится къ вышнему надъ нею Правительству, долженствуетъ во всей строгости правосудія на основаніи духовныхъ законовъ разбирать и судить всякія дела, кроме тяжбныхъ и уголовныхъ, до разбору Гражданскихъ Правительствъ относящихся. Приличившихся же въ уголовныхъ преступленіяхъ, по окончаніи надъ ними суда духовнаго, отсылать къ суду гражданскому, куда по общимъ Государственнымъ узаконеніямъ слѣдуетъ.

5. Принадлежащая къ монастырямъ и церквамъ зданія и фондуши, на содержание Семинарій, школъ и богаделенъ предопредѣленные, иждивенія остаются для означеннаго токмо упо-

требленія; равномѣрно и дома духовныхъ нмеють быть свободны отъ всякаго поста.

6. Какъ селы, деревни, фольварки, земли, леса, огороды, сенокосы, озера, рыбная ловля и всякія тому подобныя угодьи, равномерно и денежныя суммы, капиталный и процентный и прочія белаго духовенства и монашествующихъ стяжанія, суть общее ихъ достояніе: то и запрещается всѣмъ монастырямъ продавать ихъ, дарить и вымѣнивать, равно какъ и отъ нихъ оныя отбирать безъ особливаго Монаршаго соизволенія.

7. Каждый монашескій орденъ повиненъ избирать для себя настоятелей монастырскихъ, или высшіе начальники нижнихъ начальниковъ, согласно съ правилами каждаго ордена, властію Святой церкви утвержденными. Когда же монашествующіе изберутъ настоятеля монастырская, то имѣють представлять объ утверждении его въ семь званіи Провинціалу своего ордена; а всѣ Провинціалы должны ежегодно доставлять полные и достовѣрные списки всѣмъ настоятелямъ монастырскимъ Юстицъ-Коллегіи въ Римско-Католическій Департаментъ. донося оному также о всѣхъ перемѣнахъ, по смертному случаю или по другому обстоятельству встретиться могущихъ, въ теченіи годоваго времени до присылки новыхъ списковъ. Сами яго Провинціалы избираются или назначаются по правиламъ своего ордена, но объ утверждены ихъ обязанъ орденъ представлять помянутому Департаменту, а сей Сенату.

8. Епархіальнымъ Архіереямъ въ таковыя выборы не вмешиваться, ибо имъ трудно каждаго въ особенности ордена знать постановленія и правила; вместо же того должны они заниматься управленіемъ белаго духовенства и строгое иметь надзираыіе надъ ихъ поведеніемъ и поступками.

9. Поелику изъ церквей и зданій некоторыхъ порядочнейшихъ монастырскихъ видно, что монахи не всеу обращаютъ

свои доходы, а въ славу Всевышняго и на украшеніе мѣстъ: то сдача отчетовъ низшимъ, а отъ сихъ высшимъ начальникамъ должна остаться по обыкновенію издревле въ монастыряхъ наблюдаемому; а Епархіальнымъ Архіереямъ смотреть, дабы доходы белаго духовенства, а именно: Прелатовъ, Канониковъ, Плебановъ и прочихъ не на великолепіе и излишества обращались, но по предписанію церковныхъ правъ на необходимыя надобности были употребляемы.

10. Когда въ мопастыряхъ, где находятся Архимандриты или въ светскихъ церквахъ Епископы, Суфраганы и митрою удостоенные Аббаты, откроется праздно по сему званію место: Епархіальный Архіерей избравъ заслуженная и примернаго житія кандидата, представляетъ объ немъ Юстицъ-Коллегіи Римско-Католическому Денартаменту, а сей имеетъ внести рапортъ въ Сепатъ.

11. Запрещается Епархіальнымъ Архіереямъ никому изъ белаго духовенства ни подъ какимъ иредлогомъ более одного прихода въ управленіе не давать, и никто не долженъ стараться о получении другого прихода; поелику и то и другое церковными правилами запрещается.

12. Каждый мопастырскій настоятель при смене его отъ должности новиненъ дать своему преемнику верный во всехъ прпходахъ и расходахъ отчетъ и сдать по описи всякаго рода мопастырскія и церковныя вещи, равно Архпвъ и Библіотеку въ надлежащемъ порядкѣ подъ присмотромъ Провинціала своего ордена.

13. Каждому местному монастырскому настоятелю прилежно наблюдать, дабы все въ монастыре ненарушимо сохраняли то, въ чемъ добровольно учинили обѣтъ предъ Богомъ; въ противномъ же случае на основаніи законовъ и постановлены своего ордена виновныхъ исправлять, а о неповинующихся доносить своему Провинціалу. Если бы же, паче чаянія, какой орденъ не соблюлъ своихъ обязанностей, тогда долгомъ будетъ Епархіальнаго Архіерея предостерегать и увещевать начальствующихъ того ордена.

14. Дабы иночество и монашеская дисциплина не пришла въ разслабленіе, обязаны Провипціалы ежегодно одинъ

разъ, а еслибъ востребовала надобность, и более, посещать и осматривать монастыри своего ордена, входить въ хозяйственное распоряженіе и накренко смотреть, наблюдаются ли во всей точности орденскія постановленія.

15. Епархіальные Архіереи не должны отнюдь позволять монахамъ носить одежды, употребляемой белымъ духовенствомъ: ибо съ такою переменою переменяются и примерные монашескіе нравы; а за симъ следуетъ свободнейшее обращеніе, нарушающее учиненные предъ Богомъ обѣты; и по тому буде въ которой Епархіи находятся монахи въ одѣяніи употребляемомъ бѣлымъ духовенствомъ, обязаны мѣстные Архіереи, согласно съ постаповлепіемъ Трядентіакаго Собора, таковыхъ отослать въ монастыри ихъ ордена; равномѣрно Епархіальные Архіереи не должны давать монахамъ приходовъ въ управленіе, дабы чрезъ то не подали случая преступить имъ обѣтовъ нищеты, данной предъ Богомъ.

16. Архіепископамъ и Епископамъ предоставляется право посѣщать и осматривать во всякое время приходскія церкви, да и тѣ монастыри, коихъ посѣщеніе Трядентинскимъ Соборомъ позволено, и сей осмотръ отправлять самимъ или препоручить другому.

17. Въ чиненіи монашескихъ обѣтовъ должны наблюдаемы быть предгшсанія Трядентинскаго Собора и орденскія постановленія.

18. Поелику монахи мпогія имѣють по ихъ ордену обязанности и разныя исправляютъ должности, и по тому печальникъ ордена для соблюденія порядка принужденъ бываетъ перемѣнять монаховъ изъ одного въ другой монастырь и посылать на мѣста больныхъ и умершихъ другихъ: то если бы въ семъ случаѣ предварительно относиться къ Епархіальнымъ Архіереямъ, последовало бы въ теченіи монастырскихъ распоряженій и дѣлъ замѣшательство и остановка; а по сему предоставляется Провипціаламъ по прежнему обыкновенно, где только ордена ихъ монастыри, пересылать монаховъ изъ одной Епархіи въ дру-

гую по билетамъ Гражданскаго Правительства той Губерніи, откуда кто пересылается. Безъ ведома же своего начальства не должно монаху ни подъ какимъ предлогомъ, даже на самое кратчайшее время, отлучаться отъ своего монастыря, въ какомъ случае Епархіальные Архіереи непременно таковыхъ самовольно отлучающихся должны отсылать обратно въ ихъ монастыри.

19. Запрещается духовенству говорить на кафедре или издавать сочиненія о делахъ политическихъ, наипаче же относительнохъ до Государственной правленія, а упражняться имъ по обетамъ и долгу своему въ Христіанскихъ добродѣтеляхъ и богомысліи.

20. Дабы развратъ нечувствительнымъ образомъ не могъ вселиться въ монахахъ. должны орденскіе и монастырскіе начальники неослабное иметь смотрѣніе, чтобъ духовныя размышленія, по обыкновенно каждаго ордена, наблюдаемы были безъ упущенія, посредствомъ коихъ основательнейше займутъ они для себя поученіе, чѣмъ Богу, Святой Его церкви и своему Государю обязаны, и чистосердечное воспримутъ желаніе всему тому удовлетворять по крайней силе и возможности; сказано бо у Іеремія Пророка: „Разореніемъ разорена есть вся земля, яко ни единъ есть, иже размышляетъ сердцемъ". Ибо не одежда делаетъ монаха монахомъ, но примерное и незазорное житіе, соответствующее поученіямъ и советамъ Христа Спасителя.

21. Епархіальные Архіереи по предписанію Тридентскаго Собора не должны нарушать права, употребляемая во Святой церкви отъ пятой вѣки Христіанства, и лишать ктиторовъ въ разсужденіи одобренія ими особъ къ полученію приходовъ въ ктиторскихъ владеніяхъ, отвергая рекомендуемыхъ ими достойныхъ къ тому духовныхъ; ибо тогда въ Духовномъ Правленіи все идетъ порядочно, когда делается по правамъ. и законамъ.

22. Что же касается до монастырей женскихъ, то оныя состоятъ имѣють по прежнимъ церковнымъ правиламъ въ управленіи Епархіальныхъ Архіереевъ, съ тѣмъ однакожь, что они не должны входить ни въ какія распоряженія и касаться до именій недвижимыхъ и капиталовъ, темъ монастырямъ при-

падающихъ, которые въ монастыряхъ женскихъ управляются на томъ же основаніи, какъ въ мужскихъ.

23. Дозволяется наконецъ Архіеписколамъ и Епископамъ во всемъ, что токмо къ общей и церковной пользѣ служить можетъ, и что не выходитъ изъ пределовъ власти, сопряженной съ ихъ саномъ, подавать проекты Юстицъ-Коллегіи въ Римско-Католическій Департаментъ, которая долгомъ да будетъ ихъ разсматривать и представлять потомъ съ мнѣніемъ на утверженіе Сенату.

П. С. З. № 19684.

Источник – Акты издаваемые Виленскою археографическою комиссіею. Т. XVI Документы, относящіеся къ исторіи церковной уніи въ Россіи. – Вильна: тип. А.Г. Сыркина, 1889. – 701 с. – I Правительственныя распоряженія. – С. 28–31.

1803 г. Іюля 18.

Именной, данный Сенату. – О учрежденіе при Виленскомъ Университетѣ Главной Семинаріи для духовенства Римско-Католическаго исповѣданія.

Разсмотря докладъ Правительствующаго Сената, поданный Намъ, о учрежденіи училища по желанію Римско-Католическаго духовенства при Виленскомъ Университетѣ, въ которомъ могли бы пріобрѣтать посвящающіе себя духовному чину всѣ нужныя науки для сего званія, и убѣждаясь тою истинною, что просвѣщеніе и благонравіе служителей вѣры, имѣютъ великое вліяніе на нравы и просвѣщеніе народа, Мы признали за нужное постановить слѣдующее:

1. При Императорскомъ Виленскомъ Университетѣ учредить главную Семинарію для Священниковъ Римско-Католическаго исповѣданія Могилевской, Виленской, Луцкой, Самогичской, Каменецъ-Подольской и Минской Епархій, равно и для Священниковъ Римско-Уніатскаго исповѣданія Полоцкой, Брестъ-Литовской и Луцкой Епархій.

2. Духовная Римско-Католическая Коллегія 1. Изследовавъ, какое во всѣхъ упомянутыхъ Епархіяхъ должно число клириковъ, смотря по количеству въ оныхъ приходскихъ церквей, имѣть определить, сколько всякая Епархія должна присылать ихъ для приготовленія къ духовному званію въ главную Семинарію, учреждаемую при Виленскомъ Университетѣ. 2. На содержаніе оной Семинаріи определять ежегодно 15.000 рублей серебромъ. 3. Сія сумма всякой годъ имѣть быть собираема изъ доходовъ обоого пола монастырей, имѣющихъ недвижимость, или капиталъ; за исключеніемъ: а) всѣхъ монастырей Іезуитскаго братства, Піаровъ, Миссіонеровъ ордена Святаго Викентія, братьевъ Милосердія или Бонифратровъ; женскихъ: визитокъ и сестръ Милосердія; б) всякаго монастыря въ особенности, которому теперь, или впредь отъ Попечителя Виленскаго Университета предоставится содержать Гимназію или Уѣздное училище, и в) монастырей, находящихся въ Вильнѣ, въ коихъ по донесенію Университета своему Попечителю, и по одобренію его будетъ состоять число юношей, которые посвятивъ себя монашескому званію, продолжали бы надлежащими образомъ курсы въ Виленскомъ Университетѣ и при испытаніяхъ оказывали бы желаемые успѣхи въ наукахъ.

3. Римско-Католическая Коллегія, разсмотрѣвъ существенныя нужды и избытки монастырей, должна всю сумму, на содержаніе Главной Семинаріи назначаемую, разпредѣлить надлежащимъ образомъ по доходамъ монастырей, невходящихъ въ вышепомянутое исключеніе, и предназначать обстоятельныя и ясныя правила, о собраніи и безотлагательномъ доставленіи въ опредѣленные сроки той части суммы, какая отъ оной каждому монастырю будетъ назначена для ежегоднаго взноса въ казну Главной Семинаріи.

4. Римско-Католической Коллегіи предоставляется принять мѣры къ избранію въ Вильнѣ пристойная дома, для заведенія Главной Семинаріи.

5. Подъ предсѣданіемъ Ректора Виленскаго Университета составить Комитетъ изъ трехъ его жъ Профессоровъ Богословская отдѣленія, изъ двухъ Членовъ Виленскаго кафедральнаго капитула и одного Прелата Уніатовъ, для предначертанія Устава Главной Семинаріи, въ отношеніи внутренняго ея устройства и плана ученія. По окончаніи Комитетомъ такового предначертанія, имѣть оное представлено быть отъ Ректора чрезъ Попечителя Университета Министру Про-свѣщенія, для поднесенія Намъ на утвержденіе.

6. Главнѣйшее основаніе Устава помянутой Семинаріи имѣть заключать въ себѣ слѣдующее: 1. Каждый Епископъ изъ своей Епархіи присылаетъ въ сію Семинарію опредѣленное число клириковъ совершенно кончившихъ ученіе, и оказавшихъ въ Епархіальной Семинаріи на предварительномъ испытаніи достаточныя познанія, способности и дарованія. 2. Если бы кто изъ клириковъ, принятыхъ въ главную Семинарію, въ первомъ году оказался неспособнымъ къ наукамъ, или неблагонравнымъ, таковой высылается изъ оной по предписанному въ Университетѣ порядку. 3. Приготавливаемые въ Главной Семинаріи въ клирики нмѣють квартиры, одѣяніе, пищу, дрова и свѣчи. За поведеніемъ ихъ долженъ быть порядочный присмотръ, равно какъ и за ихъ ученіемъ. Они особенно будутъ наставляемы въ практической нравственности, и обучаемы познанію обрядовъ и обычаевъ церкви. По сей причинѣ духовная особа, занимающая мѣсто Начальника Семинаріи, должна быть отличныхъ дарованій, добродѣтели и благоразумія. Она избирается чрезъ каждые три года Богословскимъ отдѣленіемъ обще съ двумя Членами Виленскаго Капитула и однимъ Прелатомъ Уніатовъ, и по представленію сего жъ Капитула утверждается Римско-Католическою Коллегіею. 5. По определенному плану ученія всѣ безъ изыятія клирики Главной Семинаріи должны слушать курсы наукъ въ Университетѣ, подлежать испытанно и заниматься предписанными упражненіями. 6. Главная Семинарія находится подъ непосредственнымъ вѣденіемъ и управленіемъ Комитета, состоящая изъ трехъ Профессоровъ Богословскаго отдѣленія; изъ двухъ Чле-

новъ Виленскаго Капитула и одного Прелата Уніатовъ, ежегодно Университетомъ и Капитуломъ избираемыхъ.

7. Духовныя Семинаріи, находящіяся въ разныхъ Католическихъ Епархіяхъ, доляшы оставаться въ нынѣшнемъ ихъ существованіи, и Епископы обще съ своими Капитулами имѣють. принять нужныя мѣры къ приведенію ихъ въ лучшее состояніе, Способъ ученія и воспитанія въ сихъ Епархіальныхъ Семинаріяхъ долженъ сообразоваться съ планомъ Главной Семинаріи.

8. Семинарія Виленской Епархіи остается отдѣленнымъ заведеніемъ съ собственнымъ ея фондушемъ. А поелику сей фондушъ для нея достаточенъ и она находится въ одномъ городѣ съ Университетомъ: то имѣетъ содержать число клириковъ, нужное для Виленской Епархіи, и быть во всемъ образованною по примѣру Главной Семинаріи.

9. Духовные, непредназначаемые къ важнымъ должностямъ, могутъ быть избираемы, если обучались только въ Епархіальныхъ Семинаріяхъ; но какъ вышшія званія необходимо требуютъ и вышшей степени познаній, то по истеченіи десяти лѣтъ отъ учрежденія при Виленскомъ Университетѣ Главной Семинаріи, никто изъ Римско-Католическаго духовенства не можетъ быть Епископомъ, Прелатомъ, Каноникомъ, Ассесоромъ Римско-Католической Коллегии, Оффиціаломъ, Судьею, ни проповѣдникомъ при соборахъ и другихъ городскихъ приходахъ, не обучаясь въ Главной Виленской Семинаріи, исключая тѣхъ, кои получаютъ степень Доктора Богословіи или Правъ отъ Виленскаго Университета, или представляютъ ему на сіи степени патенты заслуживающее уваженіе.

10. Во всѣхъ монашескихъ орденахъ, кромѣ ордена братьевъ Милосердія или Бонифратровъ, никто изъ монаховъ, по истеченіи десяти лѣтъ отъ сего времени, ни въ какомъ монастырѣ не можетъ быть ни проповѣдникомъ, ни Священникомъ въ приходѣ, ни преподавать Богословское ученіе или другія науки въ обществѣ своего ордепа, или въ общемъ Училищѣ, равно не можетъ быть вновь избранъ въ Начальники ордена или

монастыря, не окончивъ прежде ученія своего въ Виленскомъ Университетѣ, или по крайней мѣрѣ не бывъ испытанъ въ немъ и снабдѣнъ свидѣтельствомъ о достаточномъ его знаніи.

Источник — Акты издаваемые Виленскою археографическою комиссіею. Т. XVI Документы, относящіеся къ исторіи церковной уніи въ Россіи. — Вильна: тип. А.Г. Сыркина, 1889. — 701 с. — I Правительственныя распоряженія. — С. 37–38.

1803 г. Декабря 13.

Именной, объявленный Государственнымъ Канцлеромъ Митрополиту Римскихъ церквей въ Россіи. О строжайшемъ запрещеніи всѣмъ обществамъ и частнымъ жителямъ Римско-Католическаго исповеданія имѣть непосредственное сношеніе съ Римскимъ Дворомъ.

По присоединения Белоруссіи къ Имперіи Россійской, блаженныя памяти Императрица Екатерина II, учредивъ въ Могилеве Римско-Католическій Престоль, и вручивъ паству онаго Вашему Высокопреосвященству, воспретила Именнымъ указомъ, по сему случаю изданнымъ, не подклоняться никакому иноземному вліянію дѣль, могущихъ касаться до Римско-Католическихъ церквей Россійской Имперіи. Запрещенія сіи въ послѣдствіи возобновлены были въ разный времена, а именно: въ 1794 году, когда присоединены къ Имперіи Епархіи, прежде того зависѣвшія отъ Польши; и въ 1798 году, когда по Высочайшему указу блаженныя памяти Государя Императора Павла I облекли васъ въ санъ единовластная Митрополита Римско-Католической церкви нѣ Россіи.

По силе разныхъ сихъ постановленія, тогда последовавшихъ, ни единъ Епископъ, ни Священникъ, ни подданный Римско-Католическаго исповеданія, какого бы званія ни былъ, не могъ, не подвергаясь всей строгости законовъ, вступать ни въ какія сношенія подъ какимъ либо предлогомъ съ Римскимъ Дворомъ или иною властію, вне пределовъ постановленною.

Не взирая на всѣ таковыя запрещенія, толь положительный и неоднократно подтвержденный, дошло до сведенія Его Императорскаго Величества, что многія общества и частные жители Римско-Католическая исповеданія дерзнули иметь прямое сношеніе съ Римскимъ Дворомъ и его Послами. Государь Императоръ, праведно негодуя на сіи поступки, достойные наказанія, повелѣлъ мне Высочайшимъ Своимъ Именемъ предписать вамъ, чтобы вы имѣли строжайшее за симъ надзираніе, и начертать вамъ въ то же время правила, по которымъ имѣете вы впредь поступать въ духовныхъ дѣлахъ, веденію вашему подлежащихъ.

Буде по вверенной управленію вашему Митрополіи послѣдовало бы какое происшествіе, по свойству своему заслуживающее вниманія, или какое дело, требующее посредства Римскаго Двора, то Енархіальный Епископъ обязанъ отнестись къ Вамъ о томъ, дабы могли сами решить, если существо дела не превоеходить Вашей власти, а въ противномъ случае отнестись къ Императорскому Министерству, которое по испрошеніи Высочайшихъ повеленій, не оставитъ предписать Российскому Министру въ Риме о учиненіи при Папскомъ Дворе подлежащихъ представленій.

Равнымъ образомъ, если бы случилось (чего не должно и предполагать), что Римскій Дворъ безъ всякаго къ постановленнымъ узаконеніямъ уваженія, прислалъ бы прямо къ вамъ, или кому нибудь изъ духовныхъ, или въ какой монастырь буллу, декретъ или наставленіе, по какому бы то случаю ни было, то безъ упущенія времени имеее ваше Преосвященство прежде всего представить таковую буллу къ сведенію Императорскаго Министерства, не позволяя и не допуская никогда оглашать оной безъ особеннаго на то повелѣнія отъ Верховнаго Правительства.

Его Императорское Величество, послѣдуя неослабной бдительности, съ каковою печется о благоденствіи всѣхъ поданныхъ Своихъ безъ различія вѣры, соизволялъ назначить Министра къ Рижскому Двору, для ходатайства во всѣхъ случаяхъ, касающихся до духовныхъ потребъ Римскихъ Католиковъ Имперіи Его, и во благоразумии Своемъ постановилъ, чтобъ отнынѣ впредь симъ единымъ, а не инымъ путемъ проходили всѣ

дѣла, требующія сношенія между Папою и церквами, или подданными Римскаго исповѣданія, во всей Имгеріи находящимися. Прискорбно будетъ Его Императорскому Величеству видѣть принужденные употребить строгость противу нарушителей сего узаконенія; почему Государь Императоръ и ожидаетъ, что Ваше Преосвященство употребите всѣ зависящія отъ васъ средства для отвращенія подобныхъ преступленій.

Письмо еіе, по Высочайшему Его Императорскаго Величества повѣленію писанное, и которое должно имѣть силу закона для всѣхъ Римско-Католическихъ подданныхъ, благоволите, Ваше Преосвященство, при циркулярахъ сообщить всѣмъ Епархіальнымъ Епископамъ, для повсемѣстнаго обнародованія и поступленія по оному, дабы никто не могъ отзываться невѣденіемъ. При семъ я долженъ также извѣстить Ваше Преосвященство, что въ слѣдствіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, содержание письма сего имѣетъ мною быть препровождено въ Правительствующій Сенатъ, дабы постановить его въ возможность надзирать со своей стороны за законнымъ исполненіемъ онаго.

Извѣстное ваше благоразуміе и совершенное познаніе обязанностей своихъ, доказанное неослабнымъ исполненіемъ оныхъ во все теченіе Пастырскаго вашего служенія, не подають нималѣйшаго сомнѣнія, чтобы вы не поступили со всевозможнымъ рвеніемъ по точному смыслу предписаній Его Императорскаго Величества, и тѣмъ не оправдали бы уваженія, пріобрѣтаемаго вами непрерывными подвигами въ Евангельскихъ добродѣтеляхъ и въ исполненіи всѣхъ обязанностей добраго и вѣрнаго подданнаго.

П. С. З. № 21078.

Источник – Акты издаваемые Виленскою археографическою комиссіею. Т. XVI Документы, относящіеся къ исторіи церковной уніи въ Россіи. – Вильна: тип. А.Г. Сыркина, 1889. – 701 с. – I Правительственныя распоряженія. – С. 60.

1804 г. Іюля 12.

Именный, данный Сенату. – О бытіи въ Римско-Католической Коллегіи Членамъ Уніатскаго Духовенства.

При устройстве Духовной Римско-Католической Коллегіи, въ докладѣ Правительствующая Сената въ 13 день Ноября 1801 года конфирмованнымъ. между прочимъ постановлено: Епархіямъ Уніатскимъ состоять въ управленіи Коллегіи по общимъ правиламъ Римско-Католическаго закона; Членовъ же изъ Уніатскаго духовенства въ составѣ сей Коллегіи не положено. Неудобства въ местномъ управленіи Уніатскихъ дѣлъ, отъ сего происшедшія, и жалобы, Намъ принесенный, убѣдили Насъ, въ отвращеніе сихъ неудобствъ, положеніе въ 1801 году сдѣланное, о устройстве Духовной Римско-Католической Коллегіи дополнить следующими статьями: 1) къ числу Членовъ въ докладе 13 Ноября 1801 года въ Римско-Католической Коллегіи положенныхъ присоединить со стороны Уніатскаго исповѣданія одного Епископа и трехъ Засѣдателей изъ духовенства трехъ Уніатскихъ Епархій, по выбору ихъ Епископовъ. 2) Епископу Уніатскому въ Коллегіи получать жалованье противъ Епископовъ Римско-Католическаго исповѣданія; а Засѣдателямъ отъ духовенства Уніатскаго противъ Канониковъ, или Прелатовъ, въ той же Коллегіи отсутствующихъ. 3) По дѣламъ, до Уніатскаго исповѣданія относящимся, Епископу и тремъ Засѣдателямъ сего исповѣданія иметь каждому по два голоса, дабы сохранить тѣмъ равенство ихъ, противъ Членовъ Католическаго духовенства. 4) Присутствующее отъ Уніатскаго исповѣданія, еслибы въ послѣдствіи и въ семъ положеніи ихъ управленія открылись какія либо nodeламъ ихъ неудобства, могутъ особенно отъ себя сдѣлать въ Правительствующій Сенатъ представленіе, съ изясненіемъ сихъ неудобствъ и способовъ исправленія, по разсмотрѣніи коихъ, Правительствующій Сенатъ не оставитъ поднести Намъ докладъ на дальнѣйшее усмотреніе. На семъ основаніи,

Римско-Католическая Духовная Коллегія, управляя ввѣренными ей дѣлами, не оставитъ совсею точностью наблюдать, чтобъ мѣстныя Духовныя Консисторіи, поступая по правиламъ, каждому исповѣданію свойственнымъ, ни подъ какимъ видомъ не дозволяли бы духовенству одного исповѣданія дѣлать какія либо притязанія къ вѣдомству другаго, наипаче же стѣснять свободу совѣсти, или увлекать убѣжденія ея какими-либо способами общему порядку и терпимости противными.

П. С. З. № 21393.

Источник – Акты издаваемые Виленскою археографическою комиссіею. Т. XVI Документы, относящіеся къ исторіи церковной уніи въ Россіи. – Вильна: тип. А.Г. Сыркина, 1889. – 701 с. – I Правительственныя распоряженія. – С. 77.

1805 г. Іюля 16.

Имеинный, данный Сенату. – О раздѣленіи Римско-Католической Духовной Коллегіи на два Департамента, и о присвоеніи каждому изъ нихъ особыхъ дѣлъ.

Обращая вниманіе на множество дѣлъ, накопившихся въ Римско-Католической Духовной Коллегіи, Мы признаемъ за лучшій и удобнѣйшій способъ къ скорѣйшему оныхъ окончанью, раздѣлить Коллегію сію на 2 Департамента, составя оныя: 1-й изъ Духовенства Римско-Католическаго, 2-й изъ Духовенства Уніатскаго, съ такимъ распоряженіемъ, чтобы первому Департаменту присвоены были дѣла Духовныя и церковный, непосредственно до Римско-Католическаго исповѣданія относящаяся, а второму подобный же дѣла, касающіяся до Уніатскаго исповѣданія; для сужденія же по дѣламъ, тому и другому исповѣданію купно принадлежащимъ составлять изъ сихъ двухъ Департаментовъ Общее Собраніе; и наконецъ, Секретарей и канцелярскихъ служителей, нынѣ въ Коллегіи по штату 1801

года Ноября 13 дня находящихся, размѣститъ по обоимъ Департаментамъ соразмѣрая число оныхъ числу дѣлъ, въ каждый изъ сихъ Департаментовъ поступить долженствующихъ.

П. С. 3. № 21836.

Источник – Акты издаваемые Виленскою археографическою комиссіею. Т. XVI Документы, относящіеся къ исторіи церковной уніи въ Россіи. – Вильна: тип. А.Г. Сыркина, 1889. – 701 с. – I Правительственныя распоряженія. – С. 82.

1806 г. Іюля 26.

Именной, объявленный Министромъ Юстиціи Княземъ Лопухинымъ Митрополиту Римскихъ въ Россіи церквей. – О неприниманіи въ Римской обрядъ Уніатовъ.

Его Императорское Величество, учиненныя Вашимъ Высокопреосвященствомъ обще съ Полоцкимъ Уніатскимъ Архіепископомъ предположенія, изъясненныя въ отношеніи вашемъ ко мнѣ отъ 19 сего Іюля, касательно перешедшихъ въ Римскій обрядъ Унитовъ, Высочайше повелѣтъ изволилъ привести въ исполненіе. Сію Монаршую волю, сообщая Вашему Высокопреосвященству къ должному исполнению, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью, и проч.

Отношеніе къ Министру Юстиціи Митрополита Римско-Католическихъ церквей въ Россіи Сестренцевича и бывшаго Полоцкаго Унитскаго Архіепископа Лисовскаго. — По случаю происшедшаго въ Бѣлоруссіи перехода Уніатовъ въ Римскій обрядъ, поелику производится о семъ и дѣло и нѣкоторыя Духовныя лица другой уже годъ содержатся въодѣ стражею; то мы Пастыри Всемиловѣйше намъ врученныхъ Епархій Римско-Католической и Унитской, имѣя въ виду какъ церковныя, такъ и Государственныя законы, желая возстановить въ Епархіяхъ прежнюю тишину и спокойствіе и въ пресѣченіе дальнѣйшаго несогласья и тяжбы, заключили слѣдующее между нами условіе, а именно: я, Римскихъ церквей Митрополитъ, Могилевскій Ар-

хієписконъ, Унитовъ, перешедшихъ въ Римскій обрядъ, не долженъ считать въ моей Епархіи, но Уніатскихъ Священниковъ съ ихъ приходами долженъ возвратити въ вѣденіе и управленіе Унитскаго Духовнаго Начальства, предписавъ накрѣпко моимъ подчиненнымъ, чтобы они тѣхъ перешедшихъ Унитовъ не принимали, а отсылали бы ихъ къ ихъ же Унитскому Начальству, и впредь Унитовъ въ Римскій обрядъ ни подъ какимъ видомъ не принимали бы, подъ опасеньемъ строжайшаго по законамъ взысканія, а я, Полоцкій Унитскій Архієписконъ, таковымъ образомъ возвращающихся въ мою Епархію долженъ съ пастырскою любовью принять, и особливо Священниковъ оставить при нынѣшнихъ ихъ мѣстахъ, ни мало не касаясь къ тѣмъ личнымъ Униатамъ, кои съ давнихъ временъ или отъ своихъ уже родителей состоятъ въ Римскомъ обрядѣ.

Милостивый Государь! Имѣемъ честь всенижайше просить Вашу Свѣтлость, благоволите таковое наше условіе представить Его Императорскому Величеству, съ испрошеніемъ Высочайшаго указа; а поелику таковымъ образомъ и всѣ недомѣнныя прекращаются, то притомъ смѣемъ просить, дабы Его Величество Государь Императоръ, по человѣколюбію и Отеческому милосердію Своему къ вѣрноподаннымъ, соизволилъ осчастливить Всемилоостивѣйшимъ прошеніемъ тѣ лица, которыя по сему дѣлу о совращеніи Унитовъ подвергли себя законному взысканію, и Всемилоостивѣише повелѣтъ о прекращеніи всего по сему предмету процесса.

П. С. 3. № 22226.

Источник – Акты издаваемые Виленскою археографическою комиссіею. Т. XVI Документы, относящіеся къ исторіи церковной уніи въ Россіи. – Вильна: тип. А.Г. Сыркина, 1889. – 701 с. – I Правительственныя распоряженія. – С. 82–83.

1810 г. Августа 8.

Сснатскій. — О назначеніи срока Уніатамъ, перешедшимъ самовольно въ Римскій обрядъ для возвращенія ихъ въ Унію по прежнему.

Правительствующій Сенатъ, слушавъ записку по дѣлу о встрѣтившихся сомнѣніяхъ при исполненіи Высочайше утвержденнаго положенія Митрополитовъ Сестренцевича и покойнаго Лисовскаго и указовъ Правительствующаго Сената, въ разсужденіи возвращенія паки въ Унію самовольно перешедшихъ въ Римскій обрядъ Священниковъ и прихожанъ Уніатскихъ, Приказали: поелику въ Высочайше утвержденномъ въ 19 день Іюля 1806 года на Бѣлорусскія Губерніи положеніи Митрополитовъ Сестренцевича и покойнаго Лисовскаго сказано: возвратить отъ Римско-Католическаго къ Уніатскому Митрополиту только однихъ Уніатскихъ Священниковъ, перешедшихъ въ Римскій обрядъ съ ихъ приходами, и не касаться къ тѣмъ личнымъ Уніатамъ, кои съ давнихъ временъ, или отъ своихъ уже родителей, состоятъ въ Римскомъ обрядѣ; но о тѣхъ Уніатскихъ Священникахъ, кои безъ приходовъ перешли въ Римскій обрядъ и опредѣлены къ приходамъ Римскія церкви, ничего не упомянуто; а по сему, при исполненіи сего Митрополитовъ положенія, а равно и указа Сената отъ 25 Октября 1807 года, о обращеніи монаховъ Уніатскихъ, нринявшихъ обрядъ Римско-Католическій паки въ ихъ монастыри, встрѣтились сомнѣнія въ томъ: 1. Священники Уніатскіе, безъ приходовъ перешедшіе и определенные къ Католическимъ приходамъ, должны ли возвратиться сами въ Унію, или остаться въ Католическомъ обрядѣ? и 2. Съ какого времени считать личнымъ Уніатамъ давность? Сенатъ, истребовавъ изъ Римско-Католической Духовной Коллегіи подлинное дѣло, и войдя въ подробнѣйшее его разсмотрѣніе, находитъ, что Уніатскихъ Священниковъ, которые, бывъ безъ приходовъ, перешли въ Римско-Католическій обрядъ, и определены къ приходамъ Католическимъ, согласно съ мнѣніемъ Римско-Католической Духовной Коллегіи обоихъ Департаментовъ, возвращать паки въ Унію не слѣдуетъ: ибо занимаемые ими нынѣ приходы останутся безъ пастырей, а новыхъ приходовъ или

совсѣмъ въ Уніи не найдуть праздныхъ, или должны ожидать ихъ немалое время, и чрезъ то быть безъ нужного иропитанія и въ тягость прочимъ; какое положеніе и должно распространить-ся какъ на Бѣлорусскія, такъ и прочія отъ Польши присоединен-ный Губерніи. Что же касается до того, съ какого времени счита-ть давность перешедшихъ не цѣлыми деревнями, но лично нѣкоторыхъ Уніатовъ въ Римскій обрядъ; то, дабы не навлечь затрудненія Правительству а равно чтобы на случай споровъ можно было имѣть для доказательства и свидѣтельскія показанія, къ чему весьма отдаленное время могло бы быть препят-ствіемъ истины, Сенатъ полагаетъ назначить таковой срокъ съ 1798 года, поелику первое запрещеніе последовало подговари-вать Уніатовъ переходить въ Римскій обрядъ въ 1799 году, счита-тая равномерно сей срокъ на Белорусскія, такъ и прочія Гу-берніи; о чемъ Римско-Католической Духовной Коллегіи въ 1-й Департаментъ указъ посланъ; а въ Департаментъ Министерства Юстиціи сообщена съ сего опредѣленія копія.

П. С. З. № 24320.

Источник – Акты издаваемые Виленскою археографиче-скою комиссіею. Т. XVI Документы, относящіеся къ исторіи церковной уніи въ Россіи. – Вильна: тип. А.Г. Сыркина, 1889. – 701 с. – I Правительственныя распоряженія. – С. 60.

1820 г. Марта 13.

Высочайше утвержденный докладъ Министра Духов-ныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. – О высылкѣ изъ Росіи Іезуитовъ и о упраздненіи Полоцкой Іезуитской Ака-деміи и подвѣдомственныхъ ей Училищъ.

Докладъ. Узаконеніями Россійской Имперіи издавна за-прещено было Іезуитамъ имѣть пребываніе въ Россіи. Но, не взирая на сіе, они находили способъ проникать въ предѣлы ея подъ разными видами. Почему Императоръ Петръ 1-й, Коему извѣстны были руководствующія ихъ правила, въ 1719 году по-

велѣлъ: всѣхъ Іезуитовъ съ ихъ слушателями выслать немедленно изъ всѣхъ городовъ, и земель Россійскихъ, и Декларацию о семъ привѣсить къ Московской Римско-Католической Церкви.

Съ возвращеніемъ въ 1772 году Белорусскаго края Россіи вошли въ ея предѣлы и обитавшіе въ ономъ Іезуиты. Вскорѣ потомъ (въ 1773 году) Буллою Папы Римскаго Климента XIV уничтожено Іезуитское общество. Глава Римской Церкви объявилъ его лишеннымъ всѣхъ принадлежащихъ ему должностей, званій и отличій, всѣхъ имуществъ, домовъ, училищъ, коллегій и другихъ заведеній; отмѣнилъ всѣ статуты и постановленія, для онаго изданныя, и совершенно подчинилъ членовъ его, наравнѣ съ бѣлымъ Духовенствомъ, Епархіальнымъ Епископамъ. Но Іезуиты, пребывающіе въ Россіи, искали защиты у Императрицы Екатерины II-й противъ Папы, почитаемаго ими видимою главою ихъ Церкви. Екатерина II-я, въ надеждѣ, что оставшееся отъ всеобщаго уничтоженія члены сего Ордена, отказавшись отъ всѣхъ дѣйствій, противныхъ Гражданскому порядку, бывшихъ причиною уничтоженія ихъ общества, посвятятъ себя единственно воспитанно въ Бѣлоруссіи Римско-Католическаго юношества, которому бы они могли быть полезны своимъ просвѣщеніемъ, если бы оно было основано на любви Христіанской, даровала имъ убѣжище въ Бѣлорусскихъ Губерніяхъ. Іезуитскому Обществу не только предоставлены въ Бѣлоруссіи недвижимый имѣнія, но еще повелѣно было съ припадающихъ оному крестьянъ не собирать и податей казенныхъ. Но, даровавъ ему покровительство, Екатерина II-я въ 1774 году изрекла торжественно, что еіе покровительство продолжится до тѣхъ только поръ, пока Іезуиты не преступятъ за границы начертаннаго имъ долга; а въ 1782 году Высочайше повелѣтъ соизволила, чтобы и еамыя правила Ордена Іезуитскаго были наблюдаемы ими, по колику онѣ могутъ быть соглашены съ Государственными постановленіями.

Оказавъ снисходительную терпимость обществу, отверженному и Папою, верховнымъ его Начальникомъ, и всѣми

Державами Европы, – Россія могла по справедливости ожидать, что оно будетъ вѣрнымъ ея Монарху и не нарушить ея законовъ. Слѣдствія показали противное.

Высочайшими указами и грамотами: 12 Декабря 1772, 12 Маія 1774, 30 Декабря 1778, 9 Генваря 1780 и 17 Генваря 1782 года повелѣно было Іезуитамъ, которыхъ Папа, при уничтоженіи ихъ общества, подчинилъ Епархіальнымъ Епископамъ, зависть отъ Епархіальнаго ихъ Архіерея; но они, не признавая уже Папской власти, отрекались и въ Россіи отъ повиновенія Начальству Духовному, въ оправданіе же своего непокорства приводили они Орденскія свои постановленія. Правительствующій Сенатъ еще въ 1782 году объявлялъ, что Іезуиты, зная Высочайшее предписаніе, по коему они обязаны повиновеніемъ Архієпископу Могилевскому, своему истинному Пастырю и главному Препозиту, не должны отрекаться отъ сего, предписаннаго имъ повиновенія; не должны, при столь ясно изображенной волѣ Монаршей (по примѣру нрежняго отзыва Іезуитскаго Провинціала), приводить въ защищеніе свое упоминаемый ими Орденскія правила.

Въ 1800 году Іезуиты допущены были въ Санктпетербургъ къ Богослуженію въ Римско-Католической церкви. Высочайше же утвержденнымъ въ 12 день Февраля 1769 года Регламентомъ дозволено при сей церкви нмѣть училище, въ которомъ могли образоваться одни только юноши Римско-Католическаго исповѣданія; но Іезуитскій Генераль, увеличивъ безъ нужды число здѣшнихъ своихъ Патеровъ, завелъ Коллегію, въ которую начали они принимать юношество не только другихъ Иностранныхъ исповѣданій, но и Греко-Россійской церкви. Іезуиты на семъ не остановились: они, вопреки кореннымъ Государственнымъ узаконеніямъ, осмѣлились внушеніями своими обольщать и ввѣренныхъ имъ питомцевъ и другихъ людей, принадлежащихъ къ Греко-Россійской церкви, и привлекать ихъ въ свое вѣроисповѣданіе. – Сверхъ того, пользуясь отъ исправленія требъ и отъ найма обширныхъ домовъ церковныхъ доходами, въ коихъ не отдавали никому отчета, предписанная Регламентомъ и Вы-

сочайшимъ указомъ 14 Маія 1801 года, и получая значительную плату за содержаніе пансіонеровъ, они не только не освободили церкви отъ прежнихъ долговъ ея, но еще обременили ее новыми. Все сіе, служа убѣдительнымъ доказательствомъ нарушенія Государственные законовъ, побудило Ваше Императорское Величество, въ охраненіе Господствующей церкви, издать въ 1815 году указъ, коимъ Іезуиты высланы изъ Санктпетербурга, и коимъ запрещенъ имъ въѣздъ въ обѣ Столицы. Принимая же участіе въ благосостояніи здѣшней Римско-Католической церкви, Ваше Величество Высочайше повелѣтъ соизволили въ 1818 году уплатить отъ казны долги ея, до 100 000 рублей простиравшіеся:

Но удаленіе Іезуитовъ изъ Санктпетербурга не послужило къ перемѣнѣ ихъ поведенія. Гражданскія и Военныя Начальства доносили, что Іезуиты продолжаютъ действовать противозаконно. Въ Коллегіи Могилевской привлекали они къ своему вѣроисповѣданію обучавшееся у нихъ Греко-Россійское юношество, и когда, для отнятія у нихъ къ тому способа, Высочайше повелѣно, дабы въ Полоцкой Академіи и въ подвѣдомственныхъ ей Училищахъ обучалось одно только Римско-Католическое юношество, начали они въ Витебскѣ обращать въ свое исповѣданіе военнослужащихъ Греко-Россійской церкви. И въ Сибири находящіеся Іезуиты поступками своими не соотвѣтствуютъ той цѣли, съ какою были определены на мѣста свои. Подъ предлогомъ исправленія требъ, посещаютъ они и такія мѣста, въ которыхъ нѣтъ ни единого Римскаго Католика, прельщаютъ простолюдиновъ и переманиваютъ ихъ въ свое исповѣданіе. – Въ Саратовской Губерніи действуютъ они по симъ же правиламъ. – Папскіми предписаніями и Государственными узаконеніями запрещено обращать Греко-Униатовъ въ Римско-Католическое исповѣданіе; но Генераль Іезуитскаго общества противопоставлялъ и темъ и другимъ Папскую Буллу, разрешающую Греко-Унитамъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ Греко-Унитскаго Священника, принимать причастіе отъ Римско-Католическихъ. Но Іезуиты привлекаютъ Греко-Унитовъ даже и тамъ, гдѣ находятся Греко-

Унитскіе Священники. Я приводилъ еще въ 1815 году Іезуитскому Генералу на память Именной Высочайшій указъ 4-го Іюля 1803 года, въ которомъ сказано: „Тажъ самая терпимость, которая заставляетъ Правительство не прикасаться къ убѣжденію совѣсти въ дѣлахъ веры, должна бы была послужить правиломъ Духовнымъ Католическимъ властямъ въ поведеніи ихъ съ Уніатами и воспретить имъ всякое совращеніе народа изъ Уніи въ обрядъ Римско-Католическій. Если вѣра Господствующая не дозволяетъ себѣ никакихъ понудительныхъ средствъ, то кодыми паче вера терпимая не можетъ ихъ употреблять". И въ колоніяхъ, обольщая последователей Евангелическаго исповѣданія. Іезуиты посѣвають въ ихъ семействахъ безнорядки и несогласіе. Въ 1801 году Іезуиты, обращая въ вѣру свою дѣтей Еврейскихъ, употребляли насилье. „Поступокъ, - по словамъ Именнаго Высочайшаго указа 21 Августа того же года, - несообразный ни съ общими правилами Христіанской веры, насилья нетерпящей, ни съ Государственными законами, всякой подговоръ и обольщеніе строго наказующими". Потребна была сила Губернскаго Начальства, чтобы исторгнуть изъ Іезуитскаго монастыря вышеупомянутыхъ Еврейскихъ дѣтей; но и послѣ сего Іезуиты не исполнили Высочайшаго повелѣнія. Они дѣйствуютъ и нынѣ по тѣмъ же своимъ правиламъ. Самое употребленіе имуществъ, имъ принадлежащихъ не согласно съ правилами Христіанскаго человѣколюбія: ибо положеніе крестьянъ, Іезуитскому Ордену въ Бѣлоруссіи подвластныхъ, доказываете сколь мало, пекутся Іезуиты о благосостояніи крестьянъ сихъ. Ваше Императорское Величество сами съ соболѣзнованіемъ видѣли нѣкоторыхъ изъ сихъ несчастныхъ, слѣпыхъ и увѣчныхъ, отпущенныхъ съ плакатными паспортами и просящихъ подаянія. По Высочайшему иовелѣнію я писалъ къ Іезуитскому Генералу, что пускать по міру нищихъ и немощныхъ людей не сообразно съ Христіанскими правилами, наипаче, когда Іезуитское общество имѣетъ всѣ средства призрѣть ихъ.

Таковы истины, относящіяся до Іезуитскаго Ордена. Могушественное Государство, въ минуту преслѣдованія и бѣдствія

Іезуитовъ, принимаетъ ихъ подъ защиту своихъ законовъ: чуждые благодарности, они нарушаютъ сіи благотворящіе имъ законы, упорно противоположаютъ имъ собственныя постановления, и, именую себя Миссіонерами, вопреки Высочайшему Регламенту 1769 года, запрещающему принимать сіе названіе Римско-Католическому Духовенству, дѣйствуютъ посреди Государства благоустроеннаго, какъ въ странѣ, свѣтомъ Христіанства неозаренной. И когда всеобщая недовѣрчивость и справедливое негодование всей Европы ихъ преслѣдуютъ: Россія показываетъ имъ и довѣренность и уваженіе; она возлагаетъ на нихъ Священную обязанность образовать юношей ихъ вѣроисповѣданія, дабы, просвѣщая ихъ разумъ наукою, просвѣщали и сердце религіею; они употребляютъ во зло сію до-вѣренность, обольщаютъ неопытную молодость, и сами, пользуясь благомъ терпимости, поселяютъ въ сердцахъ, ими обманутыхъ, жестокую нетерпимость, стремятся уничтожить оплотъ царствъ, привязанность къ вѣрѣ отечественной, и тѣмъ разрушить счастіе семействъ, производя въ нихъ гибельное разномысліе. – Всѣ дѣйствія Іезуитовъ направлены къ собственнымъ ихъ выгодамъ и распространенію власти, и совѣсть ихъ при каждомъ противозаконномъ поступкѣ удобно находить оправданіе въ правилахъ ихъ Ордена.

По свидѣтельству Папы Климента XIV: „Іезуиты съ самаго учрежденія ихъ общества, занимались низкими происками, имѣли безпрестанныя несогласія и раздоры въ Европѣ, Азіи и Америкѣ, не только между собою, но и съ другими Монашескими Орденами, свѣтскимъ Духовенствомъ, съ учебными заведеніями, и даже действовали противъ Правительства; многіе роптали на ихъ ученіе, противное добрымъ правамъ и истинному благочестію; всѣ вообще упрекали ихъ въ излишней склонности къ пріобрѣтенію благъ житейскихъ. Какія средства ни были употребляемы Папами для прекращенія козней Іезуитскаго общества, всѣ онѣ остались совершенно недействительными. Чѣмъ болѣе возрастало негодованіе противъ сего общества, тѣмъ опаснѣе дѣлались ропотъ и волненіе въ умахъ, тѣмъ болѣе

разрывался союзъ любви Христианской, тѣмъ болѣе усиливался духъ возмущенія. Нѣкоторые Католическіе Государи, не видя другихъ способовъ отвратить угрожающую церкви пагубу, принуждены были изъ областей своихъ изгнать Іезуитовъ". Такъ писалъ объ нихъ Папа, который, видя въ самыхъ коренныхъ правилахъ Іезуитскаго Ордена причину раздоровъ и зла, ими производимыхъ, уничтожилъ общество сіе, дабы возвратить миръ и порядокъ церкви Христовой.

Еще когда Іезуиты удалены были изъ Санкт-Петербурга, положено было выслать всѣхъ членовъ общества сего за предѣлы Россіи; но Ваше Императорское Величество соизволили остановить мѣру сію по той причинѣ, что надлежало прежде отыскать Священниковъ, знающихъ иностранные языки, дабы по колоніямъ и другимъ мѣстамъ могли быть замѣщены ими Іезуитскіе.

Нынѣ, когда изъ собранныхъ мною свѣдѣній открылось, что въ другихъ Орденахъ Римско-Католическаго исповѣданія есть потребное для колоній число Священниковъ, знающихъ языки Иностранные, а Іезуиты показали себя, какъ изъ вышеизложеннаго видно, еще виновнѣйшимъ, осмѣливаюсь я представить Вашему Императорскому Величеству, не благоугодно ли будетъ Высочайше повелѣть:

1. Іезуитовъ, какъ забывшихъ священный долгъ не только благодарности, но и подданнической присяги, и потому недостойныхъ пользоваться покровительствомъ Россійскихъ законовъ, выслать, подъ прпсмотромъ Полиціи, за предѣлы Государства и впредь ни подъ какимъ видомъ и наименованіемъ не пускать въ Россію.

2. Полоцкую Іезуитскую Академію и подвѣдомственныя ей училища упразднить. Поелику же для Бѣлаго Римско-Католическаго Духовенства существуютъ Семинаріи, какъ Епархіальныя, такъ и главная при Виленскомъ Университете, а монашествующимъ преподаются науки въ разныхъ монастыряхъ другихъ Орденовъ, то и должны обучаться первые въ Семинаріяхъ, а послѣдніе въ монастыряхъ; свѣтское же юношество,

вмѣсто иезуитскихъ Коллегій, будетъ образоваться въ Училищахъ, зависящихъ отъ Университетовъ и въ самыхъ Университетахъ. Начальство Народнаго Просвѣщенія приложить стараніе, чтобы, при нынѣшней перемѣнѣ, ежели нужно, учреждены были въ Бѣлорусскихъ Губерніяхъ вновь Училища для свѣтскаго юношества.

3. Къ приходамъ, гдѣ исправление требъ поручено было Іезуитамъ и гдѣ нужно знаніе Польскаго языка, определить по назначенію Епархіальнаго Начальства, Священниковъ Белаго и Монашествующаго Духовенства изъ ближайшихъ мѣстъ. Въ те же приходы, въ коихъ находятся жители, неразумеющіе ни Польскаго, ни Русскаго языка отправить Бѣльцовъ, или Монаховъ, знающихъ языки прихожанъ. Но не прежде удалять Іезуитовъ отъ приходовъ, какъ по прибытіи на ихъ мѣста другихъ Священнослужителей. Епархіальное Начальство, посредствомъ Благочинныхъ или Декановъ, будетъ пещись, чтобы въ Богослуженіи и въ исправленіи мірскихъ требъ не было ни малейшей остановки.

4. Такъ какъ признается нужнымъ выслать Іезуитовъ изъ Губерній Витебской и Могилевской прежде прочихъ, то техъ изъ нихъ, которые не имеютъ на своей ответственности движимыхъ и недвижимыхъ именій, отправить за границу немедленно; тѣхъ же, въ непосредственномъ веденіи коихъ находится что либо принадлежащее обществу, отправить по отобрапін сего имущества.

5. Все наличныя деньги, документы, церковную утварь и прочее движимое и недвижимое именіе общества Іезуитскаго принять немедленно мѣстнымъ Деканамъ или духовнымъ Визитаторамъ и Депутатамъ, съ Городничими, Земскими Исправниками и Стряпчими, за подписаніемъ описей сдатчиками и пріемщиками.

6. Для пріема по описямъ библіотекъ, инструментовъ и прочихъ учебныхъ пособій въ Училищахъ, содержимыхъ за счетъ Іезуитскихъ доходовъ, отрядить къ вышеозначеннымъ лицамъ чиновниковъ изъ Училищнаго ведомства.

7. Наличный деньги, какія отобраны будутъ отъ Іезуитовъ, отдать въ Приказы Общественнаго Призренія для приращенія процентами; а вещи, за исключеніемъ нужныхъ къ употребленію, запретъ въ приличныхъ мѣстахъ, и запечатать печатями сдатчиковъ и пріемщиковъ. Одне описи движимымъ и недвижимымъ именіямъ доставить въ казенный палаты, а другія въ Министерство Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвещенія.

8. Недвижимыя именія съ крестьянами, по инвентарямъ или описямъ, поручить веденію Казенныхъ Палатъ, которыя приведя въ известность доходы, будутъ наблюдать за цѣлостію оныхъ, за порядочнымъ управленіемъ и за благосостояніемъ крестьянъ, но не причисляя ихъ къ казеннымъ, почитать особою статьею для Римско-Католическаго Духовенства и Богоугодныхъ предметовъ, донося Министерству Духовныхъ делъ и Народнаго Просвѣщенія по третямъ года объ управленіи сихъ имѣній.

9. Потребныя на высылку Іезуитовъ и на отправленіе къ приходамъ другихъ Священниковъ деньги отпускать изъ Губернскихъ экстраординарныхъ суммъ; сколькожъ оныхъ будетъ выдано, Гражданскіе Губернаторы имѣютъ донести Министерству Духовныхъ делъ и Народнаго Просвещенія для пополненія изъ доходовъ Іезуитскихъ именій.

10. На Гражданскихъ Губернаторовъ возложить наблюденіе, чтобы сдача и пріемъ Іезуитскихъ нмуществъ, а также и высылка Іезуитовъ, происходили безъ всякой остановки. Кто именно, когда и чрезъ какія места будетъ отправленъ и выѣдетъ за границу, Губернаторы местныхъ и пограничныхъ Губерній обязываются доносить Министерствомъ Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвещенія и Внутреннихъ дѣлъ.

11. Но если бы Члены Іезуитскаго общества изъ уроженцевъ присоединенныхъ къ Россіи Губерній, не принявшіе никакихъ Священныхъ степеней и находящееся въ искуствѣ, пожелали вытти изъ сего Ордена, то имъ не возбранять остаться въ Россіи, возвратиться къ своимъ семействамъ и въ первобытное свое состояніе, или вступить въ другой Монашескій Орденъ. Равномѣрно и тѣ изъ Іезуитовъ, кои совершили всѣ обѣты своего Ордена

и приняли уже какія либо Священныя званія, могутъ, если пожелаютъ, испросить отъ Римскаго Престола разрѣшеніе на вступленіе въ другой Орденъ или въ Бѣлое Духовенство; но таковыя должны нынѣ же письменно объявить, что они рѣшились оставить Іезуитское общество и перейти въ какой либо другой Монашескій Орденъ или въ Бѣлое Духовенство; сіи отзывы ихъ имѣютъ быть немедленно представлены Правительству для домогательства о томъ у Римскаго Двора. Но, будучи въ предѣлахъ Россіи, они не должны болѣе называться Іезуитами и лишаются всѣхъ привилегіи сего Ордена.

Если Ваше Императорское Величество соизволите утвердить сіи предположенія, то не благоугодно ли будетъ Высочайше повелѣть Управляющему Мипистерствомъ Внутреннихъ дѣлъ, Министру Финансовъ и мнѣ, каждому по своей части, приступить немедленно къ исполненію всѣхъ сихъ статей.

Такимъ образомъ прекратится въ Россіи существованіе Іезуитскаго общества, непокорнаго Государственнымъ узаконеніямъ и властямъ, коимъ оно долясенствовало повиноваться по ученіи Св. Апостола Павла, не токмо за страхъ, но и за совѣсть; удалены будутъ изъ Россіи люди, неимеющіе истиннаго просвѣщенія, низпосылаемаго свыше, - люди, невнемлющіе поставленію Св. Апостола Іакова, коего словами Папа Климентъ ХІУ заключилъ Буллу объ уничтоженіи Іезуитскаго Общества: Кто премудръ и художъ въ васъ, да покажетъ отъ добраго житія дѣла своя въ кротости и премудрости; аще же зависть горьку имате и рвеніе въ сердцахъ вашихъ, не хвалитесь, ни лжите на истину. Нѣсть сія премудрость свыше низходяща, но земна, душевна, бѣсовска; идѣже бо зависть и рвеніе, ту нестроеніе и всяка зла вещь. А яже свыше премудрость, первѣе убо чиста есть, потомъ же мирна, кротка, благопокорлива, исполнь милости и плодовъ благихъ, несумнѣнна и нелицемѣрна. Плодъ же правды въ мірѣ сѣется творящимъ миръ. Резолюція. Быть по сему.

П. С. 3. № 28198.

Источник — Акты издаваемые Виленскою археографическою комиссією. Т. XVI Документы, относящіеся къ исторіи церковной уніи въ Россіи. — Вильна: тип. А.Г. Сыркина, 1889. — 701 с. — I Правительственныя распоряженія. — С. 104–109.

1822 г. Маія 31.

Сенатскій. — О запрещеніе Римско-Католическому и Греко-Уніатскому духовенству производить займы на счетъ церковныхъ имуществъ, безъ Высочайшаго на то соизволенія.

Правительствующій Сенатъ слушали рапортъ г. Министра Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, что г. Управляющій Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ, въ прошломъ 1820 году увѣдомилъ его, что, при принятіи отъ Іезуитовъ имѣній Витебской Губерніи въ Динабургскомъ Повѣтѣ, предъявлены документы на бывшаго Вице-Ректора поіезуитскаго Ужвальдскаго Кляштора Папцевича отъ разныхъ лицъ въ 58 866 р. ассигнаціями, занятыхъ имъ въ 1817 и 1818 гг., якобы на построеніе сего Кляштора; по каковымъ документамъ заимодавцы просятъ уплаты изъ прикадлежащихъ Іезуитскому Ордену имѣній. По свѣденіямъ, находящимся въ Министерствѣ Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, оказалось: что Іезуиты съ 1812 по 14-е Маія 1817 года получили за взятый въ военное вѣдомство Динабургскій монастырь 191 500 р. 50 к. и что послѣ 1817 года строенія въ Ужвальдѣ уже не производились, а около того времени, когда были дѣлаемы для Ужвальдскаго монастыря займы, Іезуиты имѣли сами гораздо значительнѣйшіе на разныхъ людяхъ долги, коихъ Начальству не предъявляли ни въ свое время, ни при удаленіи ихъ за границу, такъ, что слѣды оныхъ, по невыдачѣ ими облиговъ, остались только въ счетахъ Іезуитскаго Ордена. По собраніи на мѣстѣ нѣкоторыхъ нужныхъ поясненій, о чемъ предписано уже г. Управляющимъ Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ Губернскому Начальству, онъ г. Министръ Ду-

ховныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія не оставить испросить, гдѣ слѣдуетъ, разрѣшенія, касательно помянутыхъ долговъ. Между тѣмъ случай сей заставляетъ принять мѣры къ предупрежденію того разстройства фундушовыхъ имуществъ Римско-Католическаго Духовенства, которое послѣдовать можетъ, если допустить неограниченно займы со стороны мѣстныхъ Суперіоровъ и церквей на счетъ имуществъ оныхъ. Смерть ихъ и самовольный иногда бывающія отлучки за границу, поставили бы правительство въ затрудненіе, подобно описанному выше случаю. Въ регламенте Высочайше подтвержденномъ 1798 Ноября 3 для церквей и монастырей Римско-Католическаго исповѣданія въ Россійской Имперіи, въ 6 пунктѣ сказано: „Какъ селы, деревни, фольварки, земли, лѣса, огороды, сѣнокосы, озера, рыбныя ловли и всякія тому подобныя угодья, равномѣрно и денежныя суммы капиталныя и процентныя и прочая блага и чернаго Духовенства стяжанія, суть общее ихъ достояніе, то и запрещается всѣмъ монастырямъ продавать ихъ, дарить и вымѣнивать, равно какъ и отъ нихъ оныя отбирать безъ особливаго Монаршаго соизволенія“. Тоже подтверждено и въ правилахъ 1800 Декабря 11 о управленіи Римско-Католическаго Духовенства въ Россіи; а въ положеніи 1801 Ноября 13, для Духовнаго и церковнаго Правительства Римско-Католическаго закона, въ 7 пунктѣ постановлено, что монастырей и церквей имѣнія и капиталы сохраняться имѣютъ въ цѣлости и безъ ущерба на правѣ казенныхъ имѣній. Въ сихъ узаконеніяхъ нигдѣ не сказано, чтобы Духовенство сіе могло дѣлать долги на счетъ общаго ихъ имущества, и сіе явно противорѣчило бы разуму означенныхъ узаконеній, охраняющихъ оныя на правѣ казенныхъ имуществъ. Фундуши, кои церкви и монастыри сего исповѣданія имѣютъ, и добровольный въ оныя приношенія довольно обезпечиваютъ удовлетвореніе ихъ нуждъ; а въ тѣхъ случаяхъ, когда бы по особеннымъ какимъ обстоятельствамъ заемъ денегъ потребовался для церквей и монастырей, можетъ мѣстное Духовное Начальство испрашивать на сіе разрѣшенія.

По сему онъ, г. Министръ Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, испрашиваетъ у Правительствующаго Сената запрещенія Римско-Католическому и Греко-Уніатскому Духовенству, производить безъ Высочайшаго соизволенія займы, по коимъ уплата обращалась бы на фундушовыя ихъ имущества и капиталы, по примѣру, какъ запрещено уже продавать и мѣнять оныя. При чемъ слушали справку, изъ которой видно, что Правительствующей Сенатъ по вступившимъ на разсмотрѣніе его бумагамъ, о выданныхъ Провинціаломъ Іезуитскаго Ордена Свентоховскимъ Оберъ-Гофмейстеру Графу Литтѣ, иностранцамъ Дазеру, Пирлннгу и Вартелю долговыхъ обязательствахъ, находя, что Именнымъ Высочайшимъ указомъ, 25 Маія 1816 года, о удаленіи изъ С.Петербурга Іезуитовъ, состоявшимся, не дапоимъ права на залогъ за долги принадлежащихъ Ордену ихъ имѣній, не сдѣлано для нихъ также исключенія и изъ общаго 3 Ноября 1798 года въ Регламентѣ Римско-Католическихъ церквей и монастырей въ Россіи постановленія, запрещающаго Духовенству онаго исповѣданія продавать, дарить и мѣнять свои имѣнія безъ Высочайшей воли; и основываясь какъ на сему, такъ и на Высочайше утвержденномъ въ 13 день Ноября 1801 года положеніи для Духовнаго и церковнаго Правительства Римско-Католическаго закона, коего по 7 пункту, имѣнія и капиталы монастырей и церквей сохраняются въ цѣлостн ихъ на правѣ казенныхъ имѣній, каковымъ правомъ оныя и защищаться должны; согласно съ заключеніемъ г. Министра Духовныхъ дѣлъ и народнаго Просвѣщенія, 30 Ноября 1820 года опредѣлили: 1. Предписать Витебскимъ: Гражданскому Губернатору, Губернскому Правленію и Казенной Палате, чтобъ за неуплату суммъ, по выданнымъ отъ бывшаго Провинціала Іезуитскаго Ордена Свентоховскаго обязательствамъ, отнюдь не допускали никакого притязанія къ имѣніямъ, въ тѣхъ обязательствахъ поименованнымъ, охраняя цѣлость какъ оныхъ, такъ и прочихъ принадлежавшихъ Іезуитамъ, а нынѣ въ вѣденіи Казенной Палаты находящихся имѣній, по точной силѣ вышеприве-

денная положенья 13 Ноября 1801 г. 2. Поелику же с пунктом Высочайшаго указа 25 Маія 1816 г. повелѣно: „Всѣ могущія впредь открыться па монахахъ Іезуитскаго Ордена денежный взысканія, обращать на недвижимый именья тому Ордену принадлежація“; а чтобъ съ изгнаніемъ Іезуитовъ вовсе изъ предѣловъ Россійскаго Государства и съ отобраніемъ принадлежавшихъ ихъ Ордену имѣній въ казенное вѣдомство, уничтожились и всѣ претензіи, на семъ Орденѣ быть могущія, того въ Высочайше конфирмованномъ о Іезуитахъ въ 13 депъ Марта 1820 года докладѣ г. Министра Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, вовсе не сказано; изъ чего и слѣдуетъ, что 5 пунктъ Высочайшаго указа 1810 года остается въ своей силѣ; то Правительствующей Сенатъ и считаетъ нужнымъ поручить г. Министру Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, дабы по собраніи предположенныхъ имъ свѣденій о долгахъ, въ выданныхъ Провинціаломъ Свентоховскимъ обязательствахъ значущихся, учинить зависящее съ его стороны распоряженіе, чтобъ тѣ изъ нихъ, кои окажутся безсомнительны, были удовлетворены на точномъ основаніи упоминаемаго Высочайшаго 25 Маія 1816 г. указа 5 пункта, изъ доходовъ бывшихъ Іезуитскихъ имѣній собираемыхъ; буде же которые изъ тѣхъ долговъ откроются сомнительны, о таковыхъ дѣла предоставить законному теченію, на основаніи постановленія, для защищенія духовныхъ имѣній существующихъ. 3. А дабы и въ прочихъ Губерніяхъ, гдѣ таковыя Іезуитскія имѣнія находятся, поступаемо было въ подобныхъ случаяхъ единообразно, то о семъ положеніи дать знать всѣмъ Губернскимъ Правленіямъ, Казеннымъ Палатамъ и Гражданскимъ Губернаторамъ Заказами; въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ и въ Московскіе Сената Департаменты сообщить вѣденія. По сему опредѣленію исполненіе учинено 4 Генваря 1821 года. Приказали: уваживъ вышеизъясненное представленіе г. Министра Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія о томъ, что если допустить мѣстныхъ Суперіоровъ монастырей и церквей Римско-Католическаго исповѣданія до не-

ограниченныхъ займовъ на счетъ фундушовыхъ имуществъ, на что имъ и въ изданныхъ донынѣ узаконеніяхъ права не предоставлено, то какъ имущества сіи могутъ прійти въ разстройство, такъ и самое Правительство поставлено будетъ въ затрудненіе удовлетворять требованія заимодавцовъ въ случаѣ смерти или самыхъ за границу отлучекъ Суперіоровъ, таковыя займы учинившихъ; Правительствующей Сенатъ въ предупреждение всего того и руководствуясь узаконеніями о сохранении церковныхъ имѣній, полагаетъ согласно съ представленіемъ г. Министра Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія: запретить Римско-Католическому и Греко-Уніатскому Духовенству производить займы на счетъ церковныхъ имуществъ безъ Высочайшаго на то соизволенія, по примѣру тому, какъ запрещено уже продавать и мѣнять оныя; о чемъ для свѣдѣнія и для долнейшаго въ потребномъ случаѣ, что до кого касаться можетъ, исполненія, предписать отъ Сената всѣмъ Губернскимъ Правленіямъ, Казеннымъ Палатамъ и прочимъ Присутственнымъ мѣстамъ, также Гг. Министрамъ, Военнымъ Губернаторамъ управляющимъ Гражданскою частно и Гражданскимъ Губернаторамъ указами, а въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ и во всѣ Сената Департаменты сообщить вѣденіи.

П. С. 3. № 29060.

Источник – Акты издаваемые Виленскою археографическою комиссіею. Т. XVI Документы, относящіеся къ исторіи церковной уніи въ Россіи. – Вильна: тип. А.Г. Сыркина, 1889. – 701 с. – I Правительственныя распоряженія. – С. 109–111.

1828 г. Апрѣля 22.

Именной, данный Сенату. – Объ учрежденіи Греко-Унитской Духовной Коллегіи. по прилагаемому у сего штату.

Желая дать высшему Духовному Управленію Греко-Унитской церкви въ Россіи образованіе, вполне соответствующее какъ истиннымъ потребностямъ и пользамъ принадлежащихъ къ сему вероисповеданію подданныхъ нашихъ, такъ и основнымъ законоположеніямъ сей Церкви, а съ тѣмъ вместе явить знакъ благоволенія Нашего къ Духовенству Греко-Унитскому вообще и къ достойному Начальнику его, Митрополиту Іосафату Булгаку, Повелеваемъ:

1. Для дель Греко-Унитскихъ церквей въ Россіи учредить, подъ предсѣдательствомъ Митрополита сихъ церквей, особую Греко-Унитскую Духовную Коллегію изъ одного Епископа и одного Архимандрита по назначенію Нашему, и четырехъ Протоіереевъ поизбранію местныхъ Епархіальныхъ Архіереевъ и Консисторій. Жалованье Членовъ и Канцеляріи сей Коллегіи, а равно и суммы на прочее оной расходы, определяются штатомъ, у сего приложеннымъ. Греко-Унитская Духовная Коллегія, завѣдывая делами сей церкви въ Россіи, имеетъ тщательно наблюдать, чтобы установленія оной, чинъ Богослуженія и весь порядокъ церковнаго правленія, былъ охраняемъ отъ введенія какихъ либо чуждыхъ, несвойственныхъ Греческимъ обрядамъ обычаевъ, на точномъ основаніи положившихъ начало Уніи Грамотъ 1595 года.

П. На покупку дома въ С.-Петербургѣ, для приличнаго помѣщенія, церкви и для жительства Митрополита и прочихъ Членовъ и чиновниковъ Греко-Унитской Духовной Коллегіи, употребить: 1. Всемиловитѣйше пожалованныя Нами сей Коллегіи 150000 рублей; 2. Деньги, собранный для сооруженія Греко-Унитской въ С.-Петербургѣ церкви и тѣ, кои будутъ выручены продажею находящегося на Васильевскомъ острову въ 12-й линіи подъ № 390, принадлежащаго Греко-Упитскому Департаменту дома. Для нужныхъ по сему распоряжений, данъ Нами отъ сего числа особый указъ Главноуправляюще-

му Духовными дѣлами Иностранных Исповѣданій.

Ш. Управление Греко-Унитскихъ церквей въ Россіи, подъ главнымъ вѣденіемъ Коллегіи, предоставитъ двумъ Епархіальнымъ Начальствамъ, учредивъ при оныхъ Каѳедральные Соборы: 1-й, Бѣлорусскій въ городѣ Полоцкѣ, гдѣ пребываетъ Полоцкій Греко-Унитскій Архіепископъ; 2-й, Литовская, Гродненской Губерніи Слонимскаго повѣта въ Жировицкомъ Греко-Унитскимъ монастырѣ, обыкновенномъ мѣстопробываніи Брестскаго Епископа сего вѣроисповѣданія. При каждомъ имѣютъ быть Консисторія, Семинарія и низшее Духовное Училище, а въ Полоцкѣ сверхъ того Духовная Греко-Унитская Академія. Штаты сихъ Консисторій и Училищъ, въ коихъ дѣти немущихъ Греко-Унитскихъ священно и церковнослужителей должны быть воспитываемы безъ платы, будутъ въ слѣдъ за симъ изданы. Къ симъ Каѳедральнымъ Соборамъ, для отправленія торжественнаго Богослуженія, для засѣданія въ Консисторіяхъ и для исправленія должностей въ Училищахъ, назначается по шести старшихъ и двѣнадцати младшихъ Соборныхъ Протоіереевъ. Въ сіе почетное званіе будутъ возводимы изъ нынѣшнихъ Капитульныхъ Членовъ и вообще изъ бѣлаго Греко-Унитскаго Духовенства достойнѣйшіе священнослужители, опытами доказавшіе преданность свою къ Престолу и ревность къ пользамъ своей Церкви: знакомъ отличія ихъ званія будетъ наперсный золотой крестъ, и всѣ Протоіереи какъ старшіе, такъ и младшіе будутъ пользоваться особою пенсією, сверхъ доходовъ, кои они могутъ получать отъ оставляемыхъ за ними приходовъ ихъ. О принятіи надлежащихъ мѣръ, а равно я о времени для приведенія въ исполненіе воли Нашей касательно учрежденія сихъ соборныхъ штатовъ, будетъ дано отъ Насъ особое повелѣніе Главноуправляющему Духовными дѣлами Иностранныхъ Исповѣданій.

ІУ. Къ Епархіи Полоцкаго Греко-Унитскаго Архіепископства причислитъ: 1) смежные съ Бѣлоруссією повѣты

Минской Губерніи: Дисненскій, Борисовскій, Игуменскій, Бобруйскій, Речицкій, Мозырскій; 2) прилегающіе къ послѣднимъ двумъ повѣтамъ въ Волынской Губерніи Овручскій, а въ Кіевской Радомысльскій, и 3) сопредѣльный же съ Бѣлоруссіею въ Курляндской Губерніи Зельбургскій округъ, гдѣ находится шесть церквей Греко-Унитскихъ; Литовскую же Греко-Унитскую Епархію составить изъ Гродненской и Виленской Губерній, Бѣлостокской Области и Греко-Унитскихъ церквей Сѣверныхъ повѣтовъ Волынской Губерніи. О церквахъ сего вѣроисповѣданія, находящихся въ другихъ повѣтахъ сей Губерніи, а равно и въ Кіевской и въ другихъ, Греко-Унитская Духовная Коллегія имѣетъ сдѣлать особое подробное положеніе, дабы Начальство каждой Епархіи съ точностію знало кругъ своего вѣдомства; сія Коллегія имѣетъ также постановить правила для передачи дѣлъ изъ существовавшихъ донынѣ Греко-Уніатскихъ Консисторій Луцкой ж Виленской по принадлежности къ Консисторіи Литовскую или Бѣлорус-скую, и представить на разсмотрѣніе Главнаго Управленія Духовныхъ дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій о назначеніи Викарныхъ Епископовъ по Епархіямъ. Всѣ находящееся въ обѣихъ Греко-Унитскихъ Епархіяхъ Базиліанскіе монастыри подчиняются мѣстнымъ Епархіаль-нымъ Начальствамъ и Консисторіямъ. Провинціалы Базиліанскіе не иначе могутъ дѣлать распоряженія по управленію ввѣренными ихъ вѣденію обителями и производить визитацію оныхъ, какъ съ вѣдома и разрѣшенія сихъ Начальствъ. Настоятели монастырей назначаются и смѣняются съ утверждения Греко-Унитской Духовной Коллегіи.

У. Въ каждой Епархіи, кромѣ Семинаріи и Училищъ при Каѳедральныхъ Соборахъ, учредить низшія Духовныя Училища въ Базиліанскихъ монастыряхъ, имѣющихъ достаточныя для сего фондуши, о чемъ и будетъ дано особое повелѣніе Главноуправляющему Духовными дѣлами Иностранныхъ Исповѣданій

на основаніи мненія, Греко-Унитскимъ Департаментомъ представленнаго.

УЛ На содержаніе Семинарій съ предположенными при нихъ двумя низшими Духовными Училищами, на учрежденіе въ Полоцкѣ Духовной Академіи и на прибавочные по штатамъ Консисторій расходы, заимствовать способы отъ слѣдующихъ фундушей, остающихся безъ назначенія, или доходами своими превышающихъ настоящая потребности онаго: 1) отъ фундуша, предоставленнаго указомъ 16 Декабря 1806 года Греко-Унитской Полоцкой Каѳедрѣ. 2) Отъ фундуша, которымъ донынѣ содержалась упраздняемая Виленская Консисторія съ ея Суффраганомъ.

3) Отъ фундуша, которымъ содержалась упраздняемая Луцкая Консисторія съ ея Суффраганомъ.

4) Отъ фундушей Жировицкаго и Овручскаго монастырей, въ коихъ оставляется нужное число монаховъ, въ первомъ для церковной службы, а во второмъ и для поправленія должностей въ находящемся тамъ свѣтскомъ Училищѣ и въ Духовномъ, которое имѣеть учредиться.

О порядкѣ управленія сими фундушами и о распредѣленіи доходовъ ихъ, Главное Управленіе Духовныхъ дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій, по собраніи надлежащихъ подробныхъ свѣденій, представить на усмотрѣніе Наше.

2-е П. С. З. № 1977

№ 72.-1828 г. Мая 26.

О непосыланіи воспитанниковъ изъ унитскихъ епархій въ главную Римско-Католическую Семинарію.

По Высочайшему указу 18 Іюля 1803 года учреждена при Виленскомъ Университете Главная Римско-Католическая Семинарія, для образованія молодыхъ людей, приготовляющихся ко вступленію въ духовное званіе по Римско-Католическому и Греко-Унитскому обрядамъ. Семинарія сія содержится сборомъ съ монастырей того и другаго обряда, имеющихъ избыточные

фундуши. Базиліанскій орденъ вносить на сей предметъ 4,675 руб. серебромъ ежегодно. Высочайшимъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату 22 минувшаго Апреля, повелено учредить для Греко-Унитскаго духовнаго юношества особую Духовную Академію въ Полоцкѣ, въ которую и будутъ поступать молодые люди, отличающіеся способностями и кончившіе съ успѣхомъ курсъ ученія въ Греко-Уніатскихъ епархіальныхъ Семинаріяхъ. На основаніи сего указа Его Императорское Величество Высочайше повелеть соизволилъ: чтобы отнынѣ Унитскихъ енархій не были уже вновь посылаемы воспитанники въ Главную Римско-Католическую Семинарію, но поступившее доселѣ должны оставаться въ оной до окончанья курса ученія.

Сбор. Пост. Мин. Нар. Просв., т. 2., ч. 1-я, стр. 101.

Источник — Акты издаваемые Виленскою археографическою комиссіею. Т. XVI Документы, относящіеся къ исторіи церковной уніи въ Россіи. — Вильна: тип. А.Г. Сыркина, 1889. — 701 с. — I Правительственныя распоряженія. — С. 113–115.

1828 г. Іюня 8.

Сенатскій, съ прописаніемъ Именнаго повелѣнія. — О переименованіи 2 Департамента Римско-Католической Духовной Коллегіи въ Грекоунитскую Духовную Коллегію.

Правительствующій Сенатъ слушали рапортъ состоящаго въ должности Главноуправляющаго Духовными дѣлами Иностранныхъ исповѣданій, г. Статсъ-Секретаря Блудова, что Его Императорское Величество Высочайше повелеть соизволилъ, что 2 Департаментъ Римско-Католической Духовной Коллегіи, въ настоящемъ его составе, изъ Членовъ Греко-Унитскаго Духовенства, подъ председательствомъ Митрополита Греко-Унитскихъ церквей, принялъ наименованіе Греко-Унитской Духовной Коллегіи. Онъ г. Статсъ-Секретарь, объявилъ сіе Высочайшее повелѣніе обоимъ Департаментамъ Римско-Католической Духовной Коллегіи, донесъ о томъ и Правительствующему Се-

нату. Приказали: о семъ Высочайшемъ Его Императорскаго Величества повеленіи уведомить отъ Сената указами Гг. Министровъ, Военныхъ Генераль-Губернаторовъ, Военныхъ Губернаторовъ, управляющихъ и гражданскою частью, Присутственныхъ мѣста, Губернскія Правленія и Правительства; а Святѣйшій Правительствующій Синодъ, во всѣ Департаменты Правительствующаго Сената и Общія оныхъ Собранія сообщить вѣденія.

2-е П. С. З. № 2086.

Источник — Акты издаваемые Виленскою археографическою комиссіею. Т. XVI Документы, относящіеся къ исторіи церковной уніи въ Россіи. — Вильна: тип. А.Г. Сыркина, 1889. — 701 с. — I Правительственныя распоряженія. — С. 116.

1832 г. Ноября 26.

Именной, объявленный Начальникамъ Западныхъ Губерній Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. — О пріемъ людей въ Римско-Католическія Семинаріи, Монастыри, доставленіи списковъ о Духовенствѣ Гражданскому начальству и о дистинкторіальныхъ крестахъ.

Его Императорское Величество, по положенію Комитета о дѣлахъ Западныхъ Губерній, Высочайше повелеть соизволилъ:

1. Возложить на всѣхъ Римско-Католическихъ Епархіальныхъ Начальниковъ обязанность, о каждомъ нринимаемомъ въ Семинарію клирике немедленно извѣщать мѣстныхъ Гражданскихъ Губернаторовъ и сообщать имъ всѣ нужныя свѣдѣнія какъ о свободномъ состояніи поступающая въ Семинарію, такъ и о неимѣніи къ тому никакихъ препятствій. Если же Начальникъ Губерніи усмотритъ неправильность въ пріемѣ, то дѣлаетъ по сему предмету на законномъ основаніи распоряженіе и доноситъ объ ономъ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ.

2. Подтвердить всѣмъ Римско-Католическимъ и Греко-Унитскимъ Епархіальнымъ Начальствамъ, чтобы они тщательно

наблюдали за точнымъ исполненіемъ предписанныхъ въ 1822 г. бывшимъ Министерствомъ Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, въ слѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, правилъ, касательно пріема въ монастыри людей разнаго званія.

3. Вмѣнить какъ Римско-Католическимъ, такъ и Греко-Унитскимъ Епархіальнымъ Начальствамъ въ непремѣнную обязанность, чтобъ они ежегодно доставляли мѣстнымъ Гражданскимъ Губернаторамъ именные списки о всѣхъ Духовныхъ ихъ вѣдомства, о постоянномъ оныхъ пребываніи, равно и подробные объ нихъ списки, съ тѣмъ, чтобы въ сихъ последнихъ показаны были все дѣти Греко-Унитскихъ Священно-и-церковно-служителей съ объясненіемъ, которые изъ нихъ остаются непристроенными или живутъ въ праздности.

Сверхъ сего, Государю Императору благоугодно было повелѣть, чтобы Прелаты, Каноники и другіе Римско-Католическіе Духовные, имеющее по установленіямъ право носить дистинкторіальныя кресты, носили на оныхъ, согласно Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему въ 1778 году о дистинкторіальныхъ знакахъ Могилевской Римско-Католической каѳедры, изображеніе Россійскаго Императорскаго герба.

Объявивъ сіи Высочайшія Его Императорскаго Величества повелѣнія Духовнымъ Коллегіямъ Римско-Католической и Греко-Унитской для надлежащаго исполненія по части духовной, и давъ знать о семъ Генераль-Губернаторамъ и Гражданскимъ Губернаторамъ возвращенныхъ отъ Польши Губерній, для зависящая отъ нихъ наблюденія и исполненія, считаю долгомъ объ оныхъ Высочайшихъ повелѣніяхъ сообщить и Вашему Превосходительству; а дабы вамъ, Милостивый Государь, были известны упоминаемый во второй статьѣ Высочайшаго повеленія правила, предписанныя въ 1822 году о людяхъ, принимаемыхъ въ монастыри Римско-Католическіе и Греко-Унитскіе, препровожд-

даю при семь списокъ съ донесенія по сему предмету бывшаго Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія Правительствующему Сенату отъ 16 Октября того жъ года.

2-е П. С. 3. № 15773.

Источник – Акты издаваемые Виленскою археографическою комиссіею. Т. XVI Документы, относящіеся къ исторіи церковной уніи въ Россіи. – Вильна: тип. А.Г. Сыркина, 1889. – 701 с. – С. 132.

1839 г. Іюня 23.

Сенатскій, по Высочайшему повелѣнію. – О присоединении Греко-Унитской въ Россіи церкви въ полное общеніе Православно-Каѳолической Восточной церкви и въ нераздѣльный составъ церкви Всероссійскія.

Правительствующій Сенатъ слушали вѣдѣніе Святѣйшаго Правительствующаго Синода, что по принесенной Государю Императору Греко-Унитскими Преосвященными: Епископомъ Литовскимъ Іосифомъ, Епископомъ Оршанскимъ Василіемъ и Епископомъ Брестскимъ Антоніемъ съ прочимъ духовенствомъ всеподданнѣйшей просьбѣ, о дозволеніи всѣмъ имъ, вмѣстѣ со ввѣренными паствами, присоединиться къ ихъ Прародительской Православной церкви; при чемъ поднесень былъ составленный всѣми Епископами и прочимъ начальствующимъ духовенствомъ, въ города Полоцкѣ, Соборный актъ, коимъ изъявлено твердое намѣреніе признать единство ихъ церкви съ Православно-Каѳолическою Восточною церковію и быть въ послушаніи Святѣйшаго Синода, а въ доказательство общаго на то согласія духовенства, приложены къ акту собственноручный объявленія 1305 Священниковъ и монашествующей братіи, Его Императорскому Величеству благоугодно было, въ 1 день минувшаго Марта, Высочайше повелѣть Святѣйшему Синоду разсмотрѣть означенный актъ и объявить и положить сообразное съ правилами

Св. церкви постановленіе. Во исполненіе таковой Высочайшей воли, въ Святѣйшемъ Синодѣ, по надлежащемъ разсмотрѣніи упомянутыхъ: прошенія, акта и объявленій, въ слѣдствіе опредѣленія онаго 6 и 13 минувшаго Марта, послѣдовало Синодальное дѣяніе, подписанное 23 Марта, и представлено было при всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ того же 23 Марта Его Императорскому Величеству. Таковыми: Синодальнымъ дѣяніемъ и всеподданнѣйшимъ докладомъ Святѣйшій Синодъ нолагалъ:

1) Епископовъ, священство и духовныя паствы такъ именовавшейся до нынѣ Греко-Унитской церкви, посвященнымъ правиламъ и примѣрамъ Святыхъ Отецъ, принять въ полное и совершенное общеніе Святаго Православно-Каѳолическія Восточныя церкви и въ нераздельный составъ церкви Всероссійскія.

2) Въ особенности Епископамъ и священству преподавъ Соборное благословеніе Святѣйшаго Синода съ молитвою вѣры и любви къ Верховному Святителю исповѣданія нашего Іисусу Христу, да утверждаетъ ихъ вину въ изреченномъ ими исповѣданіи и да благоуправляетъ дѣло служенія ихъ въ совершенно Святыхъ:

3) Въ управленіи ввѣренныхъ имъ паствъ поступать имъ на основаніи Слова Божія, правилъ церковныхъ и согласно съ предписаніями Святѣйшаго Синода, и утверждать ввѣренные имъ паствы въ единомысліи Православныя Вѣры, а къ разнообразію нѣкоторыхъ мѣстныхъ обычаевъ, не касающихся догматовъ и таинствъ, являть Апостольское снисхожденіе, и къ древнему единообразно возвращать оныя посредствомъ свободнаго убѣжденія съ кротостію и долготерпѣніемъ.

4) Управленіе возсоединенныхъ епархій и принадлежащихъ къ нимъ духовныхъ училищъ оставить на прежнемъ основаніи, впредь до ближайшаго усмотрѣнія, какимъ лучшимъ и удобнѣйшимъ образомъ оное можетъ быть соглашено съ управленіемъ древле-православныхъ епархій.

5) Греко-Упитскую Духовную Коллегію поставить, въ отношеніи къ Святѣйшему Синоду, по Іерархическому порядку, на степень Московской и Грузино-Имеретинской Святѣйшаго Синода Конторъ и именоваться Бѣлорусско-Литовскою Духовного Коллегіею.

6) Преосвященному Іосифу быть Предсѣдателемъ сей Духовной Коллегіи, съ возведеніемъ его въ санъ Архіепископа. На вышеизъясненномъ всеподданнѣйшемъ докладѣ Святѣйшаго Синода Его Императорскому Величеству, въ 25 день Марта, благоугодно было написать собственноручно: „Благодарю Бога и принимаю“. Въ слѣдствіе чего о такомъ радостномъ для Православной церкви событіи объявлено Преосвященному Іосифу въ присутствіе Святѣйшаго Синода, и вручена ему грамота къ возсоединеннымъ Епископамъ и духовенству; а потомъ принесено было Господу Богу благодарственное молебствіе въ соприсутствіи того же Преосвященнаго; при чемъ онъ Преосвященный принесъ въ Св. Алтарѣ на санъ Архіепископа присягу по установленной формѣ. Святѣйшій Правительствующій Синодъ опредѣлилъ: о совершившемся и принятомъ Его Императорскимъ Величествомъ присоединена такъ именовавшейся въ Россіи Греко-Унитской церкви въ полное и совершенное общеніе Святыя Православно-Каѳолическія Восточныя церкви и въ нераздельный составъ церкви Веероссійскія, дать знать нынѣ вообще всѣмъ подвѣдомственнымъ Святѣйшему Синоду мѣстамъ и лицамъ печатными указами, а Правительствующему Сенату вѣдѣніемъ. Приказали: послать, куда слѣдуетъ, указы).

2-е П. С. З. № 12467.

Источник – Акты издаваемые Виленскою археографическою комиссіею. Т. XVI Документы, относящіеся къ исторіи церковной уніи въ Россіи. – Вильна: тип. А.Г. Сыркина, 1889. – 701 с. – I Правительственные распоряженія. – С. 139.

1839 г. Февраля 12.
Соборный актъ о возсоединеніи.

Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа. Мы благостию Божіею, Епископы и Освященный Соборъ Грекоуниитской Церкви въ Россіи, въ неоднократныхъ совѣщаніяхъ приняла въ разсужденіе нижеслѣдующее:

Церковь наша отъ начала своего была въ единствѣ Святыя, Апостольскія, Православно-Каѳолическія Церкви, которая самимъ Господомъ Богомъ и Спасомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ на Востокъ насаждена, отъ Востока возсіяла міру, и доселѣ цѣло и неизмѣнно соблюла Божественные догматы ученія Христова, ничего къ оному не прилагая отъ духа человѣческаго суемудрія. Въ семъ благочинномъ и превосхитительномъ Вселенскомъ союзѣ церковь наша составляла нераздельную часть Греко-русскія Церкви, подобно какъ и предки наши, по языку и происхожденію, всегда составляли нераздѣльную часть Русскаго народа. Но горестное отторженіе обитаемыхъ нами Областей отъ матери нашей – Россіи отторгнуло и предковъ нашихъ отъ истиннаго Каѳолическаго единенія, и сила чуждаго преобладать подчинила ихъ власти Римской Церкви, подъ названіемъ Уніатовъ. Хотя же для нихъ и обезпечены были отъ неа формальными актами Восточное Богослуженіе на природномъ нашемъ Русскомъ языкѣ, всѣ священные обряды и самыя постановленія Восточныя Церкви, и хотя далѣе воспрещенъ былъ для нихъ переходъ въ Римское Исповѣданіе (яснѣйшее доказательство, сколь чистыми и непреложными признаны были наши древніе Восточные уставы!); но хитрая политика бывшей Польской Республики и согласное съ нею направленіе мѣстнаго Латинскаго Духовенства, нетерпѣвшіе духа Русской народности и древнихъ обрядовъ Православнаго Востока, устремили всѣ силы свои къ изглаженію, если бы можно было, и самыхъ слѣдовъ первобытнаго происхожденія нашего народа и нашей Церкви. Отъ сего сугубаго усилія предки наши, по принятія Уніи, под-

верглись самой бѣдственной долѣ. Дворяне, стѣсняемые въ своихъ правахъ, переходили въ Римское Исповѣданіе, а мѣщане и поселяне, не измѣня обычаямъ предковъ, еще сохранившимся во Уніи, терпѣли тяжкое угнетеніе. Но скоро обычаи и священные церковные обряды, постановленія и самое Богослуженіе нашей Церкви стали значительно измѣняться, а на мѣсто ихъ вводились Латинскіе, вовсе ей несвойственные. Грекоунитское приходское Духовенство, лишенное средствъ къ просвѣщенію, въ бѣдности и уничиженіи, поработщено Римскимъ, и было въ опасности подвергнуться наконецъ совершенному уничтоженію или превращенію, если бы Всевышній не прекратилъ сихъ вѣковыхъ страданій, возвративъ Россійской Державѣ обитаемый нами Области – древнее достояніе Руси. Пользуясь столь счастливымъ событіемъ, большая часть Уніатовъ возсоединилась тогда же съ Восточною Православно-Каѳолическою Церковію и уже по прежнему составляетъ нераздельную часть Церкви Всероссійскія; остальные же нашли по возможности въ благодѣльномъ Русскомъ Правительствѣ защиту отъ превозможенія Римскаго Духовенства. Но отеческимъ щедротамъ и покровительству ныне благополучно царствующаго Благочестивейшаго Государя нашего Императора Николая Павловича обязаны мы нынешнею полною независимостію Церкви нашей, нынешними обильными средствами къ приличному образованію нашего Духовнаго юношества, нынешнимъ обновленіемъ и возрастающимъ благолепіемъ святыхъ храмовъ нашихъ, где совершается Богослуженіе на языкѣ нашихъ предковъ и где священные обряды возстановлены въ древней ихъ чистотѣ. Повсюду вводятся постепенно въ прежнее употребленіе все уставы нашей искони Восточной, искони Русской Церкви. Остается желать только, дабы сей древній Боголюбезный порядокъ былъ упроченъ и на грядущія времена для всего Уніатскаго въ Россіи населенія, дабы полнымъ возстановленіемъ прежняго единства съ Церковію Россійскою сіи прежнія чада ея могли на лоне истинной матери своей обрести то спокойствіе и духовное преуспеяніе, котораго лишены были во время своего отъ оной отчужденія. По благодати Господней, мы и прежде отделены были отъ древней матери

нашей Православно-Каѳолической Восточной, и въ особенности Россійской Церкви, не столько духомъ, сколько внѣшнюю зависимость и неблагопріятными событіями; ныне же, по милости Всещедраго Бога, такъ снова приблизились къ ней, что нужно уже не столько возстановить, сколько выразить наше съ нею единство.

Посему, въ теплыхъ сердечныхъ моленіяхъ, и призвавъ на помощь благодать Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа (который единъ есть истинный Глава единыя истинныя Церкви) и Святаго и всесовершающаго Духа, Мы положили твердо и неизменно:

1) Признать вновь единство наша Церкви съ Православно-Каѳолическою Восточною Церковью и посему пребывать отныне, кунно съ вверенными намъ паствами, въ единомысліи со Святейшими Восточными Православными Патриархами и въ послушаніи Святейшаго Правительствующаго Всероссийскаго Синода.

2) Всеподданнейше просить Благочестивейшаго Государя Императора настоящее намереніе наше въ Свое Августейшее покровительство принять к исполнению онаго, къ миру и спасенію душъ, Высочайшимъ Своимъ благоусмотреніемъ и державною волею споспешествовать, да и мы, подъ благотворнымъ Его скипертомъ, со всемъ Русскимъ народомъ совершенно едиными и неразнствующими устами и единымъ сердцемъ славимъ Тріединаго Бога, по древнему чину Апостольскому, по правиламъ святыхъ Вселенскихъ Соборовъ и по преданію Великихъ Святителей и Учителей Православно-Каѳолическія Церкви.

Во увѣреніе чего мы всѣ, Епископы и Начальствующее Духовенство, сей Соборный актъ утверждаемъ собственноручными нашими подписями и въ удостовѣреніе общаго на сіе согласія прочаго Грекоунитскаго Духовенства, прилагаемъ собственноручный же объявленія Священниковъ и Монашествующей братіи; всего тысячи трехъ сотъ пяти лицъ*.

Данъ въ Богоспасаемомъ градѣ Полоцкѣ, лѣта отъ Сотворенія Мира семь тысячъ триста сорокъ седьмаго, отъ Вопло-

щенія же Бога Слова тысяча восемьсотъ тридцать девятого, мѣсяца Февраля въ двѣнадцатый день, въ Недѣлю Православія.

Подлинный подписали:

Смиренный *Иосифъ*, Епископъ Литовскій.

Смиренный *Василій*, Епископъ Оршанскій, управляющій Бѣлорусскою Епархіею.

Смиренный *Анигоній*, Епископъ Брестскій, Викарій Литовской Епархіи.

Засѣдатель Грекоунитской Духовной Коллегіи, Соборный Протоіерей *Игнатій Пильховскій*.

Засѣдатель Грекоунитской Духовной Коллегіи, Соборный Протоіерей *Іоаннъ Конюшевскій*.

Засѣдатель Грекоунитской Духовной Коллегіи Соборный Протоіерей *Левъ Ланьковскій*.

Председатель Литовской Консисторіи, Соборный Протоіерей *Антоній Тупальскій*.

Предсѣдатель Бѣлорусской Консисторіи, Ректоръ Семинаріи, Соборный Протоіерей *Махаиль Шелепинъ*.

Вице-Предсѣдатель Литовской Консисторіи, Соборный Протоіерей *Михаиль Толубошчъ*.

Въ должности Ректора Литовской Семинаріи Соборный Протоіерей *Ф. Гомолицкій*.

Вице-Предсѣдатель Бѣлорусской Консисторіи, Протоіерей *Константинъ Игнатовичъ*.

Членъ Литовской Консисторіи и экономъ семинаріи,

Крестовый Игумень *Іосафъ Бѣжинскій*.

Членъ Бѣлорусской Консисторіи, Игумень *Іосифъ Новицкій*.

Инспекторъ Бѣлорусской Семинаріи, Соборный Протоіерей *Оома Малишевскій*.

Инспекторъ Литовской Семинаріи, Крестовый Іеромонахъ *Игнатій Желязовскій*.

Ключарь Полоцкаго Софійскаго каѳ. собора, С. П. *Михаиль Копецкій*.

Экономъ Бѣлорусской Семинаріи, Соборный Протоіерей *Іоаннъ Щенсновичъ*.

Засѣдатель Литовской Консисторіи. Соборный Протоіерей *Плакидъ Янковскій*.

Засѣдатель Бѣлорусской Консисторіи, Протоіерей *Іоаннъ Глибооскій*.

Засѣдатель Литовской Консисторіи *Григорій Куцевичъ*.

Засѣдатель Бѣлорусской Консисторіи Іерей *Іоаннъ Сченсновичъ*.

Засѣдатель Бѣлорусской Консисторіи *Ѳома Околотчъ*.

Въ должности Секретаря при Литовскомъ Преосвященномъ, Крестовый Іеромонахъ *Фаустъ Михневчъ*.

Въ должности Секретаря при Преосвященномъ Антоніи, Іеромонахъ *Петръ Михалевичъ*.

* Въ слѣдъ за тѣмъ сіе число возрасло до 1607, такъ что не осталось въ Россіи ни одного Грекоунискаго прихода, который бы неучаствовалъ въ общемъ дѣлѣ воссоединенія.

Источник – Акты издаваемые Виленскою археографическою комиссіею. Т. XVI Документы, относящіеся къ исторіи церковной уніи въ Россіи. – Вильна: тип. А.Г. Сыркина, 1889. – 701 с. – С. 138–140.

№ 109.-1839 г. Февраля 12.

Всеподаннѣйшее прошеніе о воссоединеніи.

Всеавгустѣйшій Монархъ,
Всемиловитѣйшій Государь!

Съ отторженіемъ отъ Руси, въ смутным времена, Западныхъ ея Областей Литвою и послѣдовавшимъ за тѣмъ присоединеніемъ оныхъ къ Польшѣ, Русскій Православный народъ подвергся въ нихъ тяжкому испытанію отъ постоянныхъ усилій Польскаго Правительства и Римскаго Двора отдѣлить ихъ отъ Церкви Православно-Каѳолической Восточной и присоединить

къ Западной. Лица высшихъ состояній, стѣсняемые всѣми мѣрами въ ихъ правахъ, совратились въ чуждое для нихъ Римское Исповѣданіе и забыли даже собственное происхожденіе и народность.

Мѣщане и поселяне были отторгнуты отъ единения съ Восточною Церковію посредствомъ Уніи, введенной въ концѣ ХVІ столѣтія. Съ того времени сей народъ отдѣлился отъ матери своей, Россіи; постоянныя ухищренія политики и фанатизма стремились къ тому, чтобы сдѣлать его совершенно чуждымъ древняго Отечества его, и Уніаты испытали, въ полномъ смыслѣ, всю тягость иноплеменнаго ига.

По возвращеніи Россіею древняго ея достоянія, большая половина Уніатовъ восприсоединилась къ Прародительской своей Грекороссійской Церкви, а остальные нашли покровительство и защиту отъ преобладанія Римскаго Духовенства. Въ благословенное же царствованіе Вашего Императорскаго Величества, при благодѣтельномъ возрѣніи Вашемъ, Всемиловивѣйшій Государь, у нихъ уже по большей части возстановлены въ прежней чистотѣ Богослуженіе и постановленія Грековосточной Церкви, ихъ Духовное юношество получаетъ воспитаніе соответственное своему назначенію; они могутъ уже быть и называть себя Русскими.

Но Грекоунитская Церковь въ отдѣльномъ своемъ видѣ, среди другихъ Исповѣданій, не можетъ никогда совершенно достигнуть ни полнаго благоустройства, ни спокойствія необходимая для ея благоденствія, и многочисленные принадлежащія къ ней жители Западныхъ Губерній, Русскіе по языку и происхожденію, подвергаются опасности остаться въ положеніи, колеблемомъ переменчивостію обстоятельствъ, и нѣсколько чуждыми своихъ Православныхъ собратій.

Сія причина, наипаче же забота о вѣчномъ благе вверенной намъ паствы, побуждаютъ насъ, твердо убѣжденныхъ въ истинѣ догматовъ Святыя, Апостольскія. Православно-Каѳолическія Восточной Церкви, припасть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, и всеподданнейше молить Васъ,

Державнейшій Монархъ, упрочить дальнейшую судьбу Уніатовъ дозволеніемъ имъ присоединиться къ ихъ прародительской Православной Всероссийской Церкви. Въ удостовѣреніе же общаго нашего на сіе согласія имеемъ счастье поднести составленный нами Епископами и Начальствующимъ Духовенствомъ

Грекоунитской Церкви, въ городе Полоцке, сего числа Соборный актъ и при ономъ собственноручный объявленія 1305 линь остальнаго Греко-унитскаго Духовенства.

Подлинное подписали:

Иосифъ Епископъ Литовской. *Василій* Епископъ Оршанскій, управ. Бѣл. Епарх.

Антоній Епископъ Брестскій, Викарій Литовск. Епарх.
Полоцкъ. 12 Февраля 1839.

Источник – Акты издаваемые Виленскою археографическою комиссіею. Т. XVI Документы, относящіеся къ исторіи церковной уніи въ Россіи. – Вильна: тип. А.Г. Сыркина, 1889. – 701 с. – I. Правительственныя распоряженія. – С. 140.

1839 г. Марта 1.

Указъ Святѣйшему Синоду.

Епископы Грекоунитской Церкви Имперіи Нашей представили Намъ чрезъ заведывающаго Духовными делами сего Исповеданія, Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода Графа Протасова, прошеніе свое о дозволеніи имъ, вместе съ вверенною имъ паствою, присоединиться къ ихъ прародительской Православной Церкви, отъ которой предки ихъ были отторгнуты въ смутное время преобладанія Польши въ обитаемыхъ ими Западныхъ Русскихъ Областяхъ. Они съ темъ вместе поднесли Намъ и составленный ими съ прочимъ Начальствующимъ Духовенствомъ ихъ Епархій, въ городе Полоцке, 12 сего Февраля, Соборный актъ, коимъ изъявляютъ твердое намереніе признать единство ихъ Церкви съ Православно-Каѳолическою Восточною Церковію, и быть въ послушаніи Святѣйшаго Всероссийскаго

Синода, а въ доказательство согласія на то и всего остального ихъ Духовенства прилагають къ акту собственноручныя объявленія 1305 Священниковъ и Монашествующей братіи.

Воздавъ изъ глубины души благодареніе Всемогущему Богу, подвигнувшему сердца столь многочисленнаго, искони Русскаго Духовенства возвратиться вместе съ ихъ паствою на лоно истинной ихъ матери – Православной Церкви, Мы повелели Оберъ-Прокурору Святейшаго Синода означенный актъ и объявленія внести въ Святѣйшій Синодъ на разсмотрѣніе и сообразное съ правшами Святыя Церкви постановленіе.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

НИКОЛАЙ.

В С.-Петербургѣ 1 Марта 1839.

Источник – Акты издаваемые Виленскою археографическою комиссіею. Т. XVI Документы, относящіеся къ исторіи церковной уніи въ Россіи. – Вильна: тип. А.Г. Сыркина, 1889. – 701 с. – I Правительственныя распоряженія. – С. 141.

Таблица – Ведомость о празднуемыхъ фестах и процессіяхъ в костелах и монастыряхъ Гродненской губерніи (1840 г.).

Название местности	Название монастыря или костела	Численность прихожан на праздниках (фесты, процессии)
г. Гродно	Кармелитский костел под названием Воздвижения креста	до 2300
	Бернардитский монастырь и костел св. Антонія	до 1000
	Францисканский монастырь	250-350
	Бригитский монастырь и костел Благовещенія Богороди-	больше 1000

	цы	
	Бернардитский монастырь и Рождества Пресвятой Богородицы	100-250
	Поезуитский приходской р.-к. костел	до 600
г. Слоним	Фарный приходской костел	до 200
	Доминиканский костел	до 1000
	Костел Бернардинок	200-1000
	Костел Бенедиктов	до 200
г. Волковыск	Костел	до 200
Пружанский уезд	Сератский костел	300-1000
	Каватвитский костел	до 600
Новогрудский уезд	Приходской р.-к. костел	350
	Францисканский монастырь	500
	Доминиканский монастырь	650
	Зельвенский костел	до 500
Волковысский уезд	Лысковский монастырь	до 1500
	Порозовский костел	500-900
	Свислочский костел	1200
	Струбнитский костел	до 500
Кобринский уезд	Кобринский приходской костел	до 200
	Крупчицкий к. Кармелитский монастырь	200-300
	Лидский приходской костел	600-2000
Лидский уезд	Щучинский приходской костел	до 500
	Новодворский приходской костел	1000-1500

Источник – Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. – Фонд 1, Опись 20, Дело 934, Лист 32.

Таблица – Численность членов ордена при монастырях Гродненской губернии (1842 г.).

Название ордена	Количество духовенства	Нахождение монастыря
Каноников	7	Слонимский уезд
Бернардинский	14	
Доминиканский	10	
Бернардинок	17	
Марьявиток	8	
Бенедиктинский	18	
Кармелитов	11	
Бернардинский	18	Гродненский уезд
Францисканский	13	
Бригиток	31	
Бернардинок	15	
Пиаров	13	Лидский монастырь Кружацкий кармелитский монастырь стародавних правил Кобринский уезд
Кармелитов	7	
Марьяновиток	8	Рожанский монастырь
Орден ?	2	Брестский уезд
Доминиканов	17	Новогрудский уезд
Францисканцев	11	
Доминиканок	20	Щучинский монастырь
Сестер милосердия	9	

Источник – Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. – Фонд 1, Опись 20, Дело 934, Лист 38.

Таблица – Выписка из расписания штатных р.-к. монастырей на кланы (1842 г.).

Мужские			
Название ордена	Класс м.-ря	Название монастыря	Какое количество монахов должно

			быть в каж- дом мона- стыре
Францисканцев	2	Гродненский	не больше 16
Марьянов	2	Росненский	человек
<i>Женские</i>			
Бригиток	1	Гродненский	не больше 19
Доминиканок	1	Новогрудский	
Бернардинок	3	Слонимский	не больше 11

Источник – Национальный исторический архив Белару-
си в г. Гродно. – Фонд 1, Опись 20, Дело 934, Лист 49.

МАНИФЕСТ 25 ИЮНЯ 1811 Г. ОБ «ОБЩЕМ УЧРЕЖДЕНИИ МИНИСТЕРСТВ»

В манифесте 25 июня 1810 года при установлении общего разделения государственных дел предназначено было все постановления, к окончательному устройству министерств принадлежащие, соединить и издать в Общем министерском учреждении.

Ныне, по окончательном соображении всех предметов, к сему принадлежащих, вняв мнению Государственного совета, повелеваем:

1. Прилагаемое при сем Общее министерств учреждение привести в надлежащую его силу и действие.

2. Сверх сего Общего учреждения все министерства снабжены будут на основании оного особенными их Учреждениями, кои непосредственно за сим, по мере их окончания, будут издаваемы и приводимы в исполнение.

ОБЩЕЕ УЧРЕЖДЕНИЕ МИНИСТЕРСТВ

Часть I

ОБРАЗОВАНИЕ МИНИСТЕРСТВ

Глава I

Общее разделение государственных дел

§ 1. Все дела государственные в порядке исполнительном разделяются на 5 главных частей:

I. Внешние сношения.

II. Устройство внешней безопасности.

III. Государственная экономия.

IV. Устройство суда гражданского и уголовного.

V. Устройство внутренней безопасности.

§ 2. Число министерств и главных управлений в каждой части определяется пространством ее и существом дел.

§ 3. На сем основано следующее государственных дел разделение:

1. Внешние сношения: Министерство иностранных дел.

2. Устройство внешней безопасности: Министерство военное, Министерство морское.

3. Государственная экономия: Министерство финансов, Государственное казначейство, Ревизия государственных счетов, Министерство внутренних дел, Министерство народного просвещения, Главное управление путей сообщения.

4. Устройство суда: Министерство юстиции.

5. Устройство внутренней безопасности: Министерство полиции.

К числу министерств вышеозначенных присоединяется Главное управление духовных дел разных исповеданий.

[...]

Глава II Предметы каждого министерства и главного управления

[...]

§ 15. К Главному управлению духовных дел иностранных исповеданий принадлежат все предметы, относящиеся к духовенству разных иностранных религий и исповеданий, исключая судные их дела.

[...]

II. Об отношениях министров по делам, требующим высочайшего разрешения

§ 235. К делам исполнительным, требующим особенного высочайшего разрешения, принадлежат вообще все предметы управления, предполагающие новый распорядок или дополнение правил, также ограничение, распространение или отмену мер, прежде правительством принятых и высочайше утвержденных.

[...]

§ 237. Дела, тайне подлежащие и чрезвычайные, хотя и принадлежат к общему составу управления, но образ доклада и порядок решения их устанавливается на особенных правилах и составляет предмет особенного учреждения.

[...]

Глава IV

Действия министерств на подчиненные им управления

§ 257. Места и лица, подчиненные министерству, исполняют предписания его с точностию и беспрекословно.

§ 258. Предписания министра могут быть двух родов: в одних объявляются именные высочайшие повеления, в других министр действует собственною его властью.

§ 259. Если б предписанием министра, содержащим в себе объявление высочайшего повеления, отменялся закон или учреждение, за собственноручным высочайшим подписанием изданное, тогда начальство, ему подчиненное, обязано, не чиня исполнения, представить о сем министру. Если же и за сим представлением предписание будет подтверждено в той же силе, тогда начальство обязано случай сей представить Правительствующему сенату на окончательное разрешение.

§ 260. Если б в предписании, непосредственно от власти министра исходящем, начальство, ему подчиненное, усмотрело отмену закона, учреждения или объявленного прежде высочайшего повеления, тогда оно обязано представить о сем министру. Если же и за сим предписание будет подтверждено от лица министра в той же силе, тогда начальство обязано представить случай сей Правительствующему сенату на окончательное разрешение.

§ 261. Если б наконец в исполнении предписаний, непосредственно от министра исходящих, начальство, ему подчиненное, усмотрело крайние неудобства, оно обязано представить министру о сих неудобствах в самом скором времени и потом поступать по его разрешению, не входя снова в представление.

§ 262. Предписания министров тогда только признаются действительными, когда имеют они установленную форму. Изъятия из сего правила означены будут в особенных учреждениях.

§ 263. Сила всех предписаний ограничивается тем кругом дел, который установлен для каждого министерства.

§ 264. Если подчиненное начальство получит предписание от министра по такому делу, которое не принадлежит к его министерству, то, не чиня по оному исполнения, оно обязано испросить разрешения от того министра, к коему относится предмет предписания.

§ 265. Министры, принимая жалобы на места и лица, им подчиненные, и истребовав по оным все нужные объяснения, полагают скорое и справедливое решение, наблюдая при сем: 1) чтоб не принимать жалоб на нижние места мимо высших, 2) чтоб не давать движения жалобам, без всяких доказательств приносимым, а паче не допускать доносов, на одной ябеде основанных, 3) чтоб вообще не ослаблять силы и действия мест и лиц, им подчиненных, излишним благоприятством к жалобам и доносам неосновательным, преждевременными взысканиями и выговорами по обвинениям не доказанным, или требованиями ответов и объяснений по наветам, внимания не заслуживающим; с доносителями же, во лжи и ябеде приличными, поступать по законам.

§ 266. Сверх просьб и жалоб, письменно присылаемых, каждый министр назначает один или два дня в неделе для принятия просьб и жалоб словесных, учреждая порядок принятия оных, сколь можно удобнее и для скорого решения успешнее.

§ 267. Для принятия личных докладов и представлений по службе каждый министр назначает постоянные дни и часы по департаментам и их отделениям, с точностию наблюдая, чтоб время и движение дел, в местах ему подвластных, не терялось в тщетных ожиданиях.

§ 268. Министры разрешают сомнения между департаментами и местами, им подчиненными, возникающие, о принадлежности дел, и властью своею пресекают все, могущие быть о сем пререкания, строго при том наблюдая, чтоб каждое дело производимо было в том самом департаменте, к которому оно принадлежит по существу своему, и никак не попуская, чтоб дела в производстве их совращались с пути, им определенного.

§ 269. По всем делам службы никакого предписания министра не можно обратить к нижнему начальству, миновав или не известив высшее.

§ 270. В делах, от губернского начальства зависящих, все предписания министров обращаются к начальнику губернии.

§ 271. Каждое министерство по делам, ему вверенным, сносится с начальниками губерний непосредственно.

§ 272. Главнокомандующие, генерал-губернаторы и военные губернаторы, управляющие гражданскою частию,

по делам, им вверенным, имеют право относиться непосредственно к государю императору, надписывая донесения их по части того министра, к коему предмет их принадлежит.

§ 273. Представления, от сих высших губернских начальников к министрам входящие, соображаются с общими правилами и с заключениями их вносятся, по свойству дел, на дальнейшее разрешение.

§ 274. Получив разрешение, министры сообщают оное сим начальникам для надлежащего исполнения.

§ 275. В сем порядке никакие представления от гражданских губернаторов не входят к министерствам мимо главного начальника губернии.

§ 276. Из сего исключаются: 1) доставление срочных ведомостей о течении дел, движении сумм и проч., 2) доставление разных сведений, кои от департаментов министерских прямо требуемы будут, 3) те случаи, в коих гражданские губернаторы признают данные им от главных начальников предписания противными существующим постановлениям или точным предписаниям министров.

§ 277. Министры имеют во всех случаях право предписывать губернскому начальству непосредственно, сообщая главному начальнику списки с своих предписаний, для надзора его в исполнении.

[...]

Глава IX

Порядок подчиненности

§ 369. Строгое сохранение подчиненности во всех отношениях есть первый признак благоустройства в министерстве.

§ 370. Директоры департаментов и канцелярии непосредственно подчиняются министрам; начальники отделений директорам, столоначальники начальникам отделений, прочие чины столоначальникам.

§ 371. Экзекуторы, казначеи, контролеры, бухгалтеры, начальники архива и чертежной подчиняются непосредственно директору, а им подчиняются их помощники и чины, к званиям их принадлежащие.

§ 372. Чиновники, определяемые для исправления особенных поручений по департаментам, состоят в непосредственном подчинении директорам.

§ 373. Каждое лицо, состоящее в службе, обязано оказывать уважение к предпоставленному над ним высшему лицу, принимать от него приказания и исполнять их с точностию.

§ 374. Никто не может вменять себе в предо суждение, когда быв старший чином, в порядке службы и по распределению должностей в министерстве, подчинен будет младшему. В сем положении он должен исполнять приказания лица, над ним предпоставленного, без всякого пререкания.

§ 375. Всякое неуважение к начальству, изъявленное в делах службы письменно или словесно, взыщется строго по законам.

[...]

Источник – Российское законодательство X-XX вв.: в 9 т. Т.6. Законодательство первой половины XIX века. Отв. ред. О. И. Чистяков. – М., Юридическая литература, 1988. – С. 92–93, 120–121, 131.

Научное издание

Попов Михаил Аркадьевич
Ганчар Андрей Иванович

Митрополит С. Богуш-Сестренцевич:
формирование правительственной политики по отношению к
Римско-католической церкви на белорусских землях
(конец XVIII – первая четверть XIX в.)
Монография

Компьютерная верстка: А.И. Ганчар

Подписано в печать 05.11.2011.
Формат 60х84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать Riso. Усл. печ. л. 16,16. Уч.-изд. л. 14,55.
Тираж 100 экз. Заказ № 2663.

Учреждение образования
«Гродненский государственный аграрный университет»
Л.И. №02330/0548516 от 16.06.2009.
230008, г. Гродно, ул. Терешковой, 28.

Отпечатано на технике издательско-полиграфического отдела
Учреждения образования «Гродненский государственный
аграрный университет»
230008, г. Гродно, ул. Терешковой, 28.